

Борис Стругацкий

представляет альманах фантастики

ПОЛДЕНЬ XXI ВЕК

НЕТ ПЛОХИХ
ВЕСТЕЙ
ИЗ СИККИМА

март
2008

РЕКОМЕНДОВАННАЯ
ЦЕНА 30 РУБЛЕЙ

ISSN 977-172783200-7

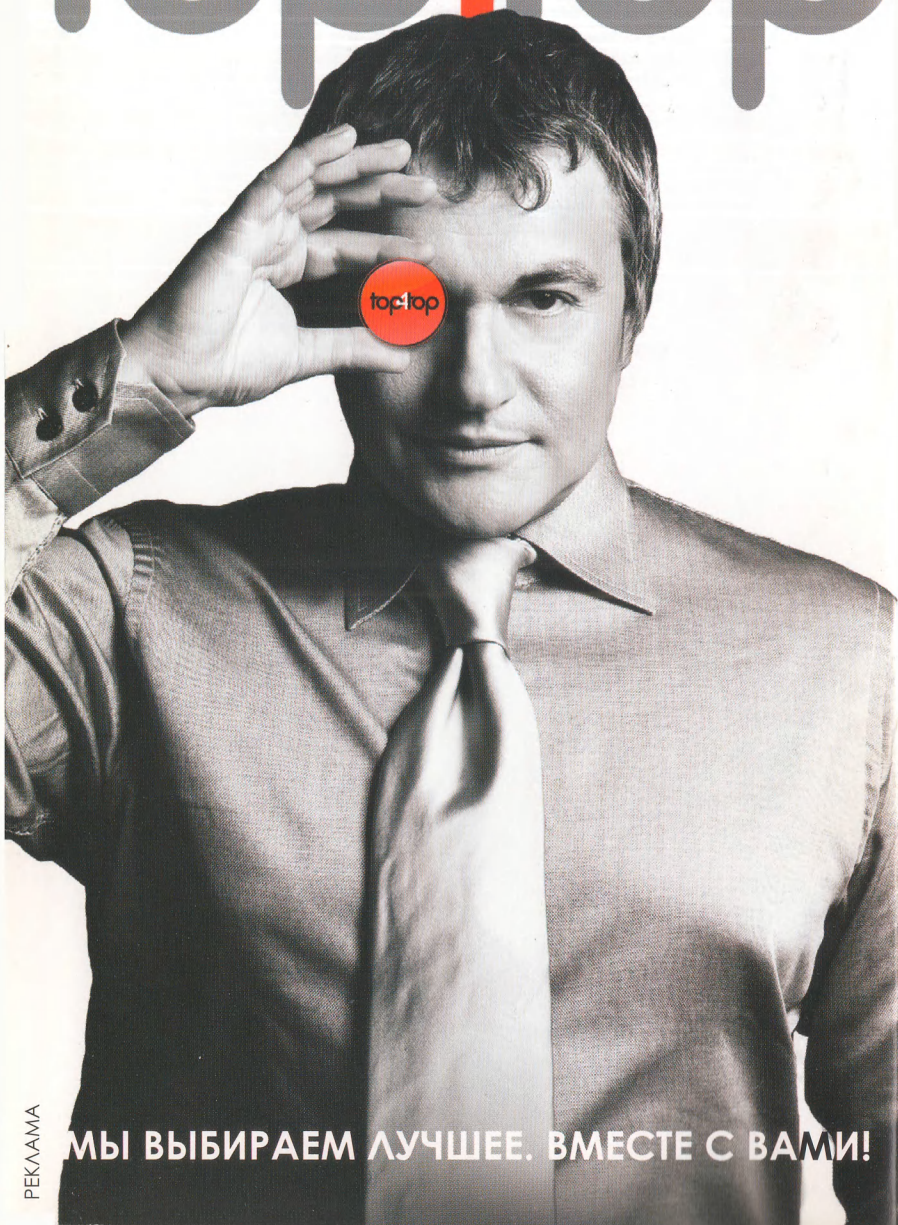

9 771727 832007

умный портал

www.top4top.ru

top4top

РЕКЛАМА

МЫ ВЫБИРАЕМ ЛУЧШЕЕ. ВМЕСТЕ С ВАМИ!

Борис Стругацкий

представляет альманах фантастики

ПОЛДЕНЬ

XXI ВЕК

МАРТ
2008

Нет плохих вестей
из Сиккима

ПОЛДЕНЬ, XXI век

Нет плохих вестей из Сиккима

Главный редактор
Борис Стругацкий
www.rusf.ru/abs
e-mail: BStrugatsky@vokrugsveta.ru

Учредитель и издатель:
ООО «Издательство “ВОКРУГ СВЕТА”»
129515, Москва, а/я 6
e-mail: vokrugsveta@vokrugsveta.ru

Размещение рекламы РА «Видео Интернешнл-пресс»:
просп. Вернадского, 53, тел.: (495) 785 55 06, 984 63 14, факс (495) 974 62 52.

Распространение продукции «ВОКРУГ СВЕТА» ООО «ВС-Дистрибьюшн»:
тел.: (495) 781 69 47, тел./факс (495) 781 69 48, *vs-d@vokrugsveta.ru*.

Распространение и подписка
ЗАО «Межрегиональный Дистрибьютор Прессы «МАОРТ»:
тел. (495) 744-55-12. *e-mail* отдела продаж: *sl@maart.ru*
e-mail отдела подписки: *podpiska@maart.ru*

Тираж сертифицирован
Национальной Тиражной Службой

Свидетельство о регистрации средства массовой информации

ПИ 77-16622 от 10 октября 2003 г.

Изд. лицензия ЛР № 065684 от 19.02.98

Подписано в печать 05.02.08. Формат 84 x 108 ¹/₃₂

Гарнитура журнальная. Печ. л. 5.5. Тираж 16 305

Заказ № 360

ОАО «Типография “Новости”»
105005, Москва, ул. Фр. Энгельса, д. 46

ISBN 978-5-98652-211-1

9 785986 522111
Информационная поддержка:
Александр Сидорович
(«ИНТЕРПРЕССКОМ»)

Адрес редакции:

199053, Санкт-Петербург,
1-я линия В.О., д. 28
Тел./факс (812) 328 63 29
e-mail: polden@vokrugsveta.ru

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Тексты принимаются в формате RTF на дискетах
или по электронной почте: *polden@vokrugsveta.ru*

Колонка дежурного по номеру

Быть демиургом – это счастье.

Создавать миры, не похожие ни на один из уже созданных; рождать людей – старых или юных, мужчин или женщин, красавцев или уродов; творить их долгую судьбу – блаженную или несчастную, полную свершений или неудач, искрящуюся небывалой любовью или обрывающуюся в жуткую ненависть...

Быть демиургом – это радость.

Отправлять рожденных тобой людей в неведомые страны или делать их творцами невозможных открытий; принуждать их к непредсказуемым действиям или вколачивать в них веру в невероятное; испытывать вместе с ними недолгое веселье или дарить им вечную молодость...

Быть демиургом – это заботы.

Влюблять рожденных тобою людей друг в друга; научить их сочинять валентинки и посвящать свою жизнь князям владимирам; придумывать для них поступки и искать им оправдание...

Быть демиургом – это проблемы.

Знать, что в рожденных тобой людей влюбятся и заранее соглашаться с этим; подавать им плохой пример и вгонять в тоску; сажать их в тюрьмы и отыскивать им адвокатов...

Быть демиургом – это печаль.

Лишать рожденных тобою людей переполняющей душу любви; отнимать у них элементарное человеческое счастье; понуждать их к преступлениям; заставлять их поверить, что из Сиккима нет и никогда не будет плохих вестей...

Быть демиургом – это горе.

Разрушать благополучные семьи; отбирать счастливых детей у счастливых родителей; заставлять людей плакать и тосковать; подвергать их дьявольским пыткам и отбирать у них жизни; уничтожать вполне благополучные страны и целые миры. И пытаться позабыть о том, что в реале из-за созданного твоим трудом лишат себя жизни тобою нерожденные...

А потом впадать в черную депрессию и топить свою обретенную поневоле вину в горьком и терпком вине, зная, что пройдет какое-то время и ты начнешь все заново – создавать, рождать, принуждать, дарить, влюблять. И убивать...

Простите нас все, кто умер по нашему профессиональному желанию. Или по нашему нежеланию... Простите нас.

Николай Романецкий

«Издательство «ВОКРУГ СВЕТА»
Генеральный директор Леонид Наумов
Директор по производству Евгений Колесов
Главный художник Юрий Токарев
PR-менеджер Анна Холодова
Художники: Николай Панин, Александр Лебедев
Дизайнеры: Елена Кузянина, Станислав Новиков
Технологи: Сергей Соловьев, Сергей Цветков
Координатор Анастасия Пустовойт

Редакция:

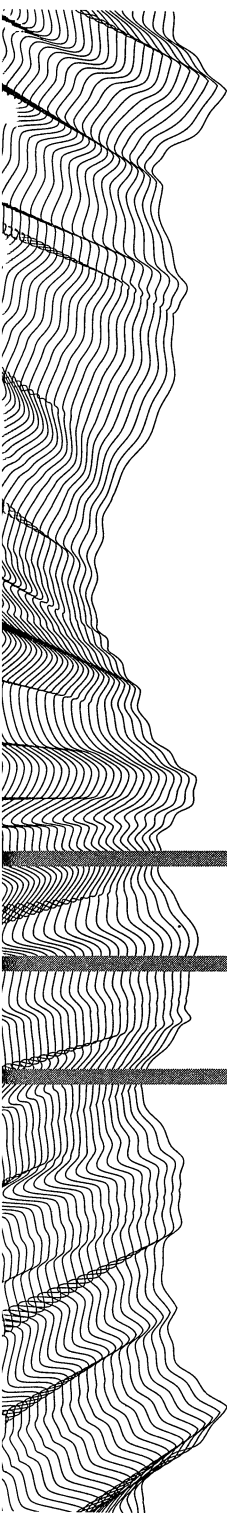
Александр Житинский, зам. главного редактора
AZhitinsky@vokrugsveta.ru
Николай Романецкий, отв. секретарь
NRomanetsky@vokrugsveta.ru
Самуил Лурье, редактор отдела прозы
SLurie@vokrugsveta.ru
Елена Минина, редактор отдела критики
EMinina@vokrugsveta.ru
Надежда Бельская, зав. редакцией
polden@vokrugsveta.ru

Общественный Совет при журнале:

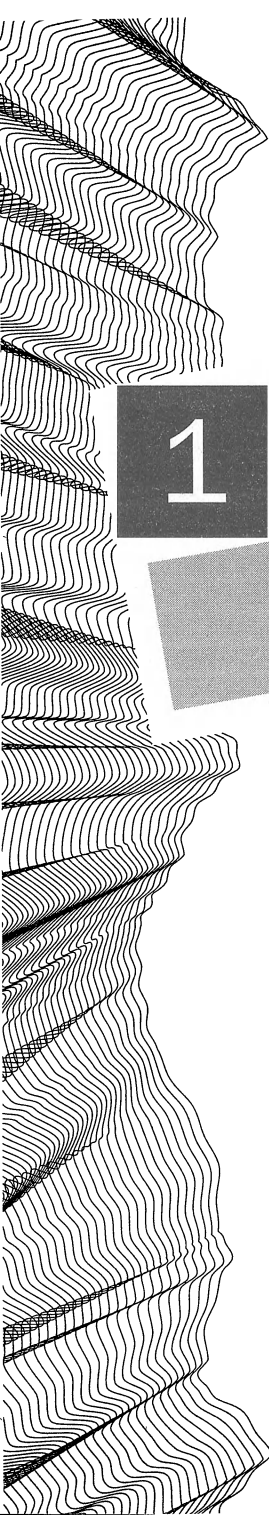
Андрей Измайлов <i>www.litcenter.spb.su/seminar/izmailov</i>	Сергей Переслегин <i>okh.nm.ru</i>
Святослав Логинов <i>www.rusf.ru/loginov</i>	Вячеслав Рыбаков <i>www.rusf.ru/rybakov</i>
Евгений Лукин <i>www.rusf.ru/lukin</i>	Михаил Успенский <i>www.list.krasline.ru/writers/uspensk</i>
Сергей Лукьяненко <i>www.rusf.ru/lukian</i>	Александр Щёголев <i>www.litcenter.spb.su/seminar/schegolev</i>

ПОЛДЕНЬ XXI ВЕК

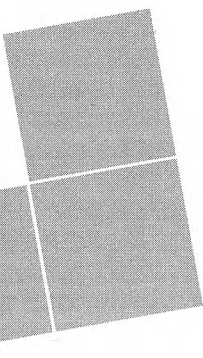
МАРТ (39) 2008

ИСТОРИИ
ОБРАЗЫ
ФАНТАЗИИ

1

ГЕННАДИЙ ПРАШКЕВИЧ

Нет плохих вестей из Сиккима

*Не плачь, ибо, видишь ли,
всякое желание — иллюзия и вновь
привязывает тебя к Колесу.*

Р. Киплинг

ПОСЛЕДНИЙ АТЛАНТ

1

У него в голове гуси.

«Взгляни, что за зверя я там уложил?»

«Что за зверь — не знаю, а по паспорту Сидоров».

Николай Михайлович начинает рассказывать анекдот по телефону.

Надо отвечать. «Две блондинки. Первая: «Чем заняться?» Вторая: «Включи, что ли, чайник». Первая: «А он вскипел, что дальше-то?» Вторая: «Ну, не знаю, поставь в холодильник, горячая вода всегда пригодится».

Последний атлант ржет.

Он стоит в открытых дверях.

Он только делал вид, что его нет, просто мобильником пользуется без перерыва.

В детстве возможности Николая Михайловича были ограничены бедными функциями обыкновенного домашнего телефона, зато теперь он наверстывает, пользуется только продвинутой техникой. В годы становления наведывался в закрытые компьютерные сети банков, случалось, бродил в закоулках оборонного комплекса. К счастью, несколько шумных показательных процессов, прокатившихся по стране, отрезвили юного хакера; он нашел себя в играх.

В компьютерных.

Дантист по образованию, модернист по ориентации.

Летом — светлые шорты, линиялая футболка, мягкие кроссовки.

Зимой — джинсовый костюм, теплая дутая «аляска». Кудри, голубые глаза.

Шесть раз счастливо женат. Мысли просты, не стоит сравнивать с фрактальными фигурами. Но если вы, молодые женщины, купили новую мебель, новый красивый ковер, чудные занавески, отливающую небесной голубизной фарфоровую посуду, и вам срочно требуется обновить мужа, не смотрите в сторону Николая Михайловича. Вам нужен обыкновенный, так сказать, бытовой муж, у которого золотые руки, бегающие глаза, который пахнет потом и изменами, а Николай Михайлович всегда выбрит, аккуратен, он обожает анекдоты и эзотерику, образ жизни у него ночной, ваши подруги заахаются. Третья жена рискнула не пойти с Николаем Михайловичем на собрание эзотериков — теперь живет в другом городе, а Последний атлант переселился в квартиру рядом с моей. Стучит по клавиатуре, заходит покурить, опять и опять возвращается к любимому компьютеру. Подозреваю, что всех своих бывших жен он представляет исключительно в виде www.july, www.jenny, www.svetik, www.lapka, www.tamusik, www.gerda. На Новый год и на дни рождений дарит друзьям модемы и флешки; фильмы просматривает в ускоренном режиме, отыскивая вопиющие, на его взгляд, технические ошибки; носит майки с омерзевшим логином WINDOWS MUST DIE; абсолютно убежден, что Чужие среди нас, а IQ нормального системного администратора должен в три раза превосходить его физический вес. Последней жене в ответ на страстные ночные стоны не раз указывал: шлейф Durex не рассчитан на подобную скорость. А вторую пытался убить. Некий доброжелатель донес что-то такое о приключениях в зарубежной командировке, вот Последний атлант и отправился в офис жены, прихватив с собой кухонный нож. Ангелу-хранителю Николая Михайловича это не понравилось. Спасая хозяина от тюрьмы, толкнул его под колеса грузового автомобиля. С той поры Николай Михайлович хромает.

2

— Тебя нашел этот тип?

— Не знаю, о ком ты говоришь.

— А почему не спросишь?

— А нужно?

— Нужно, — покивал Последний атлант. — Не простой тип, в шляпе. Да еще и в легком плаще, можешь представить. На глазах очки. Хмурый. Полчаса стучал в твою дверь, пока я не выглянул.

— А зачем выглядывал?

— Так стучал же.

— Не к тебе.

— Тем более.

— И что он сказал?

— Всего только два слова.

— Мне нужно их знать?

— Наверное. Счетчик включен.

— Электрик, что ли?

Последний атлант пожал плечами.

Ладно. Проехали. Гости меня не интересуют.

Последнее время мы на белом коне. И все благодаря «Эволюции».

Я сам видел в офисе договора на поставку наших дисков в Португалию и Испанию.

Не знаю, почему именно в Португалии и в Испании геймеры проявляют такой особенный интерес к науке, — может, потому, что Колумб, кажется, был оттуда. Так что электриком Последний атлант меня нисколько не удивил. Ко мне часто приходили непонятные люди. Да и сам Николай Михайлович появлялся не просто так. Даже сейчас прятал за спиной руки. А мог и не прятать. Знакомый пластиковый пакет. Я прекрасно знал, что лежит в этом пакете. Мои собственные джинсы. Час назад я специально оставил их на скамье в парке. Надеялся, что первым их подберет какой-нибудь бомж. Но повезло Николаю Михайловичу.

Утром он ходит в офис.

Просматривает документацию и новые наработки.

Он не хардкорный геймер, он не станет портить глаза, часами бесцельно пялясь в монитор, но стрельалки (шутеры) его всегда привлекают. Непременно, чтобы вид «из глаза». Подозреваю, что таким образом он борется с мировым злом. Убивает все, что движется. А потом отводит душу в эзотерическом обществе, где собираются и левосторонние, и правосторонние. Друзей Последнего атланта интересуют прыгающие вулканы, катастрофические приливные волны, глобальные сбросы, гибель высокоразвитых цивилизаций. Все, как один, похожи на Шойгу, в самом хорошем смысле.

«У меня комплекс неполноценности», — не раз жаловался Последний атлант.

Я пытался его разубедить: «Никаких комплексов, реальная неполноценность!»

Но Николай Михайлович упорствовал. Даже при получении заграничного паспорта отличился. На вопрос: «Ваш родной язык?» — твердо ответил: «Basic». — «Да нет, мы спрашиваем про язык, которым вы постоянно пользуетесь!» — «А! Тогда, наверное, Си».

3

— Возьми трубку.

Единственными друзьями я считаю Последнего атланта и Пашу.

Николай Михайлович следит за тем, чтобы я жил комфортно, а Паша старается этот комфорт разрушить. Ничего странного. Паша — ламер (хромой). Самый тупой «чайник», пусть с трудом, но отличит процессор от БИОСа, из самого тупого «чайника» в конце концов может что-то получиться, а вот из ламера — никогда. Не случайно Паша в последнее время увлекся литературой: пишет альтернативный исторический роман. Не один. С женой местного олигарха. Заработав деньги, хочет получить ответ на все, мучающие его с детства.

Если бы перекрыть течение Гольфстрим...

Если бы к власти пришел не Сталин, а Каганович...

Если бы неандерталец никогда не взял в руки дубину...

Если бы мы питались только воздухом, причем влажным...

Если мы уже слетали на Марс, только скрываем это. Американцы, к примеру, врут, что побывали на Луне, а мы, к примеру, врем, что не побывали на Марсе...

И тысячи других если.

Видимо, олигарху нравится занимать молодую жену увлекательными делами, иначе не отваливал бы Паше тонну баксов в месяц. Неплохие деньги, если учесть, что до начала совместной работы Паша выбирал в ресторане не самые дорогие блюда, а цветочниц гнал от своего столика. Говорил, что у него на цветы аллергия.

«Мы работаем над каждым словом».

Я верю. Став писателем, Паша многому научился.

«Водку нужно пить ледяную. Тогда наутро у тебя будет не позорный бодун, а благородная ангина».

Когда в альтернативном романе страсти и ужасы вспыхивают с совсем уж непомерной мощью, Ойлэ (так жена олигарха

официально обозначила себя в отношениях с соавтором) пугается и лезет к Паше на колени. Она миленькая, я ее видел, но Паша ее безумно боится. Она мечтает сделать Пашу знаменитым. Но в запутанном Пашином сознании олигарх ассоциируется с чем-то вроде кемпера, знаете, это компьютерный игрок, сидящий в засаде. Цель у него простая: получить максимум с потерей минимума. Но, конечно, своими страхами Паша с Ойлэ не делится, поэтому она постоянно пытается влезть Паше на колени. А он боится, что или его убьют, или Ойлэ отравится противозачаточными таблетками.

У нее точно бак потек.

Например, она всерьез убеждала меня в том, что умеет менять скорость света. А еще ей хорошо известно, что в заброшенных тупиках нашего метро живут потерявшиеся когда-то мохнатые осматрщики путей. А если в розетке поменять плюс и минус, лампочка начнет вырабатывать темноту и холод.

И все такое прочее.

— Слушай, — дышал в трубку Паша.

— Ну, говори, говори. Я слушаю.

— Ты внимательно слушай, а то с твоей позорной памятью...

Я неопределенно хмыкнул. Он прав, память — не мой конек.

— Мне справка нужна. Ты один знаешь о таких вещах. У тебя голова забита никому не нужными вещами. Вот скажи, когда в Советском Союзе ввели персональные звания для военных?

— Если ты про РККА, то в одна тысяча девятьсот тридцать пятом году.

— Это точно?

— Тебе поклясться?

— А в госбезопасности?

— В том же самом году.

— А разница была между теми и этими?

— А как же.

— Ну так объясни.

— Что объяснить?

— Ну, чем они отличались?

— Звания?

— Ну да.

— Сержант госбезопасности в то время был, скажем так, равен лейтенанту Красной армии.

— А почему не такому же сержанту?

— Потому что в РККА звание сержанта отсутствовало.

— А звание младшего лейтенанта госбезопасности чему соответствовало?

— ...лейтенанта или политрука. Соответственно.

— А капитана госбезопасности?

— ...полковнику или полковому комиссару.

— Хочешь сказать, — не поверил Паша, — что в госбезопасности легче было сделать карьеру?

— Я ничего такого не говорил. Это ты несешь всякую чепуху. Просто звание генерального комиссара госбезопасности соответствовало званию армейского маршала. Только тебе зачем все это? Учти, все три советских генеральных комиссара госбезопасности плохо кончили.

Но Паша — упрямый тип.

Чтобы написать альтернативный роман, надо много знать.

Я сам видел, как Пашу били свежим букетом цветов по фейсу, а он только закрывал глаза и спрашивал: «Простите, мы знакомы?» Хороший парень. Далеко пойдет, если завяжет с Ойлэ и с литературой.

4

Последний атлант бросил на стол пластиковый пакет.

Он ждал похвалы. Но разворачивать пакет я не собирался.

Все равно выкину. Новые, почти не ношенные джинсы, а я их все равно выкину.

По самому низу живота, по ширинке вдоль молнии и ниже по шву, расплзлись непристойно яркие, ядовитые цветные пятна. На коленях или на заднице, может, они и смотрелись бы, но не на указанных местах. Это бармен в «Иероглифе» угостил меня экзотичным коктейлем. Ингредиентов не знаю, но вывести пятна не удалось.

Не может быть, чтобы он не помнил.

Я легко и без интереса читал мысли Николая Михайловича.

Я легко и без интереса читаю любые чужие мысли. Маленькие и большие, гнусные и нежные, какие угодно. А чаще всего скучные и безразличные. К сожалению, таких больше всего. Правда, Последний атлант не догадывается о моем странном даре. У него идея-фикс: вывести меня на реальные воспоминания.

А у меня нет воспоминаний.

Я даже не помню, что любил раньше.

Это сейчас я люблю сидеть в переполненных кафе, ресторанах, ночных клубах. Музыка и шум нисколько не мешают мне.

Приглядываюсь к лицам, прислушиваюсь к словам и к мыслям. Вон тот человек, например, похож на монгола, а размышляет как самый развратный француз. А вон тот похож на осетина, не стоит вслушиваться в его мысли. А этот вообще русский...

О своем даре я узнал года три назад.

Случайно, конечно. До этого ничего такого не было.

В кафе «Иероглиф» за мой столик нагло уселся (загрузился) плотный упитанный чел. Не спросил разрешения, просто отодвинул свободный стул. Розовый, как кабан, упитанный, с небритыми руками. Улыбнулся мне: «Чмо!» Устроился под ярким баннером: «Если вы пьете, чтобы забыться, платите бармену вперед».

«Чмо!» Это он обо мне так подумал!

Нагло сдвинул в мою сторону меню, все эти разнообразные баночки со специями, красивую салфетницу и жадно заказал официантке несуразное количество жратвы. При этом прикидывал, рассматривая меня: «Ну, чмо! Ну, не повезло! Все столики забиты. В рот будет заглядывать».

— Напрасно вы заказали так много.

— С чего вы взяли, что это для меня много?

Он уставился на меня. Он стопроцентно был уверен, что я чмо. Ему казалось, что он очень точно определил меня. Даже прикинул: «Может, не ждать? Может, сразу дать по репе?» Но решил: «Успеется. Сперва покушаю».

Это «покушаю» меня особенно покорило.

— Зря вы заказали так много. Не успеете покушать.

Он замер.

Уставился на меня.

Даже оглянулся, но никого и ничего за его спиной не было, только баннер о заблаговременном расчете. Ласково улыбаясь, отхлебнул из высокого бокала. Красивое рубиновое вино. Отхлебнул жадно, много. Это его успокоило. Пьет, чтобы забыться, решил я. Терраса кафе «Иероглиф» выходит на бульвар, совсем рядом, чуть ли не на расстоянии вытянутой руки проходили мимо нас люди. «Это нехорошо, это негигиенично, — думал мой наглый визави. — Да еще это чмо. Обгложу рульку, — сладостно думал он, — и засвечу косточкой».

Я отчетливо видел химический след его неопрятных мыслей.

Они извивались. Они были белесыми. Они доставляли ему острое, даже болезненное наслаждение. «Закажу чашку латте, чтобы глаза не ошпарить». Так он наслаждался. Даже пришлось предупредить:

— Вы не успеете.

— Чего не успею?

Он опять оглянулся.

Глаза его недоуменно щурились.

И как раз в этот момент к террасе подкатила машина.

Черный мощный джип «Хонда». Водила не собирался останавливаться, джип медленно катился вдоль террасы и два накачанных парня, распахнув дверцы, внезапно вывалились наружу, сорвали моего визави со стула (он только всхрипнул) и за волосы головой вперед заученно кинули на заднее сиденье. Третий, ухмыльнувшись, посмотрел на меня и от души врезал резиновой дубинкой по столу. Влажный салат так и брызнул мне в глаза и на подбородок.

— Ваши друзья? — зачарованно спросил официант.

Я кивнул. Если енота-полоскуна кормить кусочками сахара, он сходит с ума.

Мой наглый визави, мысли которого я свободно читал, напомнил мне обезьяну. На обложке рабочей тетради, в которую я многие годы заносил наблюдения и понравившиеся мне цитаты, красовалась семья обезьян. Слева самец гиббона, справа самка гиббона. Меня всегда интересовало, где сам гиббон? — но это вопрос, конечно, больше риторический. Вот визави и напомнил мне отсутствующего гиббона.

Тетрадь, кстати, тоже исчезла.

Из закрытой квартиры. Три дня назад.

— Тебе опять звонят, — кивнул Последний атлант. — Возьми трубку.

«Сергей Александрович?» — голос женский, торопливый.

— Вы не ошиблись.

«Я — Лиса».

— Я вас знаю?

«Это неважно. Нам нужно встретиться».

— Я не пользуюсь услугами телефонных девушек.

«Это другой случай, — торопливо повторила неизвестная мне Лиса. Она так торопилась, что даже не обиделась. — В «Иероглифе». Через час. — И добавила, почувствовав мою нерешительность: — Вы ведь хотите вернуть пропавшую тетрадь?»

Самка гиббона, самец гиббона.

Она будто мысли мои подслушала.

5

Но, в общем, я не сильно удивился.

Я постоянно чего-то жду. Я постоянно что-то вылавливаю.

Скажем, лицо в толпе. Или необычный голос, случайный жест. Я пытаюсь увязать самые неувязываемые вещи. Моя память чиста, поэтому я набиваю ее всем, чем придется. Чаще всего прикидками к новой компьютерной игре, которой занят. Пытаюсь представить каменистую пустыню, облизанную сухим ветром, сухой сиреневый туман. Все детали вижу необыкновенно отчетливо. Вижу даже то, что прячется вдали — за песками, за каменными останцами.

Шамбала.

Таинственная страна.

Я слышу звук длинных труб.

Шамбала рядом, но к ней нельзя приблизиться.

Ты можешь идти к ней годами, десятилетиями, но если ты не призван, если ты не услышал зов, дальние звуки так и останутся дальними звуками. Паша не случайно пытается поймать меня на внезапных воспоминаниях, и Николай Михайлович тоже не случайно пытается запутать меня в долгих беседах. Они прекрасно знают, что у меня нет прошлого, это их заводит. Люди нетерпимы к чужим бедам. Пять лет назад при заходе на посадку в местном аэропорту взорвался и сгорел самолет. Из ста сорока двух пассажиров, оказавшихся в огне, выжил только один. Вы, наверное, догадались — кто.

Полгода в реанимации. Полгода в специальной клинике.

Есть люди как люди, есть больные люди, есть очень больные, а есть такие, наконец, что и на людей давно не похожи. Позорные неестественные животные, определяет Паша. Вот я такой. Меня сумели вытащить из огня. В общей сложности, я почти полтора года провел вне привычного мира. А когда, наконец, влился в привычный социум, как говорят психологи, оказалось, что память моя стерта. Я не помню, кто я, откуда, куда и зачем летел, как меня звали, где вырос, есть ли у меня родственники и друзья, чем занимался до того момента, как купил билет на злополучный рейс. Все пассажиры и пилоты самолета погибли, к сожалению, никаких документов при мне не оказалось, кроме рабочей тетради, уцелевшей в прожженной куртке. Я мог быть любым из мужского состава погибших, но ни один запрос обо мне не получил исчерпывающего ответа. Меня никто не узнал. Я перенес слишком много операций, чтобы меня можно было узнать. Я как бы вдруг всплыл из ничего, из тьмы или, наоборот, — из пламени. Не в капусте меня нашли, не аист меня принес, даже не из Интернета меня скачали. Люди — существа врущие, любящие преувеличивать, а я и врать не мог. В самом деле, какой смысл врать, если все может оказаться правдой?

Последний атлант сравнивал мою память с костяшкой домино пусто-пусто.

К счастью, меня это не мучает. Я не покупаю старых книг. Не хожу в кино, в театры. У меня нет определенного круга общения. В офисе у меня — отдельное место, но чаще всего я работаю дома. «Помнишь, как ломается лед весной на Ангаре?» — любит внезапно спрашивать Паша. — «А почему на Ангаре?» — «Позорная река. Ты что, не плавал по ней?»

Не знаю.

Не помню.

Мне не с чем сравнивать окружающее.

Какое-то время казалось, что в шумных ресторанах, в ночных клубах, в популярных кафе я могу попасть на глаза кому-то, кто меня прежде знал, но даже на показанные по телевидению фотографии никто не отозвался. Правда, в «Кобре» (ночной клуб) я познакомился с Пашей. Мы в ту ночь пытались активно напиться, каждый по своей причине. Узнав про мою особенность (беспамятство), Паша пристал ко мне: «А какие цветы ты дарил жене?» — «А у меня была жена?» — Паша злился. Он и сейчас убежден, что у меня исключительная память. Действительно, я могу один раз взглянуть на страницу любого самого сложного текста и с точностью воспроизвести ее. Но до Паши не доходит, что это оперативная память))). Не больше. Да, это так. После самого беглого прочтения я способен повторить любой сложности текст. Отчетливо вижу перед собой сложные математические формулы, непонятные графики, даже расположение абзацев и знаков препинания, даже цвет и оттенки типографской краски. Но о себе, о своем прошлом я ничего не помню.

Правда, в отличие от Паши и Последнего атланта, меня это не мучает.

Получив деньги за новый сценарий, я собираюсь съездить в Сикким. Это сейчас Сикким всего лишь штат Индии. А когда-то был таинственным королевством. Все это, конечно, настораживает моих друзей.

«Почему в Сикким?» — присматривается Последний атлант.

«Не знаю».

«Ты раньше бывал в Сиккиме?»

«Не думаю».

«Но ты ведь собираешься именно в Сикким, а не в Сочи и не в Хабаровск».

«Ну и что? Мне так хочется».

«Раньше ты много ездил?»

«Не знаю».

«А куда ты летел в последний раз?»

Я пожимаю плечами. Рейс Санкт-Петербург — Южно-Сахалинск. С несколькими пересадками. Я мог лететь куда угодно. Даже в Сикким.

Хотя вряд ли.

Это сейчас я изучил в Сети будущий маршрут.

Это сейчас я знаю уютный отель в Гангтоке, в котором остаюсь.

«Сноувью». «Снежный вид». Расположен недалеко от главного буддийского храма Цук Ла Канг. Там увижу танец Черной Короны. Услышу рев длинных деревянных труб. За узкими окнами встанут снежные пики Канга, Джану, Малой Кабру и главной Кабру. Увижу ледяные кручи Доумпика, Талунга, Киченджунги, Пандима, Джубони, Симвы, Нарсинга и Синиолчу. Наверное, и Пакичу увижу, если окна моего номера будут выходить в ее сторону. И Чомомо, и Лама Андем, и Канченджау. Нет плохих вестей из Сиккима. Взлетят с каменной лестницы огромные синие бабочки, с площадки Таши снесет туман. Не может быть, чтобы в Сиккиме я ничего не вспомнил. В монастыре Румтек хранится Черная Корона Кармапы, и увидевший ее никогда уже не переродится в нижних мирах. Почему не попробовать такой вариант? По крайней мере, это не так скучно, как думать о каком-то электрике, включающем счетчик в твое отсутствие, или о тетради, пропавшей из запертой на замок квартиры, или о незнакомой женщине, назначающей не нужное тебе свидание.

Однажды Паша предложил мне снять мультик.

«Как это о чем? — удивился он. — О Черной Короне Кармапы. Ты ведь видел ее?»

Это он так пытается подловить меня. Я читаю в его сознании, как активно он не верит в мою беспамятность. Бедная женщина молодого сына козла отправила в рощу пастись. Изменчиво всё, а вечны лишь рожки да ножки. Позорные америкосы такие мультики снимают давно, жаловался Паша, а у нас точные знания совсем разлюбили. Давай начнем снимать сами. Помнишь выпуски «Хочу все знать»? Там на заставке шустрый мальчик все пытается молотком расколоть орех. Так вот, жаловался Паша, ни один российский телеканал не берет больше эти чудесные выпуски. А «Центрнаучфильм» вообще переименовали в «Центр национального фильма»...

Выпроводив Последнего атланта, я подошел к окну.

В сквере у киоска догонялись ребята. Я отчетливо услышал: «Девушки, хотите веселого самца?» Обыватель вздрагивает, услышав такое, а я прислушиваюсь с интересом. В игре, над которой я работаю, тоже многое заставляет вздрагивать. Там пылит каменистая пустыня, отсвечивают на солнце сизые солончаки. Профессор Одинец-Левкин замахивается хлыстом. Верблюды поворачиваются к ветру задом. Ветер дует и дует, и голова от него болит, как от угара. Карлик в седле стонет: «Я болен. Говорю вам, я болен». Соленая пыль режет легкие. Ночью неизвестные животные подходят к палаткам, осторожно стучат рогами в обледеленное полотно.

Я вижу это.

Вижу отчетливо.

За профессором Одинцом-Левкиным следуют на низких лошадях тихий тибетец Нага Навен, за ним два суетливых проводника-монгола, усталые красноармейцы. В песках в сиреновом мареве тонет путь. Вот монгол упал без чувств — задохнулся. Глаза слезятся, болят от сиренового соляного блеска. Облезлая собака, повизгивая, путается в ногах усталых лошадей. Возникнет субурган посреди пустыни: верх из потрескавшегося дерева, подкрашен синим, как отблеск неба. Я вижу это так ясно, будто сам иду по пустыне. Хулээй! — молит монгол. Морендоо! — требует профессор Одинец-Левкин.

А куда скакать? Хана зам? Где правильная дорога?

Сиреневые солончаки. Разбитые на куски доисторические окаменевшие деревья. Тихий тибетец морщинист, монголы крикливы, красноармейцы без интереса смотрят на пески и голые камни. Им приказали, они идут. В начале пути монголов было трое, но один отстал, может, его зарезали тангуты. Профессор Одинец-Левкин яростно взмахивает хлыстом. Отставший монгол, он мудрец был или осел?

Мудрец, наверное. Будь ослом, нашел бы дорогу.

Приземистая лошадь поводит ушами. Карлик задыхается в кашле.

«Я болен. Говорю вам, я болен». С его ростом лучше не слезать с лошади, легко потеряешься среди камней.

Раз, два, три — вижу три народа.

Раз, два, три — вижу три книги прихода Майтрейи.

Одна — от Благословенного, другая — от Асвогшеи, третья — от Тзон-Ка-Па.

Одна написана на Западе, другая — на Востоке, третья будет написана на Севере.

Раз, два, три — вижу три явления. Одно — с мечом, другое — с законом, третье — со светом, ярким, но не слепящим.

Раз, два, три — вижу трех летящих коней. Один — черный, другой — огненный, третий — снежный.

Раз, два, три — вижу свет.

Луч красный, луч синий, луч серебряный.

Нага Навен опять затянул свою мантру. У него бак потек, гуси в голове. Да и профессор — известный фикус. Пора нажать save, точку сохранения игры. Жаль, что в жизни так не бывает. Жизнь невозможно повернуть назад, как поет лошадь Пржевальского.

7

Save.

ЛИСА

1

Джинсы я переложил в картонную коробку.

Оставлю в сквере на скамье, кто-нибудь подберет.

Совсем новые джинсы. Наглый чел, а таких сейчас большинство, даже белые ядовитые пятна может выдать за стиль: ходят же нынче в джинсах дырявых, обшитых бусами и блестками, в суженных, в специально высветленных, в мятых.

Я шел по бульвару, невидимый, гудел в небе самолет. Это меня не тревожит и не привлекает. Летит и летит. Когда-то я тоже летел. Куда? Память воспоминаний не сохранила. Никакой прежней жизни. Да и нынешняя возникла для меня с момента, когда в санатории появился Николай Михайлович.

«Он точно ничего не помнит?»

«Того, что было до аварии самолета, точно».

«У него, я вижу, денег даже на носки нет?»

«У него и носков нет, — ответил главврач. Чувствовалось, что он волнуется. — Атараксия. — Так я впервые услышал это слово. — Он ничего не помнит, спокоен, как Бог. Полная необремененность тревогами. Стоики мечтали о таком состоянии. Зенон в Афинах под портиком Stoa учил их этому».

«Ну, на мудреца он не похож».

«Какой есть, лишнего не скажу».

«А что он умеет делать?»

«Не знаю. Пока ему ничего не надо делать. До определенной поры государство будет оплачивать его недуги. — Главврач был пухлый, щекастый, темные глазки нетерпеливо поблескивали, он часто и нетерпеливо вытирал пот со лба, наверное, боялся, что наживка (я) сорвется. Говорили они обо мне так, будто я ничего не слышал или не понимал. — Но практически он здоров».

«А где его дом? У него есть родные?»

«Мы не знаем. И он ничего не может сказать».

«Но кто-то пытался это установить? Милиция, телевидение, общественные организации?»

«Конечно».

«И ничего?»

«Совсем ничего».

Последний атлант сел на стул перед моей кроватью:

«Ты меня хорошо слышишь?»

Я кивнул. Я хорошо его слышал.

«Так вот, прикинь. Мне нужен чел с воображением, — не знаю, на что намекал Последний атлант. — Если ты мне поправишься, я заберу тебя. Ты ведь практически здоров».

Я кивнул.

Меня не радовал, но и не печалил такой поворот событий.

«Скажу честно, ты чел странный, — наклонился ко мне Последний атлант. — Но ты пользуешься санаторным компьютером. Мне рассказали. А я как раз подыскиваю сообразительного парня. — Он засмеялся, поглядел на главврача, потом снова уставился на меня. Проверял. — Предположим, ты самовольно перепланировал квартиру, перестроил ее, скажем так, кардинально, сам путаешься, а официально никаких переделок не регистрировал. — Тесты Последнего атланта всегда отличались изощренностью. — А в твоё отсутствие... ну, скажем, ты провел ночь не дома... — он с интересом следил за выражением моего лица, — в квартиру проникли воры. Понятно, со старым планом квартиры в руках, они же не знали о перепланировке. Посоветоваться не с кем, воры заблудились, никаких ценностей не нашли. Их действия?»

«Напишут жалобу властям».

Главврач разочарованно отвернулся.

Видимо, он решил, что наживка сорвалась.

Но Николай Михайлович неожиданно заинтересовался:

«Как ты сказал? Воры напишут жалобу властям? Что из этого?»

«Власти не знают, от кого поступила жалоба, — пояснил я. — Они не догадываются, что пишут им воры. Просто жалоба. Может,

от соседей сверху. Или от соседей снизу. Может, им шум мешал. Хозяина квартиры крупно оштрафуют за несанкционированную перепланировку, то есть деньги он все равно потеряет. Так всегда бывает, — пояснил я. — Воры не возьмут, государство отнимет».

Главврач обалдел.

А Николай Михайлович обрадовался:

«Ты играть любишь?»

Играть я любил. Это выяснилось из следующего теста.

В школе идет родительское собрание. Директор обращается к гражданину Иванову: «Ну вот, знаете, пришла пора побеседовать о поведении вашего сына. На переменах он только и делает, что бегаёт за девочками...» — «Ну, подумаешь, — пожимает плечами гражданин Иванов, — все нормальные пацаны в этом возрасте бегают за девчонками!»

Главврач непонимающе моргнул.

Но я сразу уловил тонкость теста:

«С бензопилой?!»

Николай Михайлович был в восторге. Его фирма набирала вес. Он нуждался в сообразительных людях. Компьютерные игры вошли в моду, нужны были свежие и смелые идеи. Кстати, в санатории Последний атлант появился не случайно: в городе проходила благотворительная акция «Поддержи ближнего!».

«Программист возвращается домой, — не мог остановиться Николай Михайлович. — В темном переулке его встречают громилы. Один с ножом, другой с пистолетом. «Гони монету!» Ну, кто они по профессии?»

«Провайдеры!»

Последний атлант был в восторге:

«Он мне нравится. Точно говорю, нравится!»

«Мы зовем его Сергеем Александровичем», — подсказал сияющий главврач.

«Какое длинное имя. Не каждый сможет такое выговорить».

«Настоящего никто не знает».

«Ладно, сойдет и это, — благодушно решил Последний атлант. — Пусть пока будет Сергей Александрович. Понадобится, переназовем. Лучше работать у меня, чем сходить с ума в вашем заведении».

«У нас не сходят с ума».

«Сходят, сходят! Не спорьте. Не наводите тень на плетень. Видал я ваш ограниченный контингент. Вместо прогулки ходят под себя. А у меня вы, Сергей Александрович, будете при деле. Мы даже из лютых «чайников» выращиваем...»

«...самовары?»

«Наконец, ты ошибся», — восхитился Последний атлант.

И обернулся к главврачу:

«Не раздумали отдавать?»

«Что вы! Что вы!» — запаниковал главврач.

«Успокойтесь. Я его забираю. Мы научим Сергея Александровича полезным навыкам. Он начнет приносить пользу людям. И однажды...»

«...вспомнит прошлое!»

«А вы что, исключаете такую возможность?»

«Нет, полностью не исключаю. Но потерять память легче, чем ее вернуть».

2

Потом была капитан милиции Женя Кутасова.

Однажды летом в мою дверь постучали. Последний атлант оторвался от монитора (помогал мне восстанавливать потерянный файл):

— Антре!

Дверь открылась.

Николай Михайлович пришел в восторг:

— Милиция! Ты посмотри! Милиция! Тебя нашли!

И с наслаждением уставился на белокурую женщину в милицмейской форме:

— Неужели установили личность Сергея Александровича? Ну, говорите, говорите, не томите! Кто он у меня? Польский шпион? Шведский диверсант? Непальский бандит, скрывающийся от органов? — Было видно, что за разгадку этой тайны Последний атлант готов отправить меня в тюрьму.

— Ну что вы! Какой он бандит, — совсем смутилась гостья.

— А вы, наверное, из органов? Или командированы Интерполом?

— Да нет, я из сорок девятого отделения милиции, — представилась гостья. — Капитан Кутасова. Можно Женя, — засмеялась она. — Пришла неофициально. У нас сохранились некоторые ваши вещи. — Теперь она смотрела на меня. С сочувствием и с интересом смотрела. — В вещдоках — куртка, мы ее списали. И эта тетрадь.

И выложила тетрадь на стол.

Самка гиббона. Самец гиббона.

Сам гиббон, конечно, отсутствовал.

Я машинально перелистал страниды. Не помнил я никакой тетради, но раз капитан милиции, да еще такая милая, утверждает, что спасла ее вместе с курткой, значит, так оно и есть.

...подали большую миску супа. По размерам посуды я думал, что хозяин, вероятно, ожидает гостей...

Ума не приложу, зачем такое нужно выписывать.

Пока капитан милиции Женя Кутасова расспрашивала меня о делах, о текущих настроениях (она помнила меня обгоревшим, почти безжизненным), тетрадь листал Николай Михайлович. Microsoft — всемирный лидер по производству электронных граблей. «Зачем тебе это было нужно?» Николай Михайлович высоко поднимал брови. Локальная сеть — технология, позволяющая получать по лбу, даже когда на грабли наступает кто-то другой. «Может, это ты сам и придумал?» И посмотрел на Женю:

— Тут последние листы выдраны.

— Да, выдраны, — подтвердила капитан милиции.

Форма ей шла. Юбка не длинная и не короткая, а какая надо. Казенные, но не тяжелые башмаки. Сама курносая, глаза серые. Правда, смотрела на меня с ужасом. Думала, наверное, увидеть безнадежного калеку, а тут... вполне... хоть наручники накладывай. У капитана милиции Жени Кутасовой, кстати, оказались довольно оригинальные взгляды на эволюцию. Она имела в виду мою игру. На ночном дежурстве иногда можно отвлечься на компьютер, а диски с моей «Эволюцией» продаются везде. Правда, она еще не все умеет, призналась Женя Кутасова. Не все операции у нее проходят как надо. Иногда от летучих рыб происходят птицы, а от прибрежных животных почему-то — смиренные домашние. А люди, призналась она, вообще получают какие-то не такие.

— А вы перебирайте, — посоветовал я. — Игра инвариантна. Природа тоже любит перебирать, поэтому у каждого свой пре-док.

Женя Кутасова мое заявление поняла буквально. Она так и думала! Вот только не знает от кого, как вид, произошли милиционеры. С толку ее сбивал начальник сорок девятого отделения полковник Китаев. Да, справедлив. Да, строг. Но поговорить с ним не о чем. После некоторого спора мы с Женей пришли к благородному выводу, что это не полковник Китаев туп, а может, нам о нем не хватает информации. А вот осел — это деградировавшая лошадь, Женя была уверена. А обезьяны — выродившиеся люди.

О существовании Бюффона и его идей Женя Кутасова не догадывалась, но естественный отбор считала таким же обычным процессом, как, скажем, гравитацию или мытье посуды.

Говоря, она не спускала с меня серых глаз. Странно, да? Из огня вытащили обгорелое тело, а перед нею в кресле сидел вполне уверенный спокойный тип в рубашке с длинными рукавами, в светлых джинсах. Русские кодировки — подарочный набор граблей для постоянных пользователей Интернета. Она тогда не знала, что шорты я принципиально не ношу. И рубашек с короткими рукавами не ношу. Дружественный интерфейс — резиновая накладка на ручку граблей. Мне столько пересадили донорской кожи, что голый я выгляжу, как поля Румынии с воздуха. Не стоит мне появляться на людях голым. Сплошные лоскуты, сплошные заплаты.

Только с лицом повезло. Оно у меня чужое.

Многозадачность — концепция, позволяющая наступать на несколько граблей одновременно. Разыскивая меня, капитан милиции Женя Кутасова хорошо изучила тетрадь. Последний атлант млел от восторга. Такие записи! Такая женщина! Жизнь налаживается! Ничего, что моя первая женщина оказалась милиционером, главное — связаться в драку.

— Вы, наверное, ученый?

— Не знаю, — ответил я.

— «Не знаю, не знаю!» Ну, что вы заладили одно и то же? — удивилась Женя. Мы с нею не сразу перешли на «ты». — Так обычно карманники отвечают. «Видел эту гражданку?» — «Не знаю!» — «Залезал к ней в карман?» — «Не знаю». — «Как у тебя оказался кошелек гражданки?» — «Не знаю». Придурок к придурку! — капитан милиции не всегда следила за словами. — Приходите ко мне в гости, я научу вас определять вранье по интонации. — Везло мне в тот год на благодетелей. — Это совсем не так просто, как можно подумать. У нас, например, был случай, когда жена застучала своего мужа с любовницей. Она и не очень-то его ударила, так, без размаха, но он сказал даже то, чего не хотел говорить. Например, вспомнил, что в прежней жизни его звали Патроклom.

— Зачем вы мне это рассказываете? — обиделся я.

— А вам этот случай ничего не напоминает?

— Я и без ваших примеров знаю, что в прошлой жизни носил другое имя.

Мы подружались. Стали встречаться. Капитан милиции Женя Кутасова (в домашнем халатике) заставляла меня вслух читать выписки из моей тетради. Губы у Жени (это я узнал поз-

же) оказались мягкие и сильные. Но, увидев меня в душе, Женя заплакала. — «Я такой уродливый?» — удивился я. — «Нет, ты совсем не уродливый. — По интонации чувствовалось, как она отчаянно врет. — Но раньше тебя как-то звали, да?»

Какая разница? Я оставался Сергеем Александровичем — человеком, даже в жару носящим джинсы и рубашки с длинными рукавами. Впрочем, изучать тело капитана милиции Жени Кутасовой оказалось не в пример приятнее. Ведь я все делал, как впервые. Женя это ценила. «Я часто о тебе думала, — шептала она. — Ну, после того, как самолет сгорел. Я ведь тебя из огня вытаскивала. Ты даже кричать не мог. Только бился, тебя судорогами передергивало, и весь пузырился».

Я этого не помнил.

«Откуда ты летел? Куда?»

Я, конечно, не помнил и этого.

«К кому ты летел?»

Не мог я ничего вспомнить.

«Все вы, мужчины, одинаковы! У нас на участке одного привлекли к ответственности за обман лично им покинутых женщин. Так он якобы не помнил ни одной. Пришлось предъявить рабочее досье и документальные фото».

На меня досье у капитана милиции не было.

«Ты не волнуйся, — просила она. — Просто попробуй вспомнить».

«Ничего не могу вспомнить».

«Ты не стараешься».

«Стараюсь».

«А если я поцелую вот так, — задыхалась она. — Или вот так? Правда, хорошо? Неужели тебя так никогда не целовали?»

«Я не знаю».

«Ну, ты у меня прямо придурок».

«Почему сразу придурок?» — не понимал я.

«А это я вспомнила. У нас в отделении допрашивали щипачку. Мордашка миленькая. Я сама допрашивала. Женщины редко становятся карманниками, а эта стала. Маникюр. Накладной ноготь, таким сумочку можно взрезать. Указываю на потерпевшую: «Знаете гражданочку?» — «Не знаю». — «Разве вы не ехали с ней в одном трамвае?» — «Не знаю». — «Разве вы накладным ногтем не разрезали у нее сумочку?» — «Не знаю». — Ну, прямо ничего не знает! Я даже вмазала ей. Ты не подумай, что у нас в отделении бьют, — спохватилась капитан Женя Кутасова, — просто мордашка у нее была миленькая».

На некоторое время я переселился к Жене.

Уютная трехкомнатная квартира — с узким, но длинным коридором, с тесной ванной и просторной кухней. Из спальни до туалета путь получался не близкий. Но куда торопиться? Вечера помогала коротать тетрадь с гиббонами. Так все и шло, тихо и радостно.

Но однажды ночью я услышал ужасный крик.

Ужасный, ужасный женский крик где-то в конце узкого темного коридора. В ванной. Или на кухне. Где-то там. В ужасной тьме. Я бежал по коридору, наталкиваясь на какие-то предметы, на ходу включая свет. Капитан Женя Кутасова, совершенно голая, стояла в ванной перед зеркалом. Не думаю, что ее испугало ее отражение. Загар, чудесные светлые груди...

«Что случилось?»

«Это ты! Это ты! Я подозревала!»

У Жени срывался голос.

«Я давно подозревала!»

«Что ты подозревала?»

«Сам знаешь!!

«Да что я знаю?»

«А то, что ты баб сюда водишь!»

Я изумился:

«С чего ты это взяла?»

«Я сама видела! Только что!»

«Да объясни толком, что ты такое видела?»

Она всхлипнула.

И ответила совсем, как я:

«Не знаю».

И так и стояла перед зеркалом и всхлипывала.

Не обязательно накидывать халатик, когда груди такие красивые, правда?

Мой дом — моя крепость. В сорок девятое отделение, всхлипывала Женя, иногда приводят бомжих. Летом они черные, только не от загара. Капитан милиции Женя Кутасова всхлипывала и ждала, когда я заговорю, начну оправдываться. Ждала, когда заговорю, чтобы по интонации понять, вру ли я? В сорок девятом отделении, всхлипывала она, работают опытные люди. Обманщика им расколоть, как плюнуть. Один бомж, например, врал, что он художник, но по морде было видно — ничтожество. «А про тебя я теперь даже не знаю, что и думать», — всхлипывала капи-

тан милиции Женя Кутасова. Откинув голову, распустив темные волосы по загорелым плечам, она жалостливо смотрела в смутное зеркало и никак не могла понять, ну, почему ей так не везет? Работает в милиции, мужа нет. Был, да сплыл, дело известное. Подобрала меня, а я в ее квартиру баб вожу. Урод, всхлипнула она. Нравственный.

По моим глазам она видела, что я не вру.

Но этого ей было мало. Она хотела, чтобы я заговорил.

Оказывается, когда Женя находилась в ванной, в коридоре послышались негромкие легкие шаги. Так женщины ступают, мужчины не умеют ходить так легко. Она решила, что я решил ее разыграть, что сейчас появлюсь в ванной, а она без халатика... ну и все такое прочее... вся подобралась, чтобы красивее увидел...

А увидела сама.

Молодую женщину.

С пучком рыжих волос на голове.

Ну, знаешь, всхлипнула она, прическа колхозницы — крендель и пучок.

«Если ты прячешь у меня в квартире гулящую девку, то зачем? Она вечером уйти не успела? Где ты ее прячешь? — всхлипывала Женя. — Почему у нее юбка сатиновая, доисторическая, с блеском, как до революции? Где ты нашел такую, чтобы крендель на голове? Забирай свою сучку и выметайся!»

«Да подожди ты!»

Но остановиться Женя не могла.

«Спряталась, наверное, где-нибудь под кроватью? Я ей глаза выпарапаю! Она же все видела, что мы с тобой вытворяем! — вдруг дошло до капитана милиции. — Она же все слышала!»

«Никого тут нет. Успокойся».

«Не ври, не ври! Ты — урод! Ты хуже урода!»

На этот раз определение «нравственный» она упустила.

«Показывай, где видела? — не выдержал я. — Куда она делась?»

«Убежала, конечно».

«А дверь хлопала?»

«Не знаю».

Мы проверили. Дверь была заперта изнутри.

«Вот сучка! Она в окно выпрыгнула!»

«С седьмого этажа? Смотри. Балконная дверь тоже заперта».

«Ну, я не знаю, — всхлипнула Женя. — Одна с балкона прыгает, другой ничего не помнит! Рыжая она была! Я же видела! И крендель на голове, как венская булочка! — Все еще всхлипы-

вая, Женья немножко приободрилась. — Если найду кого-нибудь, убью!»

«Ладно, убьешь», — согласился я.

Мы прочесали всю квартиру. Заглянули в спальню, в предполагаемую детскую, кухню, в кладовку, в туалет. Конечно, никого не нашли, но меня Женья выгнала. Неделью мы даже не перезванивались. А потом Женья возникла. Подышала неровно в трубку, показывая, как она страдает, и спросила:

«Ты хочешь придти?»

Я хотел.

И в ту же ночь увидел рыжую.

Да, прическа у нее оказалась не ахти. И юбка не ахти, длинная.

Неизвестная рыжая девушка стояла в кухне на табуретке, рылась в карточках на полочке, ни ног по-настоящему не увидишь под такой юбкой, ни попы. Свет не включала, но смутные отсветы, проникавшие в окно, подчеркивали силуэт.

Я заорал.

От неожиданности.

Капитан милиции примчалась мгновенно.

«Ага! Ага! Опять она? — в руках у Женьи было табельное оружие. — Ее не найду, тебя застрелю! Надоело! Ты только посмотри, она рылась в моих рецептах! Где она? Не ври! Точно, в рецептах рылась! Я их недавно переписала!».

«Прекрати! Зачем ей твои рецепты?»

Тогда Женья заплакала:

«Не оставляй меня одну перед зеркалом».

Мы молча отправились обыскивать квартиру.

Проверили окна и двери. Проверили все уголки, где мог прятаться взрослый и даже где ребенок не мог спрятаться. Заглянули даже в унитаз, чтобы быть спокойней. Не вынырнет же она оттуда? Конечно, ничего не нашли, но на следующую ночь капитан милиции Женья Кутасова (я ночевал дома, не пришел) снова увидела все ту же рыжую в сатиновой юбке и в блузке из какого-то грубого полотна. «Это где ее так обшивают?» Страшась привидений, капитан милиции Женья Кутасова теперь даже в туалет ходила чуть ли не в форме. Страдала:

«Не хочу жить с твоими сучками».

«Они не мои. Они, скорее, твои».

«Все вы так говорите!»

Не знаю. Наши страдания обычно вызваны нашим невежеством.

Из ста сорока двух пассажиров сторевшего самолета выжил только я.

Почему? Не знаю.

Зачем? Не знаю.

Ни памяти у меня, ни прошлого. И никого я не водил в квартиру капитана милиции Жени Кутасовой. Это она из принципа меня доставала: «Видишь, ты ушел, и сучек твоих нет. Наверное, у тебя ночуют». И добавляла со странной интонацией (может, врал): «Не хочу тебя видеть. Не приходи».

4

Солнце светило.

Пахло скошенной травой.

Картонную коробку я держал подмышкой.

Потом присел на зеленую деревянную скамью перекурить.

Текущая мимо «Иероглифа» толпа казалась мне очень яркой.

Все же странно, думал я, с чего это капитану милиции Жене Кутасовой стали являться призраки? И почему рыжие? У призраков не должно быть цвета. А рыжая — это цвет. И какого черта вдруг позвонила какая-то Лиса? Зачем мне это? Надо было ответить: не нужна мне тетрадь!

Но почему-то я согласился встретиться.

Самка гиббона. Самец гиббона. Последних листов в тетради не хватало.

Может, их выдрала сама Женя, чтобы записать на оборотной стороне новый рецепт тортика, а кто-то ищет странички? Я отчетливо помнил края отрыва, отдельные, сохранившиеся на бу-мажных зубцах слова.

майор.....
Дело партии.....
Многие этого не понимают.....
мешают другим.....
телефон.....
Пушкина.....
Калапе.....
всех стран мира.....
астрономических мироедов.....
пролетариата.....
в органах работают.....

органах много.....
книг.....
Филиппова.....
«Зеленый луч в древнем Египте».....
мерами пресечения.....
настроениях.....
принимала.....
раз жаловалась на странности.....
Од.....
Обыкновенный пожилой.....
выступает в роли наставника.....
сложнейшему пути.....
Майор.....
В папке перед ним лежали.....
В той же.....
имена которых.....
с родной дочерью.....
мною.....
узнав, что я каждый.....

Какой-то майор. Какое-то дело партии... Телефон... Пушкин... Астрономические мироеды... Последние мне даже понравились... И что за Филиппов?..

Я не пытался это расшифровать. И согласился на встречу с неизвестной мне Лисой больше потому, что в такой солнечный день просто грех сидеть перед монитором. А заодно, решил, можно оставить на скамье коробку с джинсами. Кто-то найдет, обрадуется.

5

Кафе «Иероглиф».

Напротив — ночной клуб «Кобра».

Колонны, крошащийся серый кирпич, кривая черная лиственница.

Власти города не раз пытались спилить лиственницу и снести злочное заведение, но общественность, поддержанная депутатами, ни старинное здание, ни траурное дерево в обиду не давали.

Посетителей в кафе почти не было.

Ну, сидела невдалеке смуглая девушка с распущенными волосами. Вид задумчивый, умный, но окажись она Лисой, я был бы разочарован. За соседним столиком бормотал в мобильник

бритоголовый чел. — «Что там с моей машиной?» — Я прекрасно слышал всю беседу. Для меня это не проблема. — «Хонда Авансир» двухтысячного года, — бормотал бритоголовый чел. — Пробег по одометру семьдесят девять тысяч километров». — «Масло часто меняли?» — «Само собой». — «То есть редко?» — «Ну, пожалуй, редко». — «Вот и результат. Игольчатый подшипник на верхнем валу износился, разрушился, часть иголок упала в картер. Куда им еще падать? — далекий мастер относился к своей работе с повышенным уважением. — А потом одну затянуло в заборную часть фильтра». — «И как перспектива?» — «А вы как хотите? Быстро или надежно?» — «И так, и так». — «Мы бы рады, да мастера нарасхват». — «А если разумная цена?»

В смутной глубине кафе оттягивалась развеселая компания, я их рассматривать не стал. Не стал рассматривать и девчонок, устроившихся на высоких металлических табуретах бара. Явно сбежали с уроков. Зато с удовольствием увидел Конкордию Аристарховну.

Она помахала мне узкой рукой в черной перчатке.

Я обрадовался. К таким, как Конкордия Аристарховна, электрики без вызова не приходят, таким, как она, не звонят девчонки с улицы — себе выйдет дороже. В чудесном возрасте Конкордии Аристарховны не прячут седых волос, но брови подводят и губы нежно подкрашивают. Про себя я называю Конкордию Аристарховну Люси. Помните, у битлов? *Lucy in the sky with diamonds*? Кроме того, она напоминает известную ископаемую леди из Южной Африки. Ту тоже прозвали так. Возраст за три миллиона лет, но, думаю, Конкордии Аристарховне ничуть не меньше. «Убить время — это так просто, не надо даже прицеливаться». Так говорит Конкордия Аристарховна, когда я жалуясь на избыток свободного времени.

Нежный запах хорошего табака, неагрессивных духов, чего-то загадочного.

На смуглой шее, посеченной нежными множественными морщинками, прелестное серебряное ожерелье.

Усаживаясь за столик, на всякий случай глянул на девушку с распущенными волосами. Позорная девка, сказал бы Паша. Нога влево, нога вправо — сейчас так не ходят. А вот Конкордия Аристарховна... А вот Люси... Паша, рассказывая про Конкордию Аристарховну, всегда восторженно пускает слюну. «Ей под сто, а жрет коньяк не так, как эти позорные девки в «Кобре». Даже словечко жрет звучит у Паши восторженно. «Ну, пусть не под сто, пусть под девяносто, все равно жрет! Ойлэ с двух рюмок позорно

начинает карабкаться мне на колени, а костенурка, — так Паша прозвал Конкордию Аристарховну, — пьет, сколько влезет. В нее много влезает, не смотри, что она изящная. Она — монстр. Она — монстр монстров. Мы с Ойлэ ее обожаем. Интересно, зачем она вернулась из Америки?»

6

Когда-то Конкордия Аристарховна была яростной комсомолкой.

В буднях великих строек, в веселом грохоте, в огнях и звонах, здравствуй, страна героев, страна мечтателей, страна ученых! Все у нее складывалось. Нет нам преград ни в море, ни на суше. Все горело в ее красивых руках. А в результате только пять лет назад вернулась из США в наш город.

Страна мечтателей? Да. Страна ученых? Конечно. Но лет пятьдесят, не меньше, Конкордии Аристарховне даже думать не рекомендовалось о возвращении на родину. Всеведущий Паша не раз намекал, что костенурка (тонкие узкие руки, изящная походка, ласковый, все понимающий взгляд) когда-то позорно обидела нашу Родину. Некая несоразмерность чувствуется в таких намеках, но только на первый взгляд. Когда фашисты, начав войну с СССР, оккупировали Западную Украину, костенурка жила во Львове. Именно ей поручили ликвидировать некоего полковника СС Курта Людвига. Это имя тогда многим леденило кровь. Ходили слухи, что Курт Людвиг лично и жестоко пытается всех, кто попадает в его застенки. Аусвайс юной комсомолке заменяла ее волшебная красота. Стоило ей улыбнуться, беспомощно взмахнуть ресницами — таяли сердца самых неподкупных патрульных.

Но какой-то придурок устоял.

Юную красавицу толкнули в тесный кабинет.

Вблизи полковник СС производил странное впечатление.

Конечно, идейный жестокий враг. Но при этом — действительно белокурая бестия с пронзительными голубыми глазами. Спортивен, умен, воспитан. Ко всему прочему, полковнику шла черная форма. И он, конечно, сразу понял, зачем бродила вокруг его штаба чудесная вестница смерти.

Глухая ночь.

Страшный кабинет.

Часовой за плотно запертыми дверями.

А еще — французский коньяк, бразильский шоколад, прочные немецкие презервативы.

Любовь. Неистовая.

Тебе этого не понять, толковывал Паша.

Ты позорно не помнишь даже своего собственного прошлого.

Черному жениху, ну, сами понимаете, эта мрачная эсэсовская форма, намекал Паша, разрешения на брак пришлось просить у самого фюрера. А вот со стороны невесты никаких просьб к товарищу Сталину не последовало. К тому же, подпольщики, уязвленные неожиданным поворотом событий, незамедлительно приговорили предавшую их комсомолку к смертной казни. Правда, повесить удалось только полковника. Буквально за неделю до того, как он повис на перекладине каких-то ворот, полковник откомандировал молодую жену к союзникам в Италию. Оставшись вдовой, нежная, тогда еще совсем не доисторическая Люси влюбилась в одного из влиятельных советников дуче. Черноволосый, смуглый советник очень много говорил, еще больше жестикулировал, даже в постели, но рядом с ним Конкордия Аристарховна чувствовала себя надежнее, чем с полковником СС.

Впрочем, судьбу не обойдешь.

В сорок четвертом году энергичные итальянские партизаны повесили и черноволосого советника. Пораженная такими кровавыми событиями, бывшая комсомолка бежала за океан. Рисковать с военными она больше не решилась: подумав, вышла замуж за модного и богатого дизайнера. В мире искусства Люси быстро приняли. Бывшие мужья, конечно, отягощали ее жизнь, зато квалифицировали как женщину. Конкордия Аристарховна выучила язык, окончила престижный Колумбийский университет. При гейзеровском научном Фонде много лет углубленно изучала тоталитарное искусство Советского Союза.

А потом Империя зла рухнула.

А потом снесли Берлинскую стену.

А потом костенурка осмелилась прилететь во Львов.

А еще через несколько лет она объявилась в России. Но в тихом уголке Манхэттена за нею все еще сохранился большой дом.

7

Lucy in the sky with diamonds...

Я увидел девушку. Она шла в нашу сторону.

Рыжие волосы. Крендель на голове. Я поежился.

Даже юбка была на ней та, какую мы видели в квартире капитана милиции Жени Кутасовой. «Где ты нашел такую? — всхлипывала Женя. — Ты, наверное, платишь сучке?» Но это, конечно,

чепуха. Никому я не платил, но юбку, странно поблескивающую, как подкладка старого пальто, запомнил. При свете дня рыжая девушка легко, но как бы и смущенно, шла к кафе, отыскивая меня взглядом.

Я сразу понял — меня.

Я еще не слышал мыслей девушки, но уже знал — это Лиса.

Это она звонила по поводу потерявшейся тетради. Это ее мы с Женей видели в ночной смуте. В квартире капитана милиции всякие несуразности скрадывались темнотой, но сейчас, при свете дня, каждому было ясно, что юбка рыжей могла быть гораздо короче, а блуза — не такой закрытой. «Эта сучка рылась в моих рецептах! Она забрала рецепты моих любимых тортиков!» — так ночью кричала Женя, но теперь я был еще больше убежден в том, что Лиса не могла взять ничего чужого.

Рыжая миновала лиственницу.

Солнечный день. Перемигивающиеся светофоры.

Мысли на таком расстоянии уловить сложно, но что-то изменилось.

В самом воздухе что-то изменилось. Произошло какое-то движение. Какое-то неправильное движение. Будто вскрикнул кто-то. И я, и Конкордия Аристарховна, мы оглянулись одновременно. Много чего двигалось по залитой солнцем площади, но разворачивающаяся на полной скорости старинная «эмка», ну прямо как в кино, с форсированным, рокочущим от удовольствия движком, ее темные тонированные стекла двигались как бы отдельно, выпадали из общего ритма. На развороте «эмку» занесло, думаю, преднамеренно, взвизгнули тормоза... но поздно... поздно... рыжую девушку, как мячик, отбросило на обочину улицы.

Девчонки за стойкой восторженно завопили: «Вау!»

— Сядьте!

Я послушно сел.

Конкордия Аристарховна решительно сказала:

— Вы мужчина, Сергей Александрович. Ведите себя соответственно.

Я кивнул. Привидение нельзя сбить машиной. Даже такой старинной. Мало ли таких дорожных происшествий ежедневно происходит в городе? При чем тут я, при чем тут посетители кафе? К тому же, «скорая» подъехала почти сразу. Я увидел восковую, свесившуюся с носилок руку.

Потом появилась и милиция.

— Не стоит вам вмешиваться. У вас и так репутация найденша.

Я кивнул.

Я понимал.

К нам, кстати, и не подошли.

Не интересовали мы никого — старуха из США и известный всему городу урод (нравственный).

— Знаете, — негромко сказала Конкордия Аристарховна. Она не собиралась утешать меня, просто сказала: — Я ведь до сих пор не прошла вашу игру. — Не хотела она говорить о сбитой машиной девушке. И мне не советовала. Мысли ее были просты, хотя к заядлым геймерам никто бы ее не отнес. А может, в ее годы о смерти не говорят принципиально. — Знаете, Сергей Александрович, играя в вашу «Эволюцию», я всегда застреваю где-то в начале мезозоя. Не складывается у меня. Все время в полете. У меня даже первые люди возникают в палеозойское время, когда им есть нечего.

В сознании Конкордии Аристарховны было пусто. Напрасно я искал там хоть какую-то мысль, сожаление или раскаяние. В сознании костенурки было пусто, как в концертном зале в будний день. Ничего там не было, связанного с окружающим. Так, некие обрывки размышлений, какие-то необязательные соображения. Но сумела же она пройти начальные уровни «Эволюции», а это не просто, это игра для людей с воображением. Кипящие первичные океаны, таинственный астероид, врывающийся в плотную атмосферу юной Земли. Станные организованные элементы (ОЭ), занесенные из Космоса. После вакуумных разрывов, диких пространств, потоков жесткого излучения загадочные ОЭ, конечно, попали в рай: ленточные глины, жидкая вода, россыпи минералов, ювенильные источники, всевозможные газы, вулканический пепел, световая гармония магнитных полей. При правильном раскладе рано или поздно с монитора улыбнется первое разумное существо.

Какое?

У каждого свое.

Но в любом случае это будет отражением девонских акул, глянцевиных каменноугольных эогиринусов, влажных пермских сеймурий, чудовищных триасовых ихтидописов. Оказывается, Конкордии Аристарховне нравилась моя игра. Она была влюблена в обитателей первичных земных морей. Особенно ее занимали археоциаты. Она строила особенные самостоятельные миры из живых ажурных кубков, ведь непонятно до сих пор, были археоциаты растениями или животными. Чудесные отражения. Вертикальные перегородки. Поблескивающие пластины.

Милиция, наконец, уехала.

Извинившись, я вынул мобильник.

Странно, но Центральная станция «Скорой помощи» откликнулась сразу.

«В какую больницу доставили пострадавшую?»

«Это вы про наезд, что ли?»

«Ну да, про наезд».

«А вы кто будете?»

«Я родственник».

Трубку сразу повесили. Версия с родственником не прошла.

Конкордия Аристарховна понимающе улыбнулась. Она ничуть не хуже капитана милиции Жени Кутасовой знала интонацию вранья. Шея ее была густо и нежно посечена морщинками. Ей шло ажурное ожерелье.

— К сожалению, мне пора.

Я коснулся губами тоненьких синих вен.

На меня пахло аккуратной старостью и чистотой.

«...в субботу... в 17.00... в библиотеке имени Чехова...»

Проводив костенурку взглядом, я машинально потянул афишку, лежавшую под папкой меню. «...в субботу... — (то есть сегодня), — в 17.00... — (то есть через пару часов), — в библиотеке имени Чехова... состоится встреча с доктором Григорием Лейбовичем... — (Что-то жуликоватое почудилось мне в фамилии доктора.) — ...выпускник 1-го московского медицинского института, живет в США, часто приезжает на Родину. Он автор книги, которая явилась результатом прямых контактов с интеллектуальными существами запредельного мира... На встрече... — (указывался адрес книжного магазина) — доктор Григорий Лейбович продемонстрирует настоящий ченнелинговый контакт, а все желающие смогут задать вопросы...»

8

Я снова вынул мобильник.

Женя Кутасова, капитан милиции, оказалась на дежурстве.

«Много работы?» — посочувствовал я. Капитан Женя Кутасова обожала сочувствие.

«Да нет, что ты, совсем мало! — как ни странно, она обрадовалась моему звонку. Может, в душе все еще не могла поверить, что я ушел от нее. Двумя руками должен был держаться, а ушел. — Совсем тихий день. Ну, пьяная драка, пара квартирных краж, кое-что по мелочам, понятно, изнасилование, жарко очень».

«А наезды?»

«На человека?»

«Не на столб же».

«Не зафиксировано».

«Не может быть. Я сам видел черную «эмку» с тонированными стеклами. Такие машины показывают в кино».

«Подожди».

В трубке далеко и вяло перекликались незнакомые голоса, приглушенно позвякивали телефоны — обычная скучная музыка милицейских будней.

«Ой, как это ты узнал? — наконец откликнулась капитан Женья Кутасова. — Точно. Был наезд. Примерно час назад. Старая «эмка», ее пока не нашли. И стекла тонированные».

«А девушка жива?»

«Ты ее знаешь?» — ревниво спросила Женья.

«Впервые видел. Просто все случилось у нас перед глазами».

«У нас? Это с кем ты там?» — голос капитана милиции становился все холоднее.

«С Конкордией Аристарховной. Ты должна ее знать».

«А почему спрашиваешь про сбитую?»

«Да просто так. Жалко».

«Просто так такими вещами не интересуются».

«Не знаю, Женья. Какая-то странная она была».

«Да я уже и сама вижу. В рапорте. Сатиновая юбка... Блуза...»

«Точно. Мы с тобой видели ее. Понимаешь? Такая же юбка, по щиколотку».

«И в рапорте так написано, — пораженно заметила капитан Женья Кутасова. Она явно боролась с собой. Может, хотела бросить трубку. Но справедливость победила. — Непонятки тут с пострадавшей».

«Ее хоть довели до больницы?»

«Не успели».

«Умерла?»

«Нет».

«Тогда почему не успели?»

«Как это почему? Исчезла!»

«Как это исчезла? Выпрыгнула из машины?»

«Не совсем так. Разбираемся».

«Да объясни толком!»

Женья снова с кем-то пожужжала.

«Не знаю, что и сказать. — Голос капитана Жени Кутасовой немного потеплел. — Нарушитель исчез, не поймали нарушителя».

Как сквозь землю провалилась эта «эмка», будто не было ее. А водила «скорой» характеризуется положительно. И врач опытная. Она уже тысячи раз выезжала на такие вызовы. Уложили пострадавшую на носилки. Все, как положено. Пульс слабый, но прощупывался. Врач всю дорогу держала руку на пульсе, а потом...

«Что потом?»

«Ты не поверишь!»

«Тебе поверю», — польстил я.

«А потом пульс стал исчезать, — голос капитана Жени Кутасовой понизился, будто она не хотела, чтобы в милицейском кабинете ее слышали. — И рука пострадавшей стала исчезать. Так в рапорте написано. Я не вру. Ты что, по интонации не чувствуешь? Я же тебя учила! Девки, которых ты тайком водил в мою квартиру, — все-таки не выдержала она, — тоже странно исчезали. Помнишь? Двери-окна заперты, а никого нет. Вот видно, роется на моей полочке, рукой достать, а замахнешься — она тает в воздухе. И в рапорте отмечено, что тело пострадавшей как бы растаяло прямо на глазах у врача. Ну, что тут непонятного? — заорала в трубку капитан Женя Кутасова. — Как мороженое растаяло! Видел, как тает мороженое? Осталась только одежда. Вот, читаю. «Сатиновая потертая юбка...» Только учти, — повысила голос капитан милиции, — теперь мы тебе ничего не вернем, хватит с тебя дурацкой тетради. А про белье этой исчезнувшей сучки даже не заикайся. Она у тебя в сельпо одевалась, извращенец!»

Наши желания — наши проблемы.

«...в библиотеке имени Чехова... Выпускник 1-го московского медицинского института... Продемонстрирует настоящий ченнелинговый контакт, а все желающие смогут задать вопросы...»

А почему не пойти?

Тетрадь... Электрик... Девушка Лиса...

Я еще не знал, что все только начинается.

ДОКТОР ЛЕЙБОВИЧ

1

Доктор Лейбович не выглядел бедняком.

Плотный, суровый. Костюм — ничего броского, галстук за триста баксов. На безымянном пальце перстень. Стоимость? Мне хватило бы съездить в Сикким и обратно. Взгляд внимательный. Слушателей собралось не менее двадцати душ — разного возраста

та, разного социального положения. Сидели вокруг исцарапанного круглого стола — обязательная принадлежность нынешней публичной библиотеки. На полках пестрые обложки. «Ведьма с Портобелло», «Дневник информационного террориста», «Ужасы ночью», «Замуж за миллионера», «От эффективности к величию», «Легкий способ бросить курить». Все доступно, все функционально.

Не глядя, протянул руку.

Вытянул сдвоенный номер толстого журнала.

...Слесарь Петров из маленького хозуправления привел в НКВД злостного инженера Ломова. Инженер обещал слесарю десять тысяч рублей за совершение диверсионного акта — вбить железный болт в электрический кабель на большом заводе...

Я поставил журнал на место.

Чем-то это напоминало выписки в тетради с гиббонами.

Мысленно я вдруг увидел озеро Джорджей Пагмо. Жить там нельзя. На берегах нет растительности, никаких зверей. Торчат мертвые скалы, похожие на безголовых сфинксов. Может, это те, кого озеро не приняло. Со стороны Шамбалы вдруг доносится приятный звук. Если услышал его — иди! Пусть соль, тоска, холодные пески, это неважно. Если позвали — иди, не медли. Ты увидишь прозрачное озеро, рожденное в чистом уме бога. Омойся — и войдешь в рай. Вода озера Джорджей Пагмо чище жемчуга. Отпей ее — и будешь освобожден от последствий грехов ста своих жизней.

Ладно. Плевать. Когда-то — это когда-то.

С прошлым у меня вполне терпимые отношения.

Правда, бывали странные дни. Не буду скрывать, бывали. Особенно под осень, когда начинаются занудливые дожди. Известно, земля наша, кроме комаров, еще дождями богата. Утвердив на столе бутылку вина, я раскрывал атлас России. Еще и еще раз вдумывался я в маршрут сгоревшего самолета. Он вылетел из Санкт-Петербурга (то есть там я поднялся на его борт) и должен был приземлиться в Южно-Сахалинске. Три посадки по маршруту, я мог выйти в трех разных аэропортах. Мог выйти, сесть на поезд или в автобус и уехать куда угодно. Урал, Сибирь, Дальний Восток. У меня могла быть машина, меня мог кто-то ждать. Земля только кажется крошечной, на самом деле она огромная. Я мог жить в любом из городов, расположенных по маршруту самолета. Я мог жить в любом из городов, в которые можно добраться из транзитных аэропортов. За пять лет, прошедших с момента

гибели самолета, никто меня не узнал, не вспомнил, не кинулся навстречу на улице. Наверняка где-то есть город, в котором я родился, где, возможно, обо мне помнят. Меня показывали по TV, обо мне писали, что толку? Я ведь не похож на себя — на того, каким был. Десятки пластических операций превратили меня совсем в другого человека.

2

Save.

3

Я прислушался к мыслям соседа справа.

Заезжий гость. Раздражен. Уезжает вечерним поездом, а из гостиницы уже выперли. Сябра, гэта баян! Белорус. Явно белорус. У Бабруйск жывёла! Воротничок рубашки несвеж, рукава пиджака потерты. Какая-то сделка сорвалась, должок на хвосте. Самое время поговорить с удивительными интеллектуальными существами из запредельного мира. Сябра, рэспект ды павага табе! Белорус был в отчаянии. Ни от кого он не прятался, никто его не ловил, но как жить завтра, послезавтра, через год? Я не все понимал в мыслях соседа, для этого следовало бы выучить особый слоўнік для беларускамоўных падонкаў, но главное было ясно.

Сосед слева (подозрительный взгляд, вельветовые брюки аккуратно подпернуты на коленях) считал господина Лейбовича жуликом. Блин, развелось их. Как экстрасенсов в аквариуме.

Я подмигнул соседу.

И этот — жулик, сразу определил он.

Жулик на жулике. Так он считал. И в библиотеку пришел, чтобы убедиться в своей правоте. В беседу с удивительными интеллектуальными существами запредельного мира он не собирался вступать ни при каких обстоятельствах, хорошее образование не позволяло, но если названные существа, суки, сами полезут с вопросами... На такой крайний случай у соседа слева было кое-что припасено. Как верить человеку, который тебя обманул, а теперь ты хочешь его обмануть, только тебе надо знать, когда он врет, чтобы правильно соврать ему? Пусть интеллектуальные существа запредельного мира съедят такое.

Доктор Лейбович перехватил мой взгляд. Какой хороший народ, думал он, знаменитый врач, выпускник 1-го московско-

го медицинского института. Милые и тупые. Он никого не хотел обидеть таким определением, знал, что никто не прочтет невысказанных вслух мыслей. Сыграть роль передатчика может любой, использовать можно каждого. Правда, вот этот (улыбка в мою сторону) выглядит не совсем.

Почему-то доктор не счел меня перспективным. Пришел тупым и уйдет тупым.

Меня это не обидело. Я видел, что доктор отчаянно хотел выглядеть другим. Не таким, как все. Вот смотрите, твердил он мысленно. Я другой! Я не такой, как вы!

А на деле — обычный псих.

Не понимает: место мыши — в амбаре.

Как настоящий юзер, доктор Лейбович всю жизнь будет наступать на грабли — и в виде моего соседа справа, и в виде моего соседа слева. Да и я его вряд ли обрадую. Пусть надувает толстые щеки, значительно поднимает брови. Дескать, вы (милые и тупые) должны видеть, что это за ним, за ним, за ним, а не за нами (милыми и тупыми), роятся и жужжат удивительные интеллектуальные существа запредельного мира.

Женщина напротив (цветастая кофта, мелированные волосы, линиялые голубенькие глазки — все в жизни налажено; потому и пришла в библиотеку имени Чехова, что все в жизни налажено) восторженно следила за доктором Лейбовичем. В ее линиялом взгляде читалось: вот у нее в жизни все налажено, так оно и должно быть, а если эти ваши интеллектуальные существа, видали мы всяких, еще и начнут хамить, она знает, как с ними сладить! Интересно бы приручить такое интеллектуальное существо и держать его дома на комодке.

— Я показываю вам книгу. Это большая книга, — доктор Лейбович действительно показал нам огромный, отлично изданный том. — Она стоит не дешево, зато может изменить вашу жизнь. К результату обычно ведут дорогие решения, — сострил он. — Книга, которую я вам показываю, действительно может изменить вашу жизнь. Если вы вчитаетесь в ее содержание, — опять сострил он. — Чтение требует усилий, — доктор Лейбович стер улыбку и строго посмотрел на меня, потом на женщину в цветастой кофте, потом перевел взгляд на белоруса и на соседа слева, будто чувствовал какую-то неясную опасность. — Я не один год беседовал с Крайоном, пока не пришел к мысли написать такую большую книгу.

Оба жулики, решил сосед слева. Но вслух спросил:

— Кто он, этот Крайон? Чем занимался?

— Был Учителем, не будучи человеком.

— А-а-а... — сосед слева окончательно уверился: жулики!

А сосед справа удовлетворенно отметил: аўтар шукае спонсара!

— Купивший мою книгу, — доктор Григорий Лейбович резко поднял толстый том над головой, — быстро, как сможет, приблизится к пониманию сущего. Это как в видеоискателе. Простым глазом не видишь, а навел оптику, — он прищурился, — все так и встает перед глазами (милые и тупые). Надо только знать свои корни, помнить начало собственной жизни, — он представить не мог, как сильно огорчил меня этими словами. — Наверное, вы еще не знаете, что все разумные существа Земли, нашей планеты, делятся на две категории. Представители первой получают от Крайона и от меня реальные уроки правильного жизненного существования, а представители второй вечно бродят в темноте и служат представителям первой. — (Увага! У каментарах підары! — обеспокоился сосед справа.) — Каждый купивший книгу...

И так далее. Пошел повтор гонки.

«Не думал тебя здесь увидеть».

«Если честно, я сюда и не собирался».

«Но ты здесь, здесь, — жарко шептал мне в затылок Последний атлант. Он опоздал на встречу с доктором Григорием Лейбовичем, зато нашел на скамье в парке оставленную мной коробку. — Скажу так, ты совсем стал растеряхой. Опять оставил свои вещи. Зачем их брать, если все равно потеряешь?»

Я даже не улыбнулся.

Не отвечая Последнему атланту, протянул доктору купюры.

Три сотни. Ровно столько стоила книга «Послания Ченнелинга».

— Теперь я обращаюсь к тем, кто хочет, но стесняется меня спросить... — Доктор Григорий Лейбович высоко воздел руки, как проповедник. — Слово ченнелинг — (милые и тупые) — происходит от английского channel, канал. Но это не канал между двумя водоемами, — он опять острил, — а канал между развитыми душами. Духовный канал. Канал между Высшим разумом и существами, жаждущими помощи. — Он строго посмотрел на меня, потом на женщину в цветастой кофте. — Ченнелинг позволяет получать важные сообщения из запредельного мира. Космос открыт только посвященным. Высший разум — необозримое информационное поле всех душ Вселенной — открыт только последователям Крайона. Это факт. Чтобы безошибочно передавать самые важные, самые необходимые сообщения из одной эпохи в другую, из одних пространств в другие, из одних миров в тре-

ты, интеллектуальные существа запредельного мира временно овладевают нашими телами. Мы этого не чувствуем, не можем чувствовать, но это так. Это наше высшее назначение — быть передатчиками между мирами и эпохами, получать и переносить вселенскую информацию. Мы рождаемся, взрослеем, переживаем события, работаем, совершаем хорошие и нехорошие поступки, впадаем в грех, очищаемся, трудимся, а на самом деле несем сообщения...

— Какие? — спросил кто-то.

— У каждого сообщение свое.

— И убийцы несут сообщение? — тревожно спросил сосед слева.

— И убийцы, — строго ответил доктор Лейбович.

— И насильники? — спросил сосед справа.

— И насильники.

— И призраки? — спросил я.

Доктор Григорий Лейбович не растерялся:

— И хомяки, и птицы, и бактерии, и амебы, и Петр Петрович Петров, и мальчик из подворотни, и вы, добрая женщина, — все! Нет никаких исключений, — огорчил он нас. — Мы — инструмент. Привыкайте к мысли, что мы — скромный инструмент для величественных изменений человеческой истории. А всякие личные переживания не имеют никакого значения. — (Врешь, дурачок, ласково подумала женщина в цветастой кофте. Как различные переживания прежде всего. У вас, у интеллектуальных существ запредельного мира, мужчины тоже, наверное, как животные, всегда склонны к изменам.) — Изучайте «Послания Ченнелинга». Внимательно изучайте «Послания Ченнелинга». Ежедневно, ежечасно изучайте «Послания Ченнелинга». Мир мутен. В мире страшно. Мы сами взболтали ил. В мире скопилось много серого и ужасного. Вчитывайтесь в «Послания Ченнелинга». Может, это последнее послание к нам Высшего разума.

— Почему последнее? — обеспокоилась девушка в розовой кофточке.

— Потому что помощи, возможно, больше не будет.

— Как так? Сообщения же идут!

— Сообщения идут, но получатель может исчезнуть, — нехорошо намекнул доктор Григорий Лейбович. — «Адресат выбыл»? Помните такой штамп?

Девушка покраснела. Слово штамп ей что-то напомнило.

Николай Михайлович шепнул мне из-за плеча:

«Твою коробку я оставил в гардеробной».

«Ты за всеми все подбираешь?»

«Только за тобой».

4

Доктор Лейбович хлопнул в ладоши.

Повинуясь сигналу, откуда-то сбоку, из-за дешевой ситцевой занавески, отделявшей читальный зал от подсобного помещения, может, от небольшого склада, бесшумно вышла женщина. Она была небольшого роста. На голову наброшен, как паранджа, платок — серый, даже какой-то пепельный. Женщина поспешила к столу, чуть приподнимая пальцами длинную серую юбку, семена тонкими, невидимыми, но хорошо угадываемыми по движениям ножками. Горб тоже не красил женщину. Сосед справа приуныл: гэта пяць, паліш сука! А сосед слева окончательно решил: все жулики!

На свободной половине зала горбунья присела.

Прямо на пол, подогнув под себя невидимые под юбкой ножки.

Женщина в цветастой кофте немедленно отметила, что горбунья, пожалуй, похожа на одну из ее подруг. Что-то нехорошее случилось с этой подружкой. Или должно было случиться, я не понял. Не горбатая, но дура. И муж у нее до сих пор ходит в костюме с выпускного вечера.

— А о чем можно спрашивать?

Доктор Лейбович поднял глаза на Последнего атланта:

— Обо всем, что вас интересует. Обо всем, на что у вас нет ответа. Обо всем, что тревожит или радует, не привнося в душу ни понимания, ни покоя.

— Тогда такой вопрос. — Николай Михайлович положил тяжелую руку на мое плечо. — У моего друга проблема. У него наблюдаются провалы в памяти. Если честно, до определенного момента в жизни он вообще ничего не помнит. А вы сказали, что понять «Послания Ченнелинга» можно, только хорошо зная корни, начало собственной жизни. Как же быть моему другу?

Все, как один, уставились на меня.

И доктор Григорий Лейбович уставился.

Но Последний атлант (милый и тупой) не отставал:

— «Послания Ченнелинга» — они помогут моему другу?

Он чувствовал внимание зала. И чувствовал мое недовольство.

— Почему, — давил он, — для передачи важных вселенских сообщений интеллектуальные существа запредельного мира вы-

брали именно нас? Почему им понадобились наши несовершенные тела? Почему Высший разум не испросил у нас разрешения? Может, я чем-то серьезным занят, не могу отвлекаться, а тут такое неожиданное и ответственное задание. И как, наконец, быть моему другу? Он ведь не идеален. Жизнь, сами знаете, — это то, что ты помнишь.

Горбуня на полу что-то пробормотала. Пепельный платок вздрогнул, как от вздоха.

— А вы смиритесь, — строго и уважительно посоветовал доктор. — Понимание приносит покой.

— Как так? При чем тут смиритесь? Я задал совершенно конкретные вопросы, — обеспокоился Последний атлант. — Какую такую информацию мы распространяем? Может, содержание ее противоречит моим личным этическим нормам или городскому законодательству? Я, например, последнее время нездоров, неважно чувствую себя, зачем мне лишняя нагрузка?

Горбуня на полу вздрогнула. Из-под пепельного платка сверкнул черный глаз. «Жулики, жулики», — услышал я мысли соседа слева. Но доктор Григорий Лейбович только улыбнулся:

— Кто еще хочет задать вопрос?

— Но позвольте! Вы мне еще не ответили!

— Разве? — удивился доктор Лейбович и строго посмотрел на горбуню. — Мариам, вы ответили респонденту?

Пепельный платок колыхнулся согласно.

— Видите, не все так плохо.

— Но я ни слова не понял! Если и был ответ, я не понял ни слова.

— И не могли понять.

— Это почему?

— Потому, что вам ответили на халдейском.

— На мертвом языке? Но здесь его никто не знает.

— А этого и не требуется.

— Не понимаю.

— Думайте, думайте, — доктор благодушно улыбнулся. — Ответ вам дан, вот главное. А на каком языке — для интеллектуальных существ запредельного мира такие мелочи не имеют значения. Вы скажете, что такие мелочи имеют значение для вас? Не спорю. Имеют. Но система перевода сложна и требует особенной обстановки. Все нужные консультации, в том числе по точному переводу, я даю в офисе. Визитки на столе. — (Пішы яшчэ! — обрадовался сосед справа.) — К тому же, у вас теперь есть «Послания Ченнелинга». Как? Вы еще не приобрели книгу? — удивился

он несколькими поднятым рукам. — Как же вы собираетесь без «Посланий Ченнелинга» искать свой путь к Полям Знаний?

Сосед справа подумал — и все же не купил книжку.

— Каждый из нас несет свое особенное сообщение, — пояснил доктор Григорий Лейбович, ломая последнее сопротивление слушателей. — Но не каждый, к сожалению, относится к своей миссии с полной отдачей. Это ведь зависит от физического и душевного состояния. Помехой — (милые и тупые) — могут стать самые простые вещи. Например, запор. Или уныние. Или головная боль.

Вывучай албанскую мову!

Горбуня под пепельным платком опять что-то пробормотала.

— Обывателям — (милые и тупые) — больше всего мешают привычные представления. Обыватель вреден. Он многого не понимает, не хочет понимать. Он ленив. Он хуже клопа. Он вредит даже в космосе. Да вы сами прикиньте, — укоризненно покачал головой доктор Григорий Лейбович. — Легко ли ехать по извилистой, незнакомой, залитой дождями дороге, если руль вашего автомобиля заклинило, а очки вы забыли дома? — (Аўтар пякельны сатана, творчасць выдатная!) — Как в таких условиях правильно и вовремя донести до адресата важное сообщение? Вы угадали, — обрадовался он, взглянув на женщину в цветастой кофте. — Нужно изучать языки! Даже мертвые. Зачем мы открываем неизвестные страны, летим на другие планеты? — спросил он с пафосом. — Зачем мы с риском для собственной жизни карабкаемся на поднебесные вершины, пересекаем мертвые ледники, опускаемся на дно океанов?

— Несем сообщения! — догадался кто-то.

Доктор Лейбович ласково улыбнулся:

— Вы поняли.

— Ну, хорошо, — негромко сказал я, и Николай Михайлович сразу ревниво задышал мне в затылок. — Ну, хорошо. Вот вы сказали, что Крайон — ваш Учитель. При этом он никогда не был человеком. Ну, ладно, пусть так. Я верю. Почему нет? Но мне хочется знать, — я всей кожей чувствовал на себе множественные неприязненные взгляды. — Мне хочется знать, несут ли какое-то сообщение привидения?

Пепельный платок заколебался, мелькнул черный глаз.

Горбуня булькала под серым платком, как закипавший чайник.

— Ответ дан.

— Но я опять ничего не понял.

— А разве вам обещали что-то такое?

Пацан сказал, пацан ответил. Доктор благожелательно развел руки. Хотите ясности, записывайтесь на прием в офис. Сябра, рэспект ды павага табе! За дополнительную плату.

В зале зашумели.

Горбуня испуганно прикрылась платком.

Николай Михайлович наклонился сзади, шепнул:

«Тебя электрик нашел?»

«Он что, опять приходил?»

«Опять приходил. И девка снова звонила».

На этот раз я обернулся:

«Какая девка?»

«Откуда я знаю? Сказала, вам надо встретиться».

«Лиса? — изумился я. — Она опять звонила? Когда?»

«Да полчаса назад. Я как раз поднимался в библиотеку».

Лиса? Но ее сбила машина. Как она могла звонить? Правда, она исчезла из машины «скорой помощи». Что за бред?

Последний атлант не унимался:

«Я подсказал ей, что ночью ты будешь в «Кобре».

«Сегодня я не собирался туда».

«Придется пойти».

«С чего это?»

«Она знает тебя».

5

Знает.

Лиса! Меня!

Что она может знать?

Я покурил под колоннами у входа в «Кобру».

Швейцар Зосимыч — плоский, белесый, обросший зеленоватыми лишайниками по скулам и вискам, — по привычке перекрестился, увидев меня, и тут же, прихрамывая, притащил пепельницу. Судя по поведению, он родился прямо в ливрее. Ходят слухи, что Зосимыч — жертва репрессий, много страдал, получает персональную премию. Но, наверное, важнее то, что он родственник хозяину «Кобры» и у него имеется казенная справка о перенесенных страданиях. Придерживая в скрюченной руке пепельницу, Зосимыч, ровесник Октябрьской революции, доверительно и лстиво подмигивал мне. «Ну, знаете этих Иванов Сергеичев, — уважительно оглядываясь и подмигивая довери-

тельно, шепнул он. — Они с вами не раз угощались. Точно-с говорю, никакой у них белой горячки, врут-с. Просто шептались с тапочками, ну, брали их в постель, — Зосимыч подмигнул совсем доверительно. — А так ничего особенного».

Я сунул Зосимычу мелкую купюру.

Мысли швейцара читать трудно. В мутном, как запущенный аквариум, сознании что-то плавает, но пойми — что. Гегемон — руководитель гегемонии... Гегемония — преобладание, руководство... И вообще я, наверное, плохой передатчик. Руль заклинен, тормоза не работают, своих корней не помню. Было, было, я верил, что однажды встречу человека, знающего меня. Но время шло, надежда таяла. Самое раннее воспоминание, живущее во мне, — металлическая кровать в ожоговом центре. Кровать особой конструкции. Я не столько лежал, сколько висел на капроновых растяжках.

И ослепительная, ослепляющая боль. Постоянное, сплошное северное сияние боли.

Полярный эффект ни на минуту не прекращающихся яростных вспышек.

И вдруг Лиса.

Знает.

6

Огромные зеркала.

В смутных плоскостях — зал.

Парень в жилетке на голое тело (в «Кобре» на форму не смотрят).

Курит какую-то дрянь, бесцеремонно выдыхает в мою сторону. Только наивные девушки представляют своих современников романтиками. Рядом усатый чел в мешковатой футболке с надписью на пяти языках: «Извините, что мой президент идиот, я за него не голосовал». Похоже, читает только собственную футболку. В смутных отсветах улыбки плохих девчонок — как компьютерные смайлики.

— Прив!

Паша был навеселе.

На всякий случай я заметил, что жду кое-кого.

— Ну? — удивился он. — Капитана милиции? Позорная девка.

Я улыбнулся. На самом деле Паша к капитану милиции нервно дышал.

— Когда меня найдут в постели удушенным, — тут же счел нужным сообщить Паша, — доложи капитану милиции.

— Чего это ты так настроился?

— Не знаю, — покачал он головой. — Но в день, когда мы закончим роман, меня найдут в постели удушенным.

— А ты не торопись. С окончанием романа не торопись, — посоветовал я, не давая Паше впасть в депрессию. — Разветвляй сюжет. Пусть он будет похож на устье Меконга или Волги.

— Ойлэ торопится.

Паша запечалился.

— Ойлэ считает, что слава ей нужна. Сейчас нужна. Завтра, считает она, ей понадобится что-то совсем другое. Роман должен нас прославить. Доходит? И немедленно! Ойлэ торопится жить, — произнес он печально и влюбленно. — Я говорю: Ойлэ, пусть наша героиня страдает. Пусть она страдает, как чистая девушка, не знавшая плохого и сразу по уши попавшая в грязь. Очищает страдание, говорю я Ойлэ. А она жалеет героиню и лезет мне на колени.

— Боишься мужа — порви с женой.

— А где я буду заколачивать такие бабки?

— Позвони приятелям в Москву. Пиши сценарии мыльных опер. Тоже нелегкий труд, но безопаснее, чем альтернативный роман с женой олигарха.

— Ты не понимаешь. Я хочу покорить Ойлэ.

— Она и так не слезает с твоих колен. Хочешь, чтобы села на шею?

— Я хочу доказать ей, что род Павла Матвеева — уважаемый, старинный дворянский род.

— Это ты о себе?

— А о ком же еще?

— Взращиваешь генеалогическое дерево?

— Тщательно, — покивал он. — Заказал поиски двум архивистам-бандитам. Те еще ребята! Тонна баксов понадобилась для изысканий. Зато, в отличие от тебя, я знаю всю свою родословную. А искусствоведы подбирают портреты.

— Чьи?

— Предков.

— Чьих предков?

— Моих, — проникновенно пояснил Паша. — Корни моего рода уходят в глубину самых темных веков. Не то, что у тебя, выскочка безродный. Он заставил С. написать свои портреты в костюмах бенедиктинского монаха и маркиза XVIII столетия и в

разговоре скромно дает понять, что это его портреты в прошлых инкарнациях. Это из твоей тетрадки. Добавлю полтонны баксов, и мне подробно опишут дворян моего рода времен каменноугольной эпохи. Пришло время пронзительных истин. Когда меня задушат в постели, внимательно осмотри портреты, развешанные на стенах.

— Попробуй поразмышлять о бренности существования.

— Это только тебе легко, — опечаленно покачал Паша головой. — Ты ничего не помнишь. У тебя, может, предков вообще не было. Что бы ты о себе ни рассказал, всему поверят. А твой настоящий отец, может, до сих пор тянет срок за изнасилование, а мать... Ладно, про мать молчу. Может, она была морским министром, правда? — Он явно завидовал моим возможностям. — А мои предки даже на портретах такие самцы!

Мы прикончили полбутылки «Хеннеси».

Никто не звонил, никто не подавал никаких знаков.

— Я тут недавно поймал Ойлэ за твоей «Эволюцией».

И этот туда же.

Я потянул носом.

Я уже не слушал Пашу.

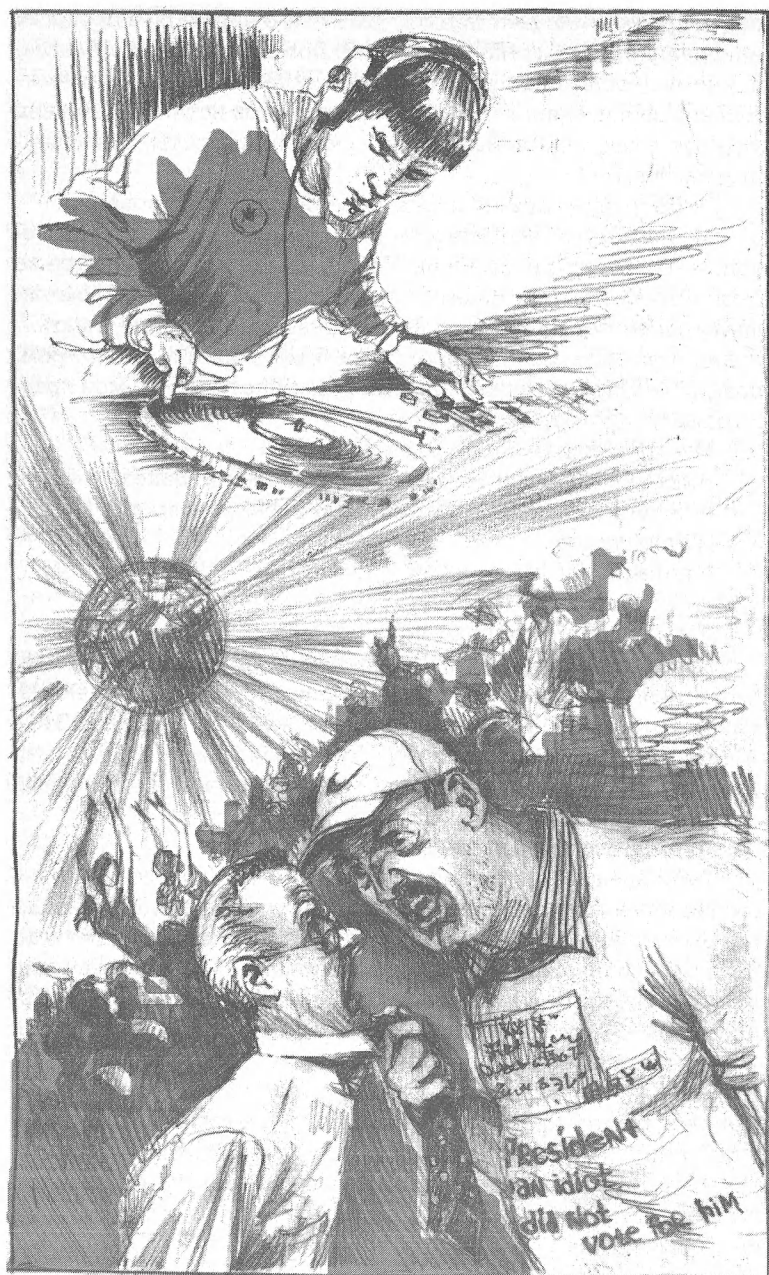
Я погрузился в свои мысли.

Перед караваном должен крутиться облезлый пес. Вот хорошая деталь для новой игры. Нет плохих вестей из Сиккима. Облезлый пес отвлечет внимание геймеров от ненужных деталей. Это с «Эволюцией» я сразу попал в точку: услышал музыку сфер, угадал артефакт, свалившийся в кипящие воды доисторического океана.

Динамика!

Прежде всего — динамика!

Руби щупальца цефалопод, отражай атаки ракоскорпионов, соси из ювенильных источников сладкие радиоактивные элементы. Бьет по нервам! Куда Паше с его альтернативным романом! Заросли мрачных чарний, океанские бездны, бледные архейские медузы, мир тьмы, ужаса, — любой неверный ход ведет к мутациям, чаще всего неустойчивым. Ты сам строишь ход истории. Животный и растительный миры зависят от твоего воображения. Ты — Творец. Ты исследуешь тупики, намечаешь будущее. Ошибки, понятно, не исключены. Из одноклеточных организмов вдруг вырастают монстры. Неведомые создания пожирают друг друга. Грандиозные поединки, карнавал все новых и новых форм. От акул к земноводным, от псилофитов к покрытосемянным, из эры гигантов в эру кривоногих и волосатых самцов Матвеевых. А там и до выхода в Космос рукой подать.

Мы чокнулись.

— Твое здоровье, глупак!

Когда Пашу сильно развозит, он вспоминает множество болгарских слов, потому что три года учился в Софийском университете.

Ладно.

Я глупак.

Но Паша не отставал.

— Ты не просто глупак. Ты маймуна. Молчи! Не возражай! Посмотри туда. Видишь ту позорную чучулигу? — Он судорожно тыкал пальцем в кривляющуюся у бара девчонку с личиком-смайликом. — Не знаю ее. — Почему? А та пепелянка? — тыкал он в сторону задымленной женщины. — Ее тоже не знаю.

Было поздно.

Хлопали пробки.

Через столик от нас расположился за столиком толстый поц с лысой головой и свинячьими глазками. На нем был безумно дорогой костюм, правда, сидел дерьмово. В сосисочно пухлых пальцах поблескивал бокал с Chateau Margaux. Что ж, такая бутылка стоит того, чтобы ее все видели. Правой рукой поц гладил девку — типичную пепелянку в чем-то прадо-гуччи-подобном, конечно, с сумочкой Vuitton и длинным розовым маникюром. Они обсуждали отдых в Сардинии. (Где еще сейчас оторваться?) Я слышал каждое слово. Обсудив Сардинию, перешли на последнюю коллекцию Гальяно, вспомнили о нашествии наглых русских моделек в нижний бар Plaza Athenee в Париже, сошлись на том, что ресторан Nobu стал хуже, а в Лондоне холодно, и к черту «Челси», и даже Prada вот уже несколько d mod (выходит из моды).

Резво для поца.

Впрочем, что я о нем знаю?

Не слушая тоскующего Пашу (когда мы закончим роман), я порадовался с поцем и пепелянкой за какую-то Аню, которая, оказывается, спит с Николя, и нервно посмеялся над замужеством неизвестной мне Ксюши (козлица винторогая), а Танька, оказывается, вообще шлюха.

Хочешь отомстить за дороговизну авиабилета — плюнь в стюардессу.

Накрашенная девица через два столика перехватила мой взгляд, повела голым нежным плечом, скромно шевельнула губами: «Одна». Я так же скромно шевельнул губами в сторону Паши: «Не один». Пусть думает, что хочет. На секунду я утонул в тоске, в безбытии, в том, что я один. Действительно один. Даже свет по-

тускнел. Кривые лживые морды, будто все разом откусили от зеленого лайма. Каждый в «Кобре» развлекался, как мог. Пепелянка, например, держала диету по Волкову. Она полностью за раздельное питание, прочел я в небогатых мыслях пепелянки, потому ей и принесли массу мисочек и тарелочек. Зато поц у нее был что надо. Такой не станет сидеть на кокосе, и герасим у него небодяженный, хорошего качества, без добавок для веса. И новый корт с хорошим баром, и тренерша-секси, вилорогая дилерша из Латвии. (Тот кислый под аркой уже полгода по вене двигается. У него норма — два грамма день. Я сегодня умру, если не поеду в фитнес. Неужели у нее второй размер? Ты попробуй в моем СПА.)

«Заткнись!»

Мы с Пашей обернулись.

Впрочем, обращались не к нам.

Чел в не читанной им футболке прижал к стойке бара очкастого приятеля.

«Ты что? — отбивался приятель. — Ты жить не хочешь? Или не умеешь? Почему?»

«Да потому, — рычал чел в вызывающей футболке, положив на всех в зале, даже на насторожившуюся у входа охрану, — да потому, что когда в девяносто пятом ты торговал пивом в палатке, я уже врубился в перемещение грузов через российскую таможню. Всосал? Да потому, что, когда ты по пятницам несся с работы на дачу, чтобы бухнуть с батяней на природе и все такое, я жрал MDMA в «Птюче» и перся под Born Slippy Underworld. Всосал? И теперь могу позволить себе, чтобы на заднем сиденье моей машины валялась книга с названием «Тринки». Мы разные, врубаешься? Я не смотрю «Бригаду», как ты, плевал на русский рок, у меня нет компакт-диска Сереги с «Черным бумером». Я читаю Уэльбека, Эллиса, смотрю старое кино с Марлен Дитрих и охреневаю от итальянских дизайнеров. Всосал? И свои первые деньги я потратил не на «бэxu» четырехлетнюю, как у пацанов, а на поездку в Париж. Это у тебя в голове насрано жить, как жили твои родители и родители твоих родителей. Чтобы жена, дети, чтобы все, как у людей. По воскресеньям — в гости, в понедельник с похмелью на работу, по субботам в торговый центр, как в Лувр, всей семьей. Ты «Аншлаг» смотришь, а я другой. (Этот тоже играл под трикстера.) Хочу, чтобы лицом русской моды был Том Форд, а не Зайцев, чтобы наша музыка не с Пугачихой ассоциировалась, а с U-2, чтобы угорали не над Галкиным и Коклюшкиным, а над шутками Монти Пайтона...»

Над нашим столиком навис официант:

— Кто тут, который ничего не помнит?
Паша заржал и указал на меня.
Официант не смутился:
— Вас к телефону.

КОРА

1

Извините, что мой президент идиот.
Усатый ухмыльнулся. Он не смотрел на меня.
Но думал он обо мне. Я поймал обрывки его мятых мыслей.
Кажется, усатый мечтал прокатиться со мной в машине. И даже не просто прокатиться, а прокатиться по какому-то конкретному адресу, мне было лень его выявлять.

Телефон на краю стойки.

По ухмылке бармена я понял, что звонит женщина.

«Уходите оттуда!»

— Что за ерунда? С кем я говорю?

«Не возвращайтесь к столику. Уходите прямо сейчас».

— Вы Лиса? — спросил я, невольно скашивая глаза в сторону усатого.

«Нет, — ответили мне. Я бы сказал, с большим неудовольствием. — Я — Кора».

Поглядывая на усатого, к счастью, он стоял не так уж и близко, я заметил:

— Я вас не знаю.

«Вам и не надо. Сделайте вид, что хотите в туалет, и уходите из зала».

— Я этого не сделаю, — спокойно ответил я. — Обычно я сижу здесь до утра.

Неизвестная Кора застонала от нетерпения. Если она хотела испугать меня, у нее ничего не получилось. Да и не могло получиться. Человек, не знающий прошлого, вполне может позволить себе роскошь не беспокоиться о будущем. Все наши беспокойства — из будущего.

Но отступать Кора не собиралась.

«Положите трубку и сделайте вид, что спускаетесь в туалет. А сами — на выход. Не теряйте времени на вопросы. Я изучила планировку клуба. Если вы пойдете на выход прямо сейчас, никто не обратит внимания. Только не оглядывайтесь и ни с кем не заговаривайте. Выйдете в аллею...»

— А там?

«Я вас встречу».

Я повесил трубку.

Паша, тот еще фикус, прилип к столику.

Впрочем, что ему оставалось делать? Если Ойлэ его отпустила, значит, вернулся из поездки муж. Надо было уберечь Пашу от неприятностей. Улыбнувшись бармену, я достал из кармана мобильник.

Он, правда, был отключен.

Я не помнил, когда отключал его.

Впрочем, на фоне моего глобального беспамятства, это выглядело чем-то ничтожно мелким. Пришлось выслушать короткую нежную мелодию, что-то из «Золушки». Краем глаза я видел, как Паша (вдали, за столиком) послушно полез в карман. Поторопись, блин! Усатый откровенно следил за мной. Прокатиться в машине. Я был для него чем-то вроде жестяной банки с законсервированным лучом Вифлеемской звезды. Доставить по адресу. Такая у него была работа. Кажется, на мне можно заработать, и он не собирался упускать шанс.

«Паша, не дергайся и по сторонам не смотри».

Я видел, как Паша пьяно дернулся и стал озираться.

«Позвони Ойлэ, пусть срочно пришлет за тобой машину».

И отключил мобильник. Не стал смотреть, что он там решит.

Странно все же получалось. Сперва непонятные привидения в квартире капитана милиции Жени Кутасовой, потом неизвестный электрик, Лиса, черная «эмка», сеанс ченнелинга, звонок Кору. Я представления не имел, как все это может соотноситься с потерянной тетрадью, но вот как-то соотносилось.

Ченнелинговый танец. Краткий и мимолетный.

Я спрятал мобильник и неторопливо направился к выходу.

Света за окнами было мало. В нижнем зале, как тайфун, редела дискотека. На улице под колоннами, наверное, совсем темно. Чичичи-тян, ловкая древесная обезьяна, помогает продавцу кирпичей: дергает веревку. Самое время подставить голову под кирпич.

На входе в «Кобру» курили два спортивных типа.

Швейцар Зосимыч что-то рассказывал. Увидев меня, привычно перекрестился.

Не знаю, что за типы. Может, «Молодая гвардия», может, нацболы. Рисковать я не стал, правда, инструкции неизвестной Кору несколько нарушил: вместо того, чтобы двинуть к служеб-

ному входу (поскольку главный был перекрыт типами), спустился в туалет.

Я никуда не торопился.

Да и зачем переть сразу на двоих?

В туалете оказалось прохладно и тихо.

Бамбуковые жалюзи, белые писсуары, кабинки аккуратно прикрыты.

Чел в джинсовом костюме, тоже спортивный, стриженный наголо, только что затянул молнию на ширинке. Блаженное лицо, но внимательные глаза. Не захочешь, а запомнишь.

— Мобила есть?

Никакой угрозы, но я насторожился.

Может, есть, может, нет, мое дело. Тем более, на лестнице появился усатый.

Ну, ладно, не голосовал ты за нашего президента, черт с тобой, подумал я, но зачем ходить за мной? Поведай нам о своих странствиях, Чижик-пыжик-сан: видел ли дальние реки? пил ли горячий сакэ? Расставив ноги, усатый демонстративно утвердился на широких ступеньках, положил мощные руки на металлические перила. Как раз в этот момент мой мобильник подал голос.

— А говоришь, нет!

Чел в джинсовом костюме протянул руку:

— Нехорошо врать. Дай сюда! Это мне звонят.

Я не поверил. Даже оглянулся на усатого. Спросил:

— Ты что, правда, не голосовал за нашего президента?

Он спокойно кивнул. Все, в общем, складывается. Мысль не богатая, но усатый и не считал себя мыслителем. Все складывается, все тип-топ.

Но зря он так думал.

Время текло уже не так, как они привыкли.

В сплошном потоке времени образовались невидимые разрывы, замедления.

Это сбивало моих оппонентов с толку. Усатый поежился, будто сквознячком потянуло. Правда, не из окон. Сквознячком потянуло из будущего, а может, из прошлого, не знаю. Собственно, ничего еще не происходило, но усатый интуитивно чувствовал перемены. Люди — дерьмо, город — дерьмо, погода — дерьмо. Так ему вдруг показалось. До этого он и город, и погоду находил приемлемыми. Сунуть придурка в машину — и срочно заказать водки. Моих желаний он во внимание не принимал.

— Дай мобилу!

Усатый перехватил мой взгляд.

Видимо, он всем тут командовал, хотя не все понимал.

Например, он до сих пор не понимал, кто я такой. Лох, пустышка — так он считал. Придурок, само собой. Ну, попросили его сунуть лоха в машину, он согласился. Почему нет? По виду я — лох самый обычный, правда, без испуга в глазах, пузыри не пускаю. А вообще-то усатый хотел, чтобы я боялся. Он даже показал мне удостоверение. Аккуратная темная книжечка с золотистым государственным гербом. Я ни слова в книжечке не разобрал, нас разделяло почти пять метров. Многовато для прыжка, маловато, чтобы прочесть буквы.

Впрочем, какие прыжки, о чем я? Усатый не в стрелялку пришел играть. Он пришел прервать мою многолетнюю бродилку. При этом он, кажется, представления не имел о том, сколько в компьютерных играх шаблонных, избитых тем. Встречные бои на скоростных истребителях, гонки по пересеченной местности, прекрасные принцессы, мучающиеся бессонницей в сырых, затянутых паутиной подземельях...

Что за черт? Что я такое съел?

В заднем кармане чела, требовавшего у меня мобилу, чувствовался тяжелый холодок. Пользоваться оружием он не собирался, но оружие у него было при себе. Хорошее. Скорострельное. Может, грибы? Да не ел ничего такого. Может, китайские пельмешки?

Я просигналил озаботившемуся челу: грибы, грибы! Знал, что он не услышит мыслей, не те у него способности, но подумал: вдруг все-таки догадается?

— Ты чего так позеленел?

Это с лестницы спросил усатый.

Не ответив, чел в джинсовом костюме кинулся в кабинку.

Он так чудовищно торопился, что сразу (нечаянно, наверное) нажал спуск, вода судорожно заревела. Я усмехнулся, плюнул и неторопливо ступил на лестницу.

Да что такое?

Лох не дергается.

— Ты бы о своих ребятах подумал. Неправильно ребят кормишь.

Мысли усатого беспорядочно метались. Почему лох не дергается?

Усатый слышал стоны из захлопнувшейся кабинки. Что-то вокруг изменилось. Бамбуковые жалюзи будто выцвели. Высветились серые крошки цемента под писсуарами. Усатый ничего не понимал, а я не хотел подсказывать. На улице приятно. Лето теп-

лое. Мы с ним немного поговорили. Его тоже интересовало, что там завтра будет с погодой? Да ничего не будет, оптимистично заметил я. Дождь пойдет, грибы появятся. Не надо про грибы, он прислушался к стонам из кабинки. Это верно, покивал я. Летом свои опасности.

Не то чтобы усатый расстроился.

Хуже. Он ничего не понимал. Ему недодали информации.

Показали лоха в толпе, сказали: совсем тихий лох, надо прокатить его на машине. А про скрытые способности лоха умолчали. Дураки и люди несведущие часто считают, что для успеха в деле достаточно указаний свыше.

2

Дым в зале слегка рассеялся.

Голоса, музыка, веселые смайлики женских лиц.

На входе стояли те же двое. Правда, швейцар куда-то исчез.

Что-то подсказало мне, что отсутствие усатого позволит мне свободно пройти мимо придурков на входе. Они увидят, что я иду один, а должен был появиться с усатым. Это собьет их с толку.

Почему один?

А потому, что один!

Один сразу бросился к туалету, второй улыбнулся.

Без усатого он был никто. Обычный чел в ширпотребовском костюме.

Мне не хотелось пугать его. Я видел его насквозь. Как ни странно, пять лет назад он находился в оцеплении аэропорта, даже помогал оттащить трупы от горящего самолета. Это я прочел в его скучной, неинтересной памяти. В аэропорту не только спасатели работали, там хватало всяких служб. На полосе полыхало — подойти страшно, все равно нашлись смельчаки, пытавшиеся что-то сделать. Этот был среди них. Зачем пугать такого чела?

Где Власов?

Какого черта?

Он так и выискивал взглядом усатого.

В туалете, впрочем, ничего интересного не происходило.

Спустившийся по лестнице рвал на себя дверцу кабинки, чел в испачканном джинсовом костюме упирался. — «Открой, козел! Дверь выбью!» — «Власова зови. Я отпал, видишь! Дай полчаса!» — «Не дам! — бился в дверь спустившийся. — Открой!» А усатый Власов стоял за колонной, все видел, но молчал и от-

страненно курил. Никак не мог решить, задержаться ему с ребятами или идти за упущенным лохом?

«Открой, козел!» — «Власова зови, не открою!»

Так они спорили долго и счастливо.

3

Сквозь деревья нежно просвечивали огни бульвара.

Было тихо, сумеречно. Молчаливо выстроились вдоль аллеи бронзовые изваяния.

Не Пушкины, не Гоголи, не Тургеневы, как мог бы подумать некультурный отсталый человек, а бэтмены, люди-пауки, девочки шестирукие, блин, весь этот ночной дозор, вывалившийся из мастерской местного скульптора. Поговаривали, что натурщицами для всех скульптур (даже для бэтмена) служили местному мастеру дешевые махаончики с Переходов. Не знаю, не могу подтвердить. Но какую-то скульптуру уже пытались украсть. Воров спугнули, остались надрезы на бронзовом запястье, будто статуя пыталась сделать с собой что-то дурное.

В конце аллеи было темно. А где темно, там опасно.

Некая Кора приказала мне уйти из «Кобры». А некий усатый чел мечтал заработать на мне, прокатив по неизвестному маршруту. А еще плелся за мной придурок с удостоверением сотрудника одной из секретных служб. Рыться в его мыслях скучно. Ну, где там они? Чего тянут?

В этот момент я увидел девушку.

Она повернулась, как бы всплыла из тени.

Невысокая. Пятна света на лице. Холодные глаза.

Она не считала нужным скрывать неприязнь. Пусть видит.

Смотрела, изучая. В легком повороте дрогнуло платье — длинное, неопределенного цвета, из какой-то простой ткани. До земли не хватало десяти-пятнадцати сантиметров, зато плечи обнажены, на спине низкий вырез. Я увидел голые лопатки. На них падали смутные пятна света. Еще мгновение, и девушка выбросит крылья, взлетит над темным бульваром. Только тату связывало девушку с действительностью.

Когда ты захочешь.

Неровные строчки стихов уходили под темную ткань.

Есть, наверное, счастливицы, которые дочитали стихотворение до конца.

Девушка холодно улыбнулась. Смуглая спина, чуть отставленная рука. Будто хотела поманить, но раздумала. Бедра стянуты

платьем: плавные линии, удивительные скругления, свой ритм. Алгебра тела, ожившая геометрия. Такие, как она, просто пьют чай, а люди уже благодарят их. Капитан милиции Женя Кутасова потерялась бы рядом с Корой. Да и Кора, пожалуй, не стала бы рыться в рецептах тортиков.

Какие-то фигуры выступили из-за деревьев.

А из-за угла, фыркая, выкатился автомобиль.

Черная доисторическая «эмка». Я невольно понизил голос:

— Вы Кора?

Она кивнула.

— Вы знаете меня?

Она помедлила, но кивнула.

— И знаете мое настоящее имя?

Двигатель «эмки» работал с перебоями.

Кора холодно рассматривала меня. Я чувствовал ее неприязнь.

Когда ты захочешь. О чем это? Может, это и не стихи, совсем не стихи?

Ну да, усмехнулся я. Это сообщение. Удивительные интеллектуальные существа запредельного мира послали мне сообщение. Воспользовались телом красивой молодой женщины, потому и смотрит на меня так отчужденно.

Когда ты захочешь. Не слишком ли мелко для удивительных интеллектуальных существ запредельного мира?

Отведя взгляд, я с беспощадной ясностью увидел будущее секретного сотрудника, так и не отставшего от меня. Он тоже смотрел на Кору. И по тому, как смотрел, как выпячивал мускулистый накачанный живот, было видно, что он должен жить долго. Природа создала его для длительного существования. Тем более что общество нынче не отягощает сознание таких типов излишними знаниями. Кто открыл Америку? Голову ломать не надо. Просто поставь крестик над правильным ответом: а) Микки-Маус, б) Рэмбо, в) Колумб.

Я ждал, когда Кора заговорит.

Но она молчала. Как бронзовая статуя.

И секретный сотрудник молчал. Задумчиво молчал.

Не так уж легко дастся ему долголетие, понял я. Он, конечно, будет стараться, он так запрограммирован, но ему будет нелегко. Спасет бездумность, врожденная способность выполнять чужие приказы. Что ему чувства Кору? Она прикажет, он сделает. Главное — это то, что происходит сегодня. Наша тоска по прошлому пуста, наши мечты о будущем бесплодны, поэтому он так крепко цепляется за настоящее.

— Видите машину?

Я усмехнулся: вижу.

«Попросите человека, который утверждает, что он программист, показать свой пистолет. Если он покажет вам что-либо, отличающееся от РС, можете дать ему пощечину и прогнать вон». Я отчетливо вспомнил мятую газетенку, доверху набитую такими шуточками. И отчетливо увидел тонкую руку Кору, указавшую на доисторическую машину. От типа, умудрившегося не упустить меня, безнадежно несло потом и скучным будущим. Запущенная дача. Морковные грядки. Плетеное кресло-качалка. Бессмысленный седой старичок, левая рука сухая...

Меня схватили за плечи.

Я рванулся, но держали крепко.

— Кора, вы, правда, знаете меня?

Кора не ответила. Не захотела ответить.

Пока меня тащили к машине, я всяко пытался войти в ее память, в ее смутное, дымное, активно сопротивляющееся мне сознание. Сволочь. Не хочет. Я почти вошел, но меня ударили под дых, я согнулся. Железная дверца автомобиля распахнулась как-то непривычно — против хода, но кинули меня на заднее сиденье вполне общепринятым способом — рукой за волосы, лицом вниз.

СИСАДМИН ПО ВЫЗОВУ

1

Комната — длинная, как пенал.

Письменный стол, покрытый сукном.

В двух местах зеленое выцветшее сукно продрано.

На полу газеты. Просто брошены. Массивный табурет привинчен к полу, стоит странно — на каком-то неестественном, но явно хорошо рассчитанном расстоянии от стола. У окна плетеный легкий стул, у стены диван — клеенчатый, допотопный. Прямая деревянная спинка, мутное зеркало на уровне глаз. От плинтуса до потолка — узкая прихотливая трещина.

Ах, Рио-Рита...

Аргентины далекой привет...

Все на месте, и все же чего-то в комнате не хватало.

Не порядка, нет. И не вещей. Скорее, всей этой необязательной хрени, всякой мелкой чепухи, «вторых» девайсов. Неужели целая команда, подумал я, охотилась за мной и приволокла меня

сюда только для того, чтобы вернуть никому не нужную тетрадь или назвать мне давно забытое всеми имя?

«Надо знать корни (милые и тупые), помнить начало собственной жизни».

К сожалению, никаких начал я не помнил. Потому и подошел к большому пыльному окну. Осторожно коснулся мутного стекла, побренчал металлической задвижкой, намертво вмазанной в высохшую краску. За стеклом виднелась улица, обсаженная лохматыми тополями, глинистая, умеренно разъезженная грузовиками и телегами. Никаких признаков асфальта — цивилизация до этих уголков еще не добралась. Правда, издали, перебивая музыку, доносился паровозный гудок.

Паровоз, паровоз, ты куда меня завез?

Там и тут клубился пар. Все смазывалось, будто смотришь сквозь слезы.

По голове меня вроде не били, но сквозь печальную картину провинциальной улицы вдруг смутно проступала сиреневая соляная пустыня. Карлик слезливо жаловался: «Я болен». Поскуливала облезлая собака, путалась под ногами лошадей. «Рио-Рита», кажется, не фокстрот, вспомнил я. Николай Михайлович хранил старые винилы. От него я слышал: пасадобль, хотя сам Последний атлант большой разницы между пасадоблем и фокстротом не видел. На его взгляд, мелодия «Рио-Риты» прекрасно подходила для любого двухдольного ритма.

Неважно.

Шли сквозь сумеречность лошади.

Караван растянулся чуть не на километр, время раздваивалось.

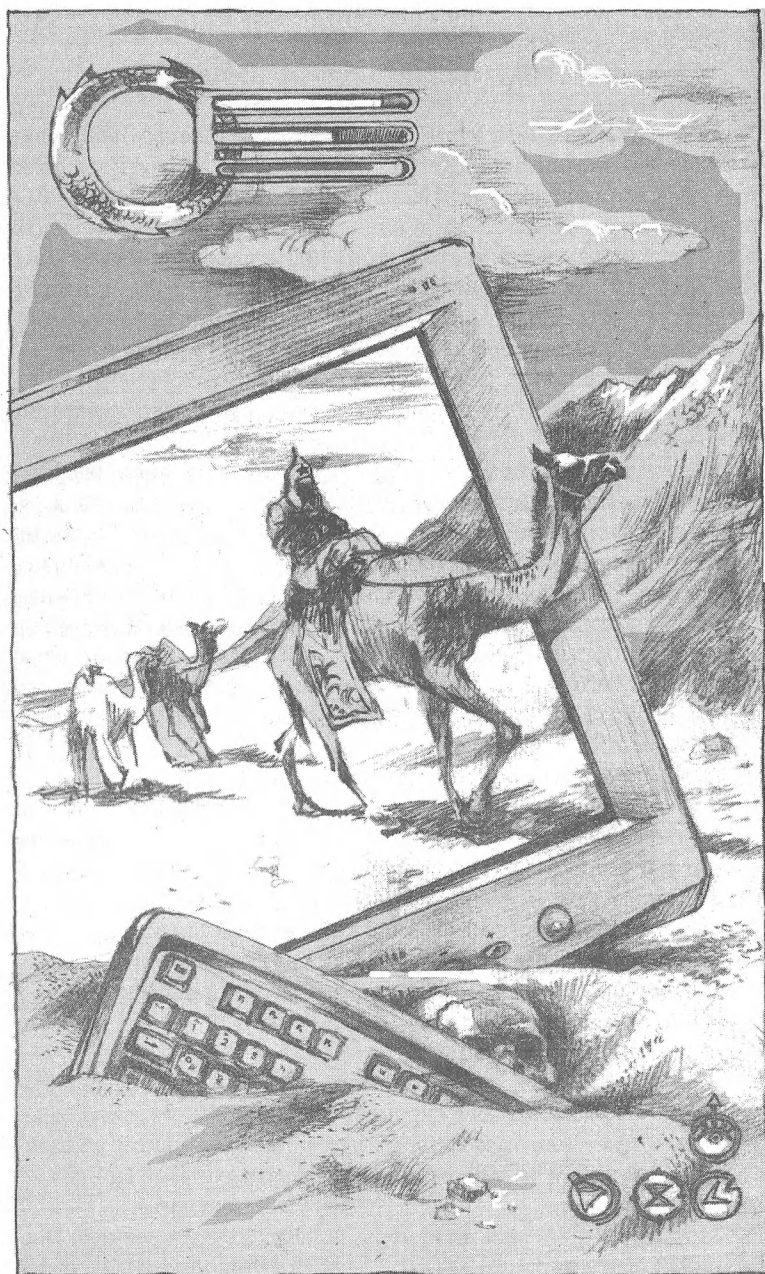
Тибетец Нага Навен, монголы, красноармейцы, тут же колея глинистой улицы. — «Хана зам? Где дорога? Ото бит ултан явхуу? Сколько нам еще ехать?» — «Навш митын. Хрен его знает». — Подъехал красноармеец в буденовке, в потной гимнастерке. На плохом монгольском выругался: «Сайхан зам!». Монголы покивали согласно: «Урт зам. Зов зам». Хвалили дорогу, какая она в пустыне длинная и правильная.

Испепеляющая жара.

Рябой подрагивающий воздух.

Вдруг из раскаленного сиреневого неба полетели невесомые пушинки. Снег или пух тополей над провинциальной улицей? Глаза слезились. «Онцын юм гуй», — покачал головой монгол. — «Ничего особенного», — подтвердил другой несмело.

Хорошая деталь для моей игры, машинально отметил я. Последний атлант хорошо платит за неожиданности. Невесомый

снег в раскаленной солончаковой пустыне — это смотрится. Это привлекает внимание.

Закончу игру, уеду в Сикким.

Там пальмы доходят почти до снеговой линии.

Загляну в монастырь Энчай. Или нет, отправлюсь в Румтек, в тихую деревушку Мартам. В шестом веке там жил святой Карма-па Ринпоче, а в девятнадцатом наезжал раджа, отдавший страну под протекторат англичан всего лишь за пожизненную пенсию.

Неважно.

Нет плохих вестей из Сиккима.

Птицы над барханами. Много, как саранчи.

Крики птиц, мелодия «Рио-Риты» — вот интонация саунд-трека.

Последний атлант обещал мне обеспеченную старость. Смешно. Зачем обеспеченная старость человеку, у которого не было детства, который не помнит собственной юности? Старики обязаны вспоминать, говорить о прошлом, сравнивать.

Ах, Рио-Рита...

Дверь заперта. Рама заклинена.

На зеленом сукне стола лежала тетрадь.

Кора не обманула. С обложки счастливо улыбались гиббоны: самец и самка.

Тридцать восемь (38) трупов нами приняты и преданы кремации.

Комендант НКВД Гулий, пом. нач. отд-ния первого отдела ГУТБ (подпись неразборчива). 22.VIII. — 39 г.

Портретик, вырезанный из старого «Огонька». Подпись: «Железный нарком Ежов Николай Иванович». И тут же: Туристы извне. Богатые инопланетяне. Я помнил каждую деталь жизни с того мгновения, как очнулся в Ожоговом центре, но из увиденного в тетради — ничего. Даже саму тетрадь не помнил. Сказали: тетрадь твоя, вот и считаю — моя. Извлекли тетрадь из кармана моей обгоревшей куртки, какой спор? — она моя, конечно. А может, на самом деле я турист извне, богатый инопланетянин? Не вижу ничего, что опровергло бы подобное предположение. Оплатил круиз по Галактике, теперь таскаюсь по незнакомым планетам. Почему нет?

Глупо, но для будущего сценария годится.

Скажем, приключения космического туриста.

Такая вот веселая агрессивная бродилка. Вселиться в тело Чингиз-хана и бросить немытые орды другим путем, скажем,

переправить тучи воинов на плотах в Австралию. Блин, как изумятся британские каторжане, услышав в Новой Каледонии монгольскую речь. Согласно преданию, род Чингиз-хана восходит к женщине по имени Алан-Гоа, сумевшей забеременеть от луча света. История полна извращенцев. «Сайн байна, — скажет Чингиз. — Здравствуйте». — «Чиный нэр хэн бэ? — удивятся каторжане. — Как тебя зовут, чел?» — «Чингиз-хан меня зовут. С детства так зовут. Чингиз-хан я». — «Битантэй уулзсандаа их баяртэй байна, — толмач в Новой Каледонии непременно найдется. — Сайн явж ирэв. Доехали хорошо?» — «Штормило, — сердито ответит Чингиз-хан, прикидывая, что ему делать с такими непонятливыми, отсталыми челами. — Ажил хэрэг сайн уу? Как ваши дела?» — «Онцын юм гуй, — ответит толмач. — Ничего особенного». — «Уй-уй-уй, — совсем рассердится Чингиз-хан. — Как так, ничего особенного? Та миний хэлснийг ойлгож байна уу?» И прикажет: «Сделайте им особенное!»

Я глянул в мутное зеркало.

Серые, чуть подпухшие глаза, в них ни тревоги, ни особой печали.

Да и с чего печаль? Мне везет. Однажды я уже выжил. Однажды я куда-то не долетел. Наверное, опять выживу. Или не долечу. Ах, Рио-Рита! Богатым инопланетянам наплевать, что я чувствую. Туристам извне тоже. Но кому я несу сообщение? Доктор Григорий Лейбович и его учитель Крайон, который не был человеком, утверждают, что мы только инструменты. Тогда — кому, кому?

2

Дверь открылась.

Кора и ее спутник выглядели неправильно.

Не следовало надевать такую красную блузу и такую синюю юбку. В этом было что-то плакатное, как и в красном платке, туго охватившем убранные под него волосы. А у мужчины (ростом он был ниже Кору) бросались в глаза монгольские скулы, темные волосы, выцветшая гимнастерка без знаков различия, застиранные галифе, начищенные сапоги.

Айболит локалки.

Сисадмин по вызову.

Я не хотел смотреть на Кору, но смотрел.

Не хотел заглядывать в ее мысли, но не мог.

Она явно еще не отошла ото сна. Под глазами лежали темные тени. У многих есть тайные, не выдаваемые другим страшилки. У Кору такой было расслаивающееся время. Зияющая черная дыра. Крутящееся, засасывающее пространство. Некий безмолвный космический водоворот.

— Сядьте.

— Не хочу. Надоело.

— Да вы еще и не сидели!

Спутник Кору ловко ткнул меня кулаком в грудь.

Я не удержался и сел. Клеенчатый диван холодил руки, на которые я невольно оперся. Нырни в реку, собери десять палочек Коха и получи кружку Эсмарха. Потом посчитай до десяти. В этом офисе работали свои законы.

— Имя!

— Мое?

— Разумеется.

— Сергей Александрович.

Он предупредил мой вопрос:

— Я — сотрудник наркомата внутренних дел сержант Дронов.

И цепко оглядел меня. Что-то ему не нравилось. Он морщился.

— Мы никак не ограничиваем вас в личном общении, — сказал он несколько загадочно, — но постарайтесь свести общение к минимуму.

И уперся в меня взглядом:

— Национальность?

Теперь ухмыльнулся я. Не потому, что подтверждал не высказанные им вслух сомнения, а потому, что действительно не знал своей национальности. Может, татарин, может, еврей. Какая разница?

— Сергей Александрович — ваше настоящее имя?

— Представления не имею.

— Место рождения?

— По бумагам?

— По существу.

— Тогда тоже не знаю.

Что ж, они не собирались рыться в придуманной биографии. Айболит локалки вообще не скрывал, что его интересует не какой-то там мифический Сергей Александрович, родившийся якобы тогда-то и там-то; его, сержанта Дронова, сотрудника наркомата внутренних дел, серьезного человека (так он о себе думал), интересовал вполне реальный человек, укрывшийся за

придуманную (так он считал) потерю памяти. Правда, задавая вопросы мне, он посматривал на Кору.

И мысли его были слюнявыми.

Он думал о Коре, как о своем будущем.

Это сбивало меня с толку. Они пришли вместе, значит, были заодно, но единства я не чувствовал. Потому и рылся в их сознании. Нагло рылся, не скрываясь. Пытался понять, почему сержант пускает слюни, а Кора смотрит на меня с презрением, даже с гадливостью, будто поймала за непристойным занятием. Оставить наедине с сержантом. Нет, Кора этого не хотела. Лечить потом окажется себе дороже. Я ее не понимал, наши с ней времена катастрофически не совпадали. Пули сплющены. Не знаю, о каких пулях она думала. В голове любого человека всегда много неясностей. В сознании самого неиспорченного, самого чистого человека всегда прячутся тусклые зеркала, ползет дымка отработанных желаний, непонимания, зависти. Зайти на рынок. Что она покупает на рынке? Овощи. Ну да, конечно. Она собиралась зайти на рынок. Кому-то она готовила обеды? Кто-то бессонными ночами читал стихи на ее чудесной спине под лопатками-крыльями? Когда ты захочешь. Я привык валяться в постели с плохими девчонками из «Кобры», ни у одной не видел таких тату. Всякие были, но таких не было. Как сказала бы капитан милиции Женя Кутасова, плохие девчонки произошли не от тех рыб.

— Род занятий?

Он так и спросил.

— Сценарист компьютерных игр.

Сержант незаметно глянул на Кору. Она кивнула.

— Над каким сценарием работаете?

— Хотите, чтобы рассказал подробно?

— Для начала хватит названия.

— «Нет плохих вестей из Сиккима».

— Это о чем? — не понял он. — Кто запомнит такое?

— А зачем запоминать? — успокоил я Айболита локалки.

— Геймеры любят ясность и простоту. Они сами додумывают то, до чего мы не доходим. Волчье логово, например, — я произнес это по-немецки: Wolfenstein. — Как бы ты ни старался, название игры все равно упростят.

— Как?

— Ну, Вольф, может быть.

— А как упростят ваше название?

— Откуда мне знать? Может, Сикким.

— Кто знает такое слово? — поморщился сержант.

— А зачем знать? — повторил я. — Главное, чтобы запомнилось.

— Это стратегическая игра?

Сержант Дронов незаметно глянул на Кору.

Она так же незаметно ему кивнула. Как ни учи, он понимает только активные методы. Вероятно, Айболит локалки не сильно разбирался в компьютерных играх или вообще в них не разбирался.

— Какую музыку вы слушаете?

— Разве я слушаю музыку?

— Вы были женаты? Вам снятся женщины? Вы бывали в Сиккиме?

Был ли я женат? Откуда мне знать? Когда Последний атлант жаловался на своих бывших жен, во мне это не вызывало никаких ассоциаций. Слушаю ли я музыку? Крайне редко. Иногда Брамса, да и то не слишком долго. Может, слушал в самолете? Не знаю. Кто это подтвердит? А женщины? Снятся ли? Даже когда я ссорился с капитаном милиции Женей Кутасовой и уходил спать домой, никаких снов. А в Сикким я только мечтаю поехать.

— Где вы откопали такое название?

Кора нахмурилась. Похоже, ей не нравилась работа сержанта.

Скотина. Он снова все путает. Так она думала. Впрочем, врубиться в такую тему, как компьютерные игры, с первого захода сложно. Я видел сержанта насквозь. Он губу раскатал на мои ответы. Надеялся, что я случайно проговорюсь. Меньше всего он допускал, что писание сценариев — мой заработок. Был уверен: вру. Человек не может не помнить всего. Как это, забыть сразу все? Получается, что вся жизнь — коту под хвост? Это пахнет заговором. Я чувствовал пронзительный холодок, которым пронизывало маленькое сильное сердце сержанта. Даже Николай Иванович завис. Надо прибавиться к правильному берегу. Сержант, как школьник, пускал слюну, потому что он и Кору надеялся вытащить на правильный берег. Выбраться самому, прежде всего самому, а потом бросить веревку Коре. Эта мысль придавала сержанту бодрости. Он в каждом произнесенном мною слове искал нечто особенное. До него просто не могло дойти, что если я не занимаюсь рэпэгшками, то вовсе не потому, что презираю тяжелых геймеров. Собирать броню и вспомогательную технику тоже не просто. И гонять машины по сложным трассам — тоже не обойдешься одним спинным мозгом.

— Та миний хэлснийг ойлгож байна уу.

— Это еще что? Прекратите!

— Почему? — удивился я.

— Говорите по-русски!

— Что толку? Все равно вы меня не понимаете.

— Я пойму, — сказал сержант, сжав губы. — Отвечайте кратко и по существу.

Я видел, я слышал недоумение сержанта. Я видел, я слышал, как металось в его напряженном сознании трудное, непонятное слово хакер. Он явно хотел блеснуть передо мной своими знаниями, но не знал, на какой слог в этом слове должно падать ударение.

— Упирайте на первый слог, не ошибетесь.

Сержант побагровел. Я подсказал ему то, о чем он только подумал.

— Впрочем, — попытался я замять свой невольный прокол, — дело не в удареении. Дело в самих хакерах. Вы ведь знаете, одни пишут вирусы с помощью чужих идей, другие ломают все подряд, третьи взламывают только самое сложное, самое защищенное программное обеспечение.

В голове Айболита стоял гул от непонимания.

— Расскажите про игру.

— Подробно?

— Как сможете.

— Ладно, — начал я.

Мне было все равно.

Я смотрел только на Кору.

Она будто сошла с картин Петрова-Водкина.

— Начнем с антуража. Верблюды, яки, лошади, птицы, много птиц. Оружие — карабины, пара наганов, ножи, много оружия. Каменистая пустыня, мелкие пески, голые сиреневые солончаки, вдали — снежные горы. Пейзаж на мониторе должен выглядеть загадочно, иначе игру не купят. Впрочем, дизайнеры — (сержант дернулся) — у нас превосходные, с этим проблем нет. Русский профессор, десяток красноармейцев, проводники-монголы, старый тибетец, приблудившийся к отряду карлик, он даже по национальности карлик, — уточнил я специально для дернувшегося сержанта. — Отряд идет в Шамбалу. Там покоятся пророчества о будущем. Там умеют управлять внутренними силами и вплетать их в космические потоки. Или не отряд. Караван. Так, наверное, точнее. — В голове сержанта кричали гуси. — Побывать в счастливой стране всем хочется, правда?

Я думал, что Айболит локалки на этом сломается, но держался. Даже взял со стола тетрадь.

— Ваша? Узнаете?

— Рад, что она нашлась.

— Почему вы сделали героем игры известного русского профессора?

— Геймерам это все равно.

— Но вы взяли известного спеца!

Профессор Одинец-Левкин! Сержант мучительно искал нужный подход. Он чувствовал свою уязвимость. Каким-то седьмым, десятым, двадцатым чувством угадывал близкие потрясения. Правильный берег всегда там, куда стремятся многие. Гегемон правит. Главное, прибиться к правильному берегу. В голове сержанта Дронова все смешалось. Гегемон — руководитель гегемонии. Как подобает правильному гегемону, он варился в одном со всеми котле. Гегемония — преобладание, руководство. Теперь я видел, что этот сисадмин по вызову боится Коры. Он мечтал вытащить ее на правильный берег, довести до какого-то известному только ему пункта, не обязательно географического, но при этом боялся Коры. До упоминания.

Зато ты, слышал я мысли Коры, всегда будешь один.

Это она думала обо мне. Без всякой жалости и снисхождения.

Мы страдаем, думала она. Нам плохо, но мы вместе. А ты всегда один, тебе всегда плохо. Ты валяешься на диване и не видишь, как мир рушится, слизняк, сволочь! Кора знала много разных ругательств. Ты всегда будешь один! — безмолвно орала она на меня. Тебя не существует! Ты — мразь, подонок, жалкая тень. Ты — всего лишь иллюзия, отражение в мутном зеркале. Она прожигала меня своей непонятной ненавистью, а Айболит локалки вглядывался в меня, счастливо разинув щербатый флопик.

— Зачем ты едешь в аэропорт?

Сержант знал обо мне много хорошего.

— Там неплохой бар, а у меня есть машина.

— В городе есть бары получше, — он произнес это не совсем уверенно.

— Конечно. Но в аэропорту толкнутся люди из разных городов. Быть может, однажды меня узнают.

— Узнают? Кто?

— Представления не имею.

Ах, Рио-Рита! Пожалуй, стоит построить саунд-трек на этом пасадобле. Или на фокстроте, мне без разницы. Рвет сердце не слабей ледяного ветра.

— Как звали профессора Одинца-Левкина?

— Дмитрий Иванович.

— Ты знал его?

Похоже, мы подружились с Айболитом локалки. По крайней мере, он перешел на ты.

Я покачал головой:

— Как я мог его знать?

— А что этому мешало?

— Ну, хотя бы то, что он родился в одна тысяча восемьсот восемьдесят первом году.

— А ты?

— Не знаю.

— Так не бывает, — сказал Айболит.

Я пожал плечами. Может быть. И сам спросил:

— Что, собственно, вас интересует?

— Всё! — быстро сказал сержант. Наверное, ему показалось, что я готов сдаться.

— Как это понять — всё?

— Абсолютно всё, — заторопился он, боясь упустить момент. — Привычки. Странности. Слабости.

— Я не так много знаю.

— Вот для начала и расскажите.

— Странности? — попытался я припомнить. — Ну, скажем, профессор Одинец-Левкин никому не подавал руки. Это странность? Вы знали об этом? — Сержант явно не знал. — Дмитрий Иванович находил рукопожатие исключительно негигиеничной привычкой. Многие вспоминали об этом. Летом и зимой ходил в одном и том же плаще, только зимой поддевал теплый свитер. Хорошо знал музыку. Владел тремя языками. Переписывался с Рерихом. — Невыразительные глаза сержанта заметались. Рерих. Кто это? Он даже не стал оглядываться на Кору, понимал, что сейчас она не подскажет. — Еще Дмитрий Иванович считал, что все в мире подчинено единому ритму. Это странность? Движение светил, смена дня и ночи, кровообращение человека и животных, орбиты электронов, течения рек, северные сияния — профессор Одинец-Левкин все объединял в единую систему. Он не принимал ничего, выбивающегося из его представлений. Например, не терпел обоев с рисунками. Если других не было, наклеивал такие

обои рисунком к стене, а наружную сторону покрывал краской золотисто-оранжевого цвета. В тридцатые годы добился организации экспедиции в Шамбалу, но с полпути вернулся в Советскую Россию.

— Почему?

— Не хватило средств.

— Что случилось с профессором при возвращении?

— Как это что? — засмеялся я и посмотрел на Кору. — Его арестовали.

— Как такое могло произойти?

— Вы помните анекдот про ангела-хранителя?

— Анекдот? Церковный? — сержант подозрительно уставился на меня.

— Не совсем церковный. «Что ты все суетишься, — укорил ангел-хранитель своего хозяина. — Бери пример с доцента Хрипунова». — «Но доцент Хрипунов в тюрьме!» — «Ну и что? Его уже дважды отпускали за примерное поведение».

— Не понимаю.

Айболит локалки покосился на Кору.

У него бак потек. Гуси в голове кричали громче.

— Есть два вида полковников, — раскрыл он мою тетрадь. — Одних зовут товарищ полковник, других — эй, полковник! — Ему хотелось запутать меня. — Из какой книги выписана такая сложная фраза?

— А она сложная?

— Вы этого не находите?

— Меня она в тупик не ставит.

Сержант покачал головой. Он уже не надеялся на помощь Кору.

Подставила. Так он думал. Подставила, сучка. И, открыв тетрадь на нужном месте, осторожно провел пальцем по неровным язычкам отрыва.

— Хотите поторговаться?

Это прозвучало неожиданно. Я удивился:

— А какой товар на кону?

— Да все тот же.

— Уточните.

— Ваша тетрадь. Ваше настоящее имя.

— А что в обмен?

— Ответ на вопрос.

— Всего-то? — еще больше удивился я. — Ну, так задайте вопрос. Что вы тянете?

— А вы готовы ответить?

— Не знаю.

— Вот видите.

— И все же лучше спросить.

Он ухмыльнулся. Он считал, что я ничего не могу знать о вопросе, который крутился в его голове. Принципиально не могу знать. Но я знал. Знал уже десять минут, не меньше. Ничего не было в этом вопросе странного. Для сержанта, понятно. Все, о чем он спрашивал, было лишь подступами к этому вопросу. Где нам искать профессора Оди́нца-Левкина?

(Окончание в следующем номере)

По-волчьи

Рассказ

На самом деле, если бы я тогда не поступил, как поступил, то ничего бы и не заметил. И был бы наверно до сих пор в полной уверенности, что мир если и меняется, то к лучшему. А мир — он вообще-то меняется по-всякому.

Для меня эта история началась тогда, в тот жаркий летний вечер. Я, ничего не подозревая, зашёл в квартиру и сразу насторожился. Ничего особенного, в сущности, не происходило. Просто обычно, когда я захожу в квартиру, мне под ноги бросается Найда, и мы сразу же идём с ней гулять. А из комнаты дочери обычно доносится смех её и её подружек. Если же Найда под ноги не бросается, то значит, как раз в этот момент дочка её выгуливает. В квартире в таких случаях тихо, как в склепе, только из-за стены иногда доносится невнятный бубнёж соседского телевизора.

А тут захожу, ни смеха, ни собаки, а свет у Полины горит. Я снял ботинки потихонечку и, осторожно подойдя к её двери, резко открыл. Они были там. Полина и две её подружки. Собака находилась под столом и на моё появление лишь вяло махнула хвостом. На столе лежало нечто такое, что они внимательно рассматривали. На меня только подняли глаза. Танька, лучшая подруга Полины, даже не поздоровалась. Обычно на моё: «Привет, девчонки!» незамедлительно следовал какой-нибудь ответ. А тут, как будто и нет меня. Да что происходит-то?

На столе лежал рюкзак. Обычный такой, какие они все носят. Знаете, с отстёгивающимися ляжками. Лямок две, а креплений для них много, можно вешать на спину двумя сторонами. Ну или тремя — зависит от формы и размеров. Можно замком внутрь, можно наружу.

В данном случае рюкзак был простеньким, на две стороны. Как только взял его в руки, сразу стало понятно, что кожа натуральная. Впрочем, дело было не в материале. С одной стороны, там, где замок на липучках, нашиты две ладони, прикольно, типа руки держат содержимое. А с другой стороны, внешней, — лицо. Точнее — маска: глаза были нарочито толстыми нитками зашиты, так же, как и рот. В нос вделана твёрдая вставка из белого металла. Над глазами даже были брови! И вот когда по ним провёл пальцем, то понял. И чтобы уж и не сомневался, Танька у меня за спиной сказала:

— На внешней стороне правой руки номер. Это настоящее. Эксклюзив. Верке папа из командировки в Китай привёз. Эту сумку сделали из кожи китайского заключённого.

Я развернулся к ним, держа рюкзак в руках. Верка — это значит третья из них, никогда её не видел раньше. Да вроде нормальное лицо, никаких признаков садизма и дебилизма. Я хотел её спросить, будет ли она это носить, но как только открыл рот, из него вывалилось:

— Какая мерзость!

Да уж! Не дипломат я!

Они не огорчились и не обиделись, все три внимательно на меня смотрели, ни слова не говоря. Взгляд у них был такой... оценивающий... Не люблю я такие взгляды. Во время сессии ко мне иногда приходят на пересдачу студентки. Так вот если у них зарождается мысль о том, что раз у меня ещё стоит, так надо этим воспользоваться в своих интересах, тогда у них такой взгляд. А сейчас просто оценивалась моя реакция. Чего ещё скажешь, старый пень?

В конце концов, они не выдержали паузы.

— Пойдёмте чай пить, — сказала Полина. И мы пошли пить чай на кухню.

Мы там трепались об институте, они мне рассказывали про интересных им парней, я — про новые разработки в области металлических сплавов. Потом рассказывал про всякие там поездки за границу, а новая подружка Полины пыталась узнать у меня, почему я сейчас не женат и есть ли у меня женщина. Когда меня вконец засмущали, Полине это развлечение надоело, и она

вытурила своих подруг, сославшись на то, что мне завтра рано вставать. Трогательная забота. Когда они уходили, я увидел, как Вера преспокойно надевает рюкзак на спину. Тот самый, из кожи. Вот тогда я понял, что мир вокруг меня изменился. Понял, но не осознал!

1 Напротив нашего дома, 47 этажного красавца, стоит рас-селенный девятиэтажный дом. Снести его собирались ещё год назад, а пока только расселили. Свято место пусто не бывает. В нашем элитном районе появились бомжи. Периодически их зачищают, то милиция приедет, то местные ЧОПы, которые дома охраняют, развлекутся. Из-за такого к ним отношения у бомжей, конечно, текучка на этом хлебном месте. Но один укоренился крепко. Как-то так получилось, что его ни разу не вывозили отсюда, а если и вывозили, так он возвращался. К нему уже и отношение сложилось — как к местной дворняге. Подкармливали его, после зачисток, коли под горячую руку кому попался, так сердобольные женщины лекарства всякие ему давали. Одежда у него всегда была по сезону, уж не знаю, где он её хранил. Звали это чудо Васей. Сколько лет Васе, никто не знал. Сам он про это не говорил, но зато очень часто распространялся о том, как семь лет зону топтал. В доказательство всегда тыкал себя пальцем в грудь, туда, где у него была выколота церковь с семью крестами на маковках. Каждый крест — год! Впрочем, он вообще был весь синий от наколок, что можно было наблюдать каждое лето. На веках у него было выколото «дерьмо» и «хорошо». Он вам подмигивал в зависимости от того, что думал о данной ситуации или лично о вас.

Я к Васе относился прохладно, но врагами мы не были. Меня, правда, раздражали его слабые попытки по пьяни заманить нашу Найдю в эти их развалины с целью переделать её на шашлык и употребить. Найда не такая уж дура. У неё в таких случаях тоже появлялись свои интересы к Васе. Она сама кого хочешь употребит. Помесь сенбернара и лайки. Вес 70 кг, рост в холке метр десять, лошадь, а не собака! Васю приходилось отбивать, Найда пьяных очень не любит!

2 Это только кажется, что иметь машину в Москве выгодно и что машина — это круто. Вечером у нас сплошные пробки, несмотря на супер-пупер развязки и четвёртое транспортное кольцо. Верке я так и объяснил, когда она у

меня прямо на лекции об этом спросила. Какая глупость, я им про будущее в транспортных системах, а если точнее — про водопроводные трубы. А она руку поднимает, встаёт и выдаёт:

— Павел Сергеевич, а почему у вас нет машины?

И чего она ко мне привязалась?

В общем, нет у меня машины. Автобус, потом метро, потом пешком. Ну и обратно так же. А вообще иногда и без автобуса. Летом только пешком, из принципа.

Но в этот раз мне не повезло, пошёл дождь, и я, в виду отсутствия зонтика, был буквально загнан потоками воды в очень кстати подошедший к остановке образец городского транспорта. И вот, захожу я, значит, в автобус и тут же упираюсь в ЭТО. Было очень похоже, настолько, что аж вздрогнул. Те же глаза, зашитые нитками, те же вставки в нос. В печати тогда уже всю муссировали увлечение нашей молодёжью изделиями из человеческой кожи. Везлось это всё из Китая, и поделать никто ничего не мог! Уж не знаю, что меня так взбесило, я схватился за ручку сверху и вытащил чёртов рюкзак из автобуса вместе с его владельцем. Испуганные глаза восемнадцатилетнего ребёнка, которыми он смотрел на меня сверху вниз, акселерат фигов, растерянные фразы, которые я не слушал, и, как результат, — мы оба в участке.

3 — Павел Сергеевич?

— Анатолий Васильевич?

Нам обоим было прилично за сорок. Мне и моему следователю. От адвоката я отказался, так как дело не стоило и выеденного яйца. Решили всё полюбовно. Но следователь всё равно решил со мной побеседовать.

— Там меня потерпевший мой ждёт, — попытался я отмазаться.

— Ничего, подождёт. — Ну, правильно, следаку-то торопиться некуда. К моему удивлению, он заварил две чашки чая и выложил на стол конфеты.

— Чай будем пить?

— Ага! — Он как-то так радостно на меня посмотрел. — На самом деле, можно бы было привлечь к этому внимание общественности. Я думаю, целое поколение людей встало бы на вашу сторону.

— Да ну. Мне уже хватит того, что я должен купить ему такой же рюкзак. Кошмар! Он, наверное, стоит чёрт-те сколько.

— Да нет, — Анатолий Васильевич извлёк из под стола разорванные остатки рюкзака, — это ж дерматин, — и он кинул их мне. — 15 юаней на ближайшем рынке. Ну или 30 рублей. Кому что по душе.

Действительно... дерматин.

В чашке у меня из зелёного шарика распустился яркий цветок.

— Любите китайский чай?

— Вообще-то считается что это наш, российский. Он даже, наверное, собран руками русских людей.

— Сомневаюсь. Если бы у нас было столько рук, сколько в Китае, мы бы давно уже распространяли его по всему миру. Земля есть, рук нет. Мы экспортируем руки из Китая. А чай почти совсем русский. — Он повернул мне упаковку боком, чтобы я мог прочесть и сам же озвучил: — Мэйд ин Россия.

— Судя по всему, мы экспортируем не только руки, но и сознание.

— Совершенно верно! Несмотря на то, что Россия очень большая и пространства у нас много, мы экспортируем с руками сознание народа, который живёт в бедной и перенаселённой стране. То, что у них необходимость, у нас как изысканность. В Китае они такие рюкзаки присылают в подарок детям чиновников, которых только что назначили на важный пост. Чтобы те помнили! И они, и их родители помнят: если что, с них спустят шкуру в прямом смысле этого слова! У нас же это стало МОДНО!

— Надо, видимо, воспитывать молодёжь.

— Наше поколение не в состоянии. Помню своего деда. Он работал на заводе и сначала хвалил, а потом, после перестройки, ругал советскую власть. Мой отец только и делал, что старался заработать и разбогатеть. Ему это не удалось, но я помню, какие усилия он прилагал, и как мать моя им гордилась. Он тогда был не один такой, вся страна гонялась за деньгами. Научили людей, вот они и бегали. Наше поколение создавало себя само, потому что было предоставлено само себе. Мы не вбирали опыт прошлых поколений, а всё открывали заново. И теперь мне, например, сложно что-то прогнозировать. Вот вы понимаете своих детей?

4 Вот уж кого я не понимаю, так это свою дочь и новое поколение. Да!

Верка, она же Вера Павловна, которая младше меня на 23 года, которая младше моей дочери, умница и отличница... Так вот, Верка пришла и безо всяких там комплексов, даже не краснея, заявила мне, что я ей нравлюсь.

И когда всё уже случилось и пришла вдруг нехстати Полина, Верка выскочила ей навстречу просто без ничего, и они там мило щебетали о чём-то своём. И как будто ничего не произошло. Я сидел потом с ними на кухне красный, как рак, и думал, что вот сейчас сквозь землю провалюсь. Или инфаркт у меня будет... или что-нибудь другое случится.

Потом Верка ушла домой, а Полина села передо мной и стала разговаривать со мной, как с маленьким. Что-то она мне трещала такое, что, мол, ничего ведь и не произошло такого, и что я произвожу впечатление на многих девушек, умный, красивый, импозантный мужчина. И что вот новое поколение парней абсолютно не умеет ухаживать за девушками, и что когда я дарил цветы нашей лаборантке Ларисе, весь институт просто стонал от зависти.

Она меня не успокоила, я, наоборот, совсем обалдел. У меня на языке вертелись вопросы, которые я с силой записывал обратно в себя. Усилием воли. Потому что это же ну что-то нереальное! Я хотел спросить у неё: что? она тоже готова спать с мужиками, которым под пятьдесят? Она вправду считает, что это нормально? Что? неужели новое поколение менее перспективно, чем старое? Да и вообще — куда катится Россия?

5 Вечером того же дня мне пришлось отбивать Васю. Найда его по запаху учуяла на лестничной клетке (да я, впрочем, тоже) и рванулась под лестницу, как метеор. Ничего. Мы его, конечно, слегка покусали и даже попортили кожаное пальто с чужого плеча, но, в общем, всё обошлось. Найда умудрилась вырвать из него клочок, даже несмотря на то, что была в наморднике. На редкость целеустремлённое создание! С каждым днём она его не любит всё больше, впрочем, как и я.

Затащив упирающегося зверя в дом и несколько упокоившись, взял из шкафа бутылку коньяка, наворотил пару бутербродов и вышел обратно к Васе. Всё ж таки он человек, и, сдаётся мне, не намного меня младше. Моё угощение он принял спокойно и даже, кажется, с удивлением.

— Спасибо от пострадавшего. Вы меня раньше ничем не спонсировали.

— Да ладно уж, ты извини, что так получилось. А чего это ты наверху-то? Обычно ты у себя в развалинах.

— Прячусь. — Васе было трудно говорить с набитым ртом, поэтому остальное было для меня как мычание коровы. Я переспросил.

— От кого?

— Да эти... «Растём вверх» которые. Пытались нас тестировать. Хотели всех вывезти на какие-то работы. Наши все пошли, а я спрятался сразу. Хотя они там и наобещали им много чего.

6 Вернувшись назад, обнаружил на кухне Полину, пьющую кофе и читающую газету. Оценивающе взглянул на её длинные ноги, торчащие из-под халата, и в очередной раз подумал, что, в общем, пора бы ее, наверное, замуж выдавать.

— Слышь, Полин! Нашего Васю сегодня пытались тестировать ваши «Растущие». Прикинь.

— А чего тебя удивляет, пап. Каждому можно найти место, человек без места, он как животное. Каждый должен кем-нибудь быть. Наверняка Вася мог бы где-нибудь картошку сажать или, там, за кроликами ухаживать. Нужны условия. И дети его могли бы то же самое делать!

— Да кто ж от него захочет детей!

— Можно найти подходящих женщин! Вдруг у него неплохой уровень интеллекта или есть какой-нибудь талант. Ты заметил, что он выделяется среди остальных бомжей? Более осторожен, более умен, наверное. Вполне возможно, что «Растущие» могут найти бабу, которая согласится на искусственное оплодотворение.

— Да вы с ума сошли! Искусственно таких ещё размножать!

— Папа! — дочка, наконец-таки решила отложить газету и обратить взор на меня. — Ты историю хорошо знаешь?

— В каком смысле историю?

— Да в прямом! При царе какой процент мужиков был грамотным?

— Ну не знаю...

— А я знаю! Они практически поголовно были неграмотными. Но при этом кормили всю Европу, умели, понимаешь, работать. В семьях было по десять-пятнадцать детей! Матери-одиночки считались завидными жёнами. Не пустые потому

что! Большая часть России состояла из тех, кого ты назвал бы быдлом! Они больные зубы раскалёнными гвоздями себе прижигали! Но при этом Россия была сильна именно своей деревней! Солдат набирали там, самородков, ты вдумайся: слово-то какое! Не воспитали — сам таким родился! Они тоже были оттуда. Ломоносов пришёл с обозом рыбы в город. Только читать да писать умел. Всё! А кем стал! Да от этого Васи, может, гений родится у женщины, которая сама для себя готова родить и не знает от кого. Да ты вспомни! Ты ведь сам для «Растущих» анкету заполнял!

— Так я это так... для примера... Хотел подбодрить вас. К вам когда эти пришли... «Растущие». Я ж вижу, сколько сейчас в городах одиноких людей...

— Одино-о-оких! — передразнила меня Полина. — А сам-то!

— Да мне никто не нужен. — Я с ужасом понял, что краснею.

— Ага! Ты хоть помнишь про тесты на интеллект и коммуникабельность? Они ж не просто так тебя заставляли ответить на вопросы! Между прочим, решающим пунктом для Веры стали результаты твоей анкеты! Она по запросу получила твои результаты пятилетней давности и решила, что грех такого упускать! Скажи спасибо, что тебе уже под пятьдесят! Таких, как я, чуть ли не вербуют, а наши парни уже хвалятся между парами, у кого больше детей на стороне! Сдают сперму, так её даже замораживать не успевают!

Из того, что она сказала, я обратил внимание на «вербуют».

— А вербуют, это как?

Вместо ответа Полина вышла и скоро вернулась из своей комнаты с громадным альбомом, который сунула мне в руки. После этого она как ни в чём не бывало села читать свою дурацкую газету.

7 Громадный том толщиной с мою ногу оказался набором папок. В каждой были фотографии молодых людей, к ним прилагались краткие характеристики, анкеты и DVD-диски. Да не простые! Те, которые на жёлтый луч. Новьё! Вместительность на 300 гига! Что может быть на таких дисках? Наверное, там целые художественные фильмы о соискателях. Не иначе! Впрочем, и анкеты давали некоторое представление! Кто-то подобрал моей дочке настоящих монстров. Там

были и юные миллионеры, и олимпийские чемпионы, и писанные красавцы. То, что у них было особенное, сразу бросалось в глаза. На одной фотографии мышцы выпирали отовсюду. На другой крутая тачка и золото килограммами, на третьей двухметровый парень был абсолютно обнажён, и я сразу посмотрел в его анкету результаты теста на интеллект: выше чем у меня! В четвёртой папке я увидел фотографию чемпиона по шахматам Сергея Токарева. Я уставился на неё и впал в ступор. Насколько я помнил, Токарев был женат и имел двоих детей.

8 Мы с Веркой удобно расположились на кровати. Кровать такая нормальная, два на два. Как начали мы с Веруней спать, так вот и купил себе. Седина в бороду — бес в ребро, ну и кровать на полкомнаты, как же иначе.

Между нами лежал альбом, инфотест, как они это называют. С раскрытой страницы на меня смотрело очень знакомое лицо, моё собственное. Рядом с ним парочка отпечатанных фотомонтажей, на них я был без бороды и лет эдак на 20 старше. Типа вот таким я буду.

Верка, абсолютно неглиже, сидела напротив и толкала речь. Поскольку все соки она из меня уже выжала, то я даже вроде как был способен слушать и врубаться в политику партии. Обычно она как лифчик снимет, так как будто и нет у меня моих пятидесяти.

— На данный момент наше правительство тратит на выселение из России всяких там китайцев и кавказцев до миллиарда долларов в год. При этом китайцы продолжают размножаться, а русские вымирать. Практически нас оттесняют на север, туда, где вот все эти китайцы жить не могут. Чтобы сохранить нашу расу и культуру, нам нужно создать жизнеспособное потомство. Это значит, что нужно культивировать нас самих. Девушки сознательно должны рожать больше, и желательно от таких парней, у которых есть перспектива. От сильных, либо умных, либо с чем-то ещё.

— Чем-то ещё?

— У нас в институте есть парень, он не умеет проигрывать в карты, ему всегда везёт в рулетку. Ну да это неважно. В принципе ситуация такова: девушка должна и сама быть успешной, и иметь успешных детей.

— А как же любовь? А если мне, к примеру, нравится дура?

— Я дура? — Она даже губки поджала.

— Да нет! Просто знаешь ведь, любовь зла...

— Ну уж нет! Любовь любовью, а дети должны быть успешными! А для этого нужно, чтобы хотя бы один ребёнок в семье точно был от нормального производителя, и не обязательно от мужа!

— И вы, типа, скрываете от своих парней от кого дети?

— Да нет же! Никто ни от кого ничего не скрывает. Люди стараются найти себе подходящую пару, стараются найти того, кто точно даст хороший результат. С родословной. Если не выходит, то можно воспитать самой. Институт брака у нас сам знаешь какой. Сегодня поженились, завтра развелись, внеплановых детей нынче не бывает, все по плану, и если человек успешен и люди друг друга любят, то, значит, все срастётся, чужой ребёнок будет воспитываться, как свой.

— А почему «Растём вверх»?

— Народ наш должен быть выше всех остальных. Ну, как дерево в лесу, крона должна заслонять свет.

— То есть программа-минимум — это новое суперпоколение. А максимум? Распространение по всему миру?

— Да ну на фиг! У нас же своей неосвоенной территории полно! Программа-максимум — чтобы всю работу выполняло коренное население!

— Зачем? А если никто не захочет работать дворником?

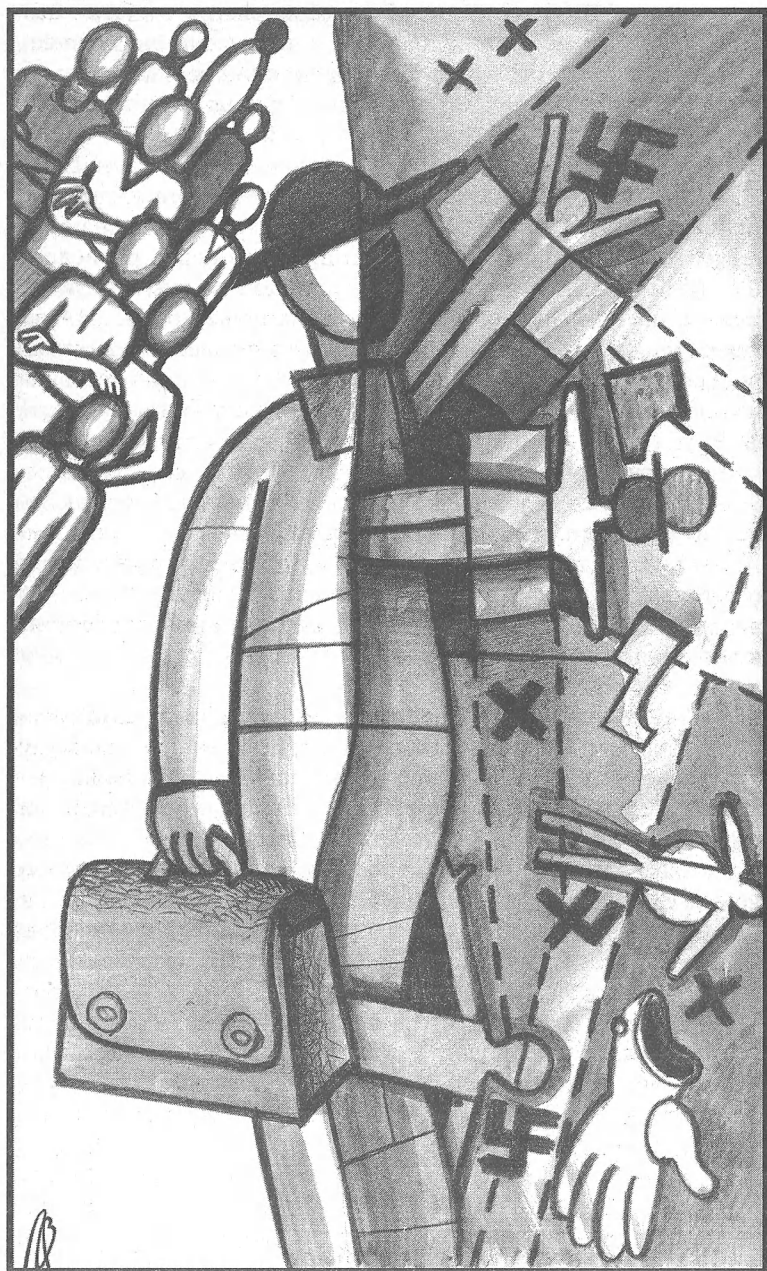
— А затем! Ты разве не заметил? Всю чёрную работу у нас уже лет двадцать выполняют китайцы. Это легальные китайцы, они даже говорят по-русски, и довольно чисто. Но их уже столько, что на рынках юани ходят наряду с рублём. Через пятьдесят лет они дадут новое поколение, среди которого найдётся несколько успешных особей. А успешные потянут за собой всех остальных, неуспешных. Ведь и сейчас полно в Москве хорошо оплачиваемой работы, на которую можно посадить и дурака!

— И как вы это собираетесь сделать?

— Будем лечить, воспитывать и создавать рабочие места. Реализовывать будем всех. Бомжей, эков, иммигрантов из соседних республик.

— А бомжей-то куда?

— Если того же Васю закодировать, то из него получится неплохой сторож. Его можно без проблем устроить в какой-нибудь колхоз. Ну или дворником. Да и к тому же результаты теста у него могут оказаться удивительными.

— Но тогда в деревне у нас будут размножаться дебилы, пьяницы и прочее.

— А почему бы и нет. Пусть будет так. А что? Дать им землю, дать дома и скarb, дать им это всё бесплатно, чтобы они не оглядывались на вчерашний день. Ведь когда-то правительство решало проблему продовольствия раздачей земли. Сейчас надо решить просто проблему устройства социально неустойчивых элементов. Пусть они там размножаются, пусть там будет даже примесь китайской и прочих кровей, но деревня должна возродиться вместе с тем сильным и выносливым народом. Пусть он будет неграмотным, пьющим. Глупым. Но именно этот народ будет давать руки, свежую кровь, пищу и солдат!

9 Утром вышли на улицу все вместе. Девочки тут же к своим автомобилям, а я, как всегда, отказался и двинулся пешком.

За воротами на травке развалился Вася! Он мирно спал. Лицо у него было практически сизое! На груди сквозь дырки в рубашке видны были маковки синей церкви. Во сне он что-то пробормотал, поднял руку и почесал грудь между крестами божьего здания.

10 Новый Полинин дружок остался у нас ночевать. На своей груди он гордо носит значок с раскидистым деревом, дубом, кажется. Теперь я знаю, что это означает. Я его лицо, кажется, пару раз видел по телеку, но постеснялся спросить, кто он такой.

Кошмар, практически каждого парня своей дочери я уже заранее ненавижу. Этот не исключение. Я лежал в кровати и, прислушиваясь к коротким редким стонам, тихо матерился про себя. И ведь ничего не сделаешь! Верка тихо посапывала рядом, некоторое время назад её дыхание стало менее ровным. Хотел ей сказать, мол, знаю, что не спит, но она вдруг просто легла сверху. Без предупреждения. Её дыхание, такое свежее, я ощущал на своём лице, руки мои шарили по её телу, но, понятно было уже, что ничего не будет. Всё-таки я не мог сейчас. Девочка умная, всё поняла без слов. Скатившись с меня, тихонько пристроилась рядом и прошептала мне в ухо:

— Спи давай. Старый пень! То, чем они занимаются, этим сейчас занимаются миллионы людей по всему миру. Так что успокойся, ничего особенного не происходит.

11 Его звали Димой.

— Дмитрий!

Солидно так представился. Господи! Молоко на губах не обсохло, а уже смотрит на меня сверху вниз. Впрочем, судя по его планам, ему скоро предстоит стать суперуспешным. Учится сразу в двух институтах, при этом работает в каком-то секретном месте и получает больше, чем я, раза в два. Хотел я у него поспрашивать также по поводу этой их программы улучшения населения, да не решился.

Мы сидели на кухне, ели осетрину печёную (он нам сам её приготовил!), и как-то так у них незаметно перешло в нужное мне русло. Но я сидел и просто слушал. Как ни странно, они обсуждали Васю! Втроём серьёзно так сидели и обсуждали, что им такого с ним сделать и как его приспособить.

Дима на полном серьёзе предлагал упечь его сначала в тюрьму, а потом в больницу. Там закодировать и отправить куда-нибудь в Сибирь, в русское поселение, желательно ближе к северу, подальше от китайцев с этой их дешёвой водкой. На золотые прииски, например, чтоб у него сразу от перспективы заработка хорошего появилось желание нормально жить.

Полина предлагала не трогать его или хотя бы просто отправить куда-нибудь в селение, на свежий воздух, к таким же, как он сам. Дима тут же возразил, сказал что из резерваций они бегут назад, а те, что не бегут, мочат друг дружку почём зря. Там же полно бывших эков, а Васину судьбу прошлую мы пока не знаем.

Верка предлагала отдать Васю в монастырь. Она это серьёзно предлагала! То есть отправить его подальше отсюда к людям добрым и терпеливым.

Тут уже я не выдержал!

— Слушайте! Но ведь Вася не скот типа коровы. У него же есть своё мнение! А если он не согласится?

Они посмотрели на меня очень серьезно, и после паузы этот Полинин Дима мне ответил так:

— Если человек не хочет жить честно, если он хочет жить за счёт других, значит, лишний, и от него надо избавиться. Между прочим, в Китае люди поделены на некие касты. Если, к примеру, ты закончил институт, то дворником работать тебе не дадут! Ты обязан использовать свой мозг. Если ничего не можешь вообще, то ты лишний. Никаких пособий! Умри или работай. Такие, как Вася, — это наш позор! Он ведь не

убогий, он ведь мыслит, у него голова работает пока хорошо, если уже не первый год здесь живёт за счёт других. Но если Вася не хочет работать, то зачем он нужен! Трутень подаёт плохой пример. От таких, как он, появляются новые алкаши, наркоманы и прочее. Он ведь может, к примеру, побеседовать с ребёнком — и всё! И кто-то поймёт, что можно жить за чужой счёт! Глупых людей полно вокруг, им нужно подавать другой пример!

— Знаете, молодой человек, от ваших речей отдаёт фашизмом! А что вы будете делать с инвалидами? Теми, кто лишился рук в результате несчастного случая или ослеп не по своей воле?

Он спокойно выдержал мой взгляд, глаз не отвёл.

— Скоро в Думе пройдёт новый вариант закона об эвтаназии. Людей, которые родились убогими до крайности, будут усыплять. За исключением женщин — их, вполне возможно, будут выращивать и оплодотворять искусственно. Остальных же мы будем холить и лелеять. Видите ли, если человек в чём-то одном обделён, то в другом он достигает необычных вершин. Лучшие массажисты и настройщики — слепцы. Те, кто умеет рисовать и вязать ногами, у них, как правило, развито чувство ответственности, таких можно спокойно назначать в охрану, за мониторами наблюдать. Аутистов можно приспособить в помощь математикам, и так далее.

— Ну хорошо! А если вот как наш Вася? Если человек не хочет! Если ему и так хорошо!

— А можно ли называть человеком того, кто не хочет им быть?

Мы некоторое время буравили друг друга взглядами. Глаза в глаза. Потом Верка подала голос.

— «Растущие вверх» КАЖДОМУ дают шанс начать всё сначала. На определённых условиях, но каждому. И если не получится, то можно начать снова. Те, кто добился чего-то своим трудом, дают шанс тому, кто даже никогда и не пытался. Но если человек не хочет быть человеком...

— ...То всё равно надо его использовать хоть как-то! — продолжил Дима.

Полина что-то тихо пробормотала.

— Чего? — переспросил Дима.

— Китайский синдром, — чуть громче сказала Полина.

Я тогда всё ещё не понимал.

12 На этот раз я не стал вытаскивать парня за ручку рюкзака.

Просто вышел за ним из автобуса и позвонил куда надо. Его сразу же повязали, и плевать, что я при этом на лекцию опоздал. Уже на лекции чем-то знакомый мне голос по мобильному попросил зайти в участок.

— Павел Сергеевич!

— Анатолий Васильевич!

Он вытащил на стол рюкзак. Кожа была чёрная, губы как надутые! Рюкзак из кожи негра! В носу для убедительности было кольцо.

— Кожа! Натуральная! — гордо объявил следователь. — Потом тут же убрал рюкзак куда-то вниз, а на стол выставил чайник и печенье. Чашки уже стояли. — Натуральная... но не человеческая! Коровья кожа-то! Одно хорошо, парня напугали так, что он ТАКОЕ больше носить не будет.

— Он не будет — другие будут.

— Другие уже носят. Только не рюкзаки. Они носят что-то совсем другое. Портфели, перчатки, сапоги. Представляете! Перчатки с лакированными ногтями!

— Куда мы катимся!

— Да нормально, в общем-то, я думаю, дальше будет круче. — Он разлил чай по чашкам. — Между прочим, чайник у меня из нашей русской глины. Сделан по нашим русским разработкам. Русскими людьми. Нынче налог такой на рабочих-иммигрантов, что дешевле нанимать своих. Ну или если уж нанимают со стороны, то спеца высокого класса. Маленький нюансик. Владелец фабрики — китаец. Как вам такое?

— Никак! Можно подумать, мозгов у русских не хватило бы самим такое организовать.

— Ну, как видите, не хватило. — Он отхлебнул чаю. — Знаете, зачем я вас позвал?

— Зачем?

— Предупредить. Не пытайтесь как-то воздействовать на новые поколения. Читаете свои лекции по производству всяких там сплавов, и ладненько. Мне иногда кажется, что вы их воспринимаете как стадо, которое надо защитить от волков. Я не прав?

— Ну... Никогда не задумывался.

— А вы помните сказку про мальчика и волков? Когда пришли волки, настоящие, мальчику никто не помог.

— Ну. И чего?

— А теперь представьте себе стадо, в котором каждая овца может превратиться в волка. Они уже живут по своим законам! И стараются не впускать к себе чужаков. Как китайцы в китайском квартале. Вы понимаете? Пастух может запросто оказаться в роли жертвы.

— Я понимаю, но ведь это ненормально!

— Почему же! Между прочим, в Голландии ещё в 2005 году покойников стали превращать в удобрения. Трупы не сжигали. Их высушивали! Потом тела перемалывали и засыпали в урну из органики. Урну закапывали, сверху сажали дерево! И таким образом они за 30 лет вырастили целые леса. Причём за каждым деревом там идёт очень приличный уход! Оно как памятник.

— Но ведь Голландия не стремится вырасти над всеми!

— Правильно, но психология у них уже изменилась! Так вот, они не уважают тела своих мёртвых, но уважают своих живых и память о них. У нас же проблема выглядит иначе. У нас уважают тех, кто чего-то добился в жизни. Жизнь же у нас традиционно не ценится. И надо поймать тот момент, когда ЛЮБАЯ жизнь не будет цениться. Когда вдруг ВСЕ овцы начнут превращаться в волков! Между прочим, вы готовы искоренять волков среди собственных детей?

13 Вообще-то свой день рождения не праздную. Уже давно.

И тут студенты с пятого курса решили меня поздравить. Хорошие такие ребята, умницы. Я знаю, что чуть ли не половина курса ходит волоннёрами в каком-то там благотворительном фонде. Ухаживают за детьми в онкологических центрах, добывают деньги для этих же центров.

Сидели с серьёзными лицами и сдержанно похлопали, когда я вошёл. На столе я увидел большую коробку в красивой обёртке, с поздравительной открыткой сверху.

Вообще-то люблю подарки. А по поводу нового портфеля совсем недавно говорил с дочкой. Деньги у меня есть, но, всё же таки, старый, драный, изношенный, он как-то роднее мне, что ли? Так что я всё собирался — и никак.

Я открыл коробку и остолбенел. Потом поднял голову и посмотрел на сидящих в зале. Никто не захлопал в ладоши. Никто не встал, никто не засмеялся. Только парень из первого ряда, имя которого я не смог вспомнить сразу, негромко сказал:

— Это вам, Павел Сергеевич. Эксклюзив.

Да уж... Ручная работа...

Я вытащил портфель из коробки. Открыл, зачем-то заглянул внутрь. Он был старого образца, такой же, как мой. То есть закрывался на два замка, сверху ручка. Если бы две лямки сзади, то получился бы ранец для ребёнка. Он пах кожей, но как-то по-особенному. С тех пор всегда этот запах узнаю. Я положил его в открытом виде плащмя на стол. До последнего момента надеялся, что ошибаюсь, но, поглядев на узор, понял, что это оно самое!

Синяя семиглавая церковь, я её видел столько раз до этого, что не мог ошибиться.

Вирус Пельдмана

Рассказ

Мои щеки надулись, глаза полезли из орбит, однако Пельдман даже не сделал попытки отстраниться — то ли из вежливости, то ли из еврейского фатализма. Правда, он не самый рядовой еврей, но все же его костюм мог непоправимо пострадать.

К счастью, в последний момент мне удалось сдержаться и в несколько глотков проглотить чудовищную порцию «Бури в пустыне», которую я так необдуманно отхлебнул. Пальмы, оазисы и миражи, чуть не вырвавшиеся на костюм Пельдмана тугой струей, забулькали вниз по пищеводу.

Наконец я снова набрал воздух и смог рассмеяться, повторяя:

— Серьезно? Нет, честно?! Все-все книги?

Для осознания комичности ситуации необходимо знать: место действия — мой дом (моя крепость). План дислокации — я и Моше Пельдман тет-а-тет, в новеньких (только недавно смог купить) массажных креслах. Я — все еще молодой писатель, месяц назад отхвативший самую большую (единственную) Литературную Премию Конгресса. Моше Пельдман (Мясник Пельдман) — мой враг, двадцать лет бывший страшилищем молодых писателей в Высшем Комитете Критики.

Все эти факты необходимо порубить в мелкую ханку, добавить предложение, с которым он явился, и вот — причина эйфории.

Пельдман, опустив глаза, ожидал окончания смехоприступа. На удивление смиренно и терпеливо. Поэтому мне стало стыдно.

— Простите, но это... это самое нелепое предложение, которое я слышал в жизни, — сказал я, откашлявшись. — Да и мне ли вам объяснять, что это уже было... «Четыреста шестьдесят по Фаренгейту», где жгли книги. «Кыс», где их прятали. «Электрошок», где уничтожали электронные тексты. Ну и так далее... Тем более, услышать от вас — от Моше Пельдмана! — у н и ч т о ж и т ь книги! Понимаете?

Пельдман недовольно подрагивал ногой, чуть повернувшись ко мне волосатым ухом.

— Все? Ну, во-первых, «Четыреста пятьдесят один по Фаренгейту», дорогой мой — будем все-таки придерживаться... Во-вторых, в истории семнадцать таких произведений, это если брать только значительные. Могу перечислить, дабы вы удостоверились в моей вменяемости... разумности.

— Да нет, зачем же. Вот уж не сомневаюсь, — соврал я. — Столько лет бессменно возглавлять Высший Комитет Критики. В этом году, кажется, было бы двадцать пять... Или шесть? В общем, не стоит.

Судя по блеснувшим глазкам Пельдмана, он распробовал цыкуну. Интересно, каково это — всю жизнь быть Председателем Верховной Комиссии по Утверждению и Литовке... Проще говоря, самым главным, влиятельным и ненавидимым критиканом — и под конец с треском, со скандалом покинуть насиженное место?

Пельдман смигнул и продолжил:

— ...Семнадцать романов тире повестей, объединенных темой уничтожения книг. Все здесь! — он указал артритным пальцем на голову, напоминающую гигантский пушистый одуванчик. — Это что касается беллетристики. Далее. Реальное уничтожение книг. За последние тридцать лет предпринималось три раза. Безуспешно. Потом сделали проще — все бумажные носители просто выкупили. Остались только электронные тексты в макросети, что и требовалось...

Колючие глазки Пельдмана значительно посмотрели на меня. Он взял бокал «Бури» морщинистой птеродактильской лапой и отпил несколько глотков, продолжая сверлить меня своими буравчиками.

— Ну и? Это все, конечно, интересно, но... Я-то какое отношение к этому имею?

Я никак не мог понять, какого лешего он пришел ко мне читать лекции и раскрывать правительственные секреты. И именно сейчас — когда я отхватил самую большую премию и желаю оптом спускать всех критиков с лестницы.

— Какое? У вас, Леонид, есть шанс внести неоценимый вклад в сферу, к которой мы оба имеем... имели... в общем, в литературу. Вы можете, если угодно, изменить историю.

— Не угодно. Каким образом? Уничтожить книги?! Простите, у меня мало времени. Скоро вернется жена с детьми... да и ремонт — ну, сами понимаете...

— Рад за вас, но все-таки не спешите. Я прошу только час. У вас ведь есть час? Больше я не задержу.

Я вздохнул. С обреченным видом потянулся ногой к переключателю климатической системы — что было не очень удобно, зато, на мой взгляд, эффектно, — сменил режим и откинулся в кресле. Никогда не думал, как приятно демонстрировать атрибуты удавшейся — наконец-то! — жизни. Особенно тем, кто десятилетия эту жизнь отравлял, растаптывал и ел поедом вместо яичницы на завтрак.

— Есть много аспектов... Но прежде всего — почему я пришел именно к вам. Леонид, вы мне совершенно искренне симпатичны. Не надо улыбаться, не надо иронии, всего этого... Симпатичны. У вас есть или, по крайней мере, был талант.

— Раньше вы были другого мнения.

— Раньше я был Главным... сами знаете кем, человеком подневольным. А кроме того, были люди намного талантливее вас. Справедливо? От Гомера до недавно скончавшегося Тубольского и вполне здравствующего Гранта.

— С этим я, может, и соглашусь. Хотя начало — так себе.

— Я буду говорить некие пафосные вещи... Кстати, пафосными они стали потому, что их трепали бесчисленное количество раз, а не потому, что они неправильны, несправедливы. — Пельдман побарабанил пальцами, загрустил, входя в роль. — Леонид, скажите честно, вам нравится то, что вы пишете?

— Хм... Уместно предположить. Иначе бы не писал. И не только мне, — я покосился на платиновую статуэтку Конгресса, врученную мне месяц назад, с трансляцией церемонии на всю страну... До сих пор иногда вздрагиваю от мысли — вдруг это сон, неуклюжий розыгрыш Всевышнего? Попозже, наверное, она переберется в шкаф, где будет валяться десяток таких же и

других. Но пока она одна, с этого места она не сдвинется. Я даже согласен стирать пыль четырежды в день.

— Про других поговорим позже. То есть то, что вы писали раньше, на заре молодости, вы считаете худшим? Менее достойным этого кусочка платины? Кстати, дизайн паршивый... Я правильно понимаю?

— Человеку свойственно развиваться. А следовательно...

— Хрёна! — каркнул Пельдман. — Заблуждаться ему свойственно! Сожалею, но ваш «Кризис Тарзана» — конъюнктурная и дряная вещь.

— Ну, еще бы...

— Секунду, секунду. Я не говорю... При этом вы — талант! У вас есть шляпа? Дайте мне шляпу — я готов надеть ее на свою седую голову и снять ее перед вами.

— Не стоит. — Мне совсем не хотелось, чтобы Пельдман снимал передо мной свою седую голову. — И, конечно, я не согласен с вашей...

— Ну, как хотите. Итак, «Кризис Тарзана» — дерьмо. Вы можете писать не столь натужно, выпендренно и искусственно. Глупая игра слов, загадки по тексту, которые неохота отгадывать. Извращения и жестокость, от которых тошнит... А ведь вы, дорогой мой, начинали как юный Стриндберг. Свежесть, внятность, простота формы...

— К тому времени я не читал Стриндберга. Хотя это, наверное, общая отговорка.

— Во-от! Вы сказали о-о-очень важную вещь. Вы! Не читали! Стриндберга! Но! — Пельдман склонил голову набок и посмотрел на меня дикими глазами. — Но все, включая меня, затюкали вас сходством. И вы не смогли защититься. А как? Это — история... Так вот, Леонид, это не только ваша личная трагедия. Это трагедия целых поколений литераторов — умирающая от ожирения литература, в которой уже нет ни свободных тем, ни свежих образов. В чем вы виноваты? Молодой, талантливый... Не менее талантливый, а может и более, но... оказывается, примерно такие уже были.

— Моше Исмаилович...

— Узнав о неизвестном предшественнике, вы со страхом ищите у него ваши родные, выстраданные обороты, сюжеты... И вот, во мгновение ока, вы ни с чем! Вас обобрал Лев Толстой! Эдгар По! Гамсун и Джойс! Который, впрочем, и есть самый большой вор... Обобрали коварно, из прошлого, подставив вас, все перевернув с ног на голову...

— Моше Исмаилович... — я пытался отстраниться от приближающегося лица, но на меня все-таки попали брызги.

— Сделав вас вором и обезьяной! Хотите банан, Леонид? Вы все имеете свои бананы, вот что я скажу, дорогой мой. Только лучшие имеют лучшие бананы, вроде премии конгресса... Вспомните: когда я сравнил вас со Стриндбергом, вы не кинулись отыскивать и сравнивать, нет? Вы бледнели и зеленели, мальчик, мнивший себя талантом, — да? Оригиналом — да? А оказавшийся — так, копией... Точнее, станком для производства копий.

Пельдман наконец-то отодвинулся. Посматривал довольным стервятником.

— Ну уж и копией... Это был чистый импринтинг, — я утерся. — Чистейший.

— Импринтинг... Именно что копией! Поэтому следующий роман вы писали с целью максимально уйти от своего стиля, который оказался не единственным, да, не оригинальным... И вляпались в стилистику Беккета тире Пруста. А какую муру написали! Ну, по совести? Муру ведь! Лишь бы не быть подражателем.

— Вижу, вас не переубедить, — я развел руками. — Пусть будет мура и Беккет. А заодно и Чехов с Лимоновым. И Маркс с Энгельсом.

Я посмотрел на часы.

— Не обижайтесь, не обижайтесь, на правду не обижаются. А ведь вы бы могли написать о зарождении первого чувства, о смерти чувства последнего... О войне, о возвращении, о Боге...

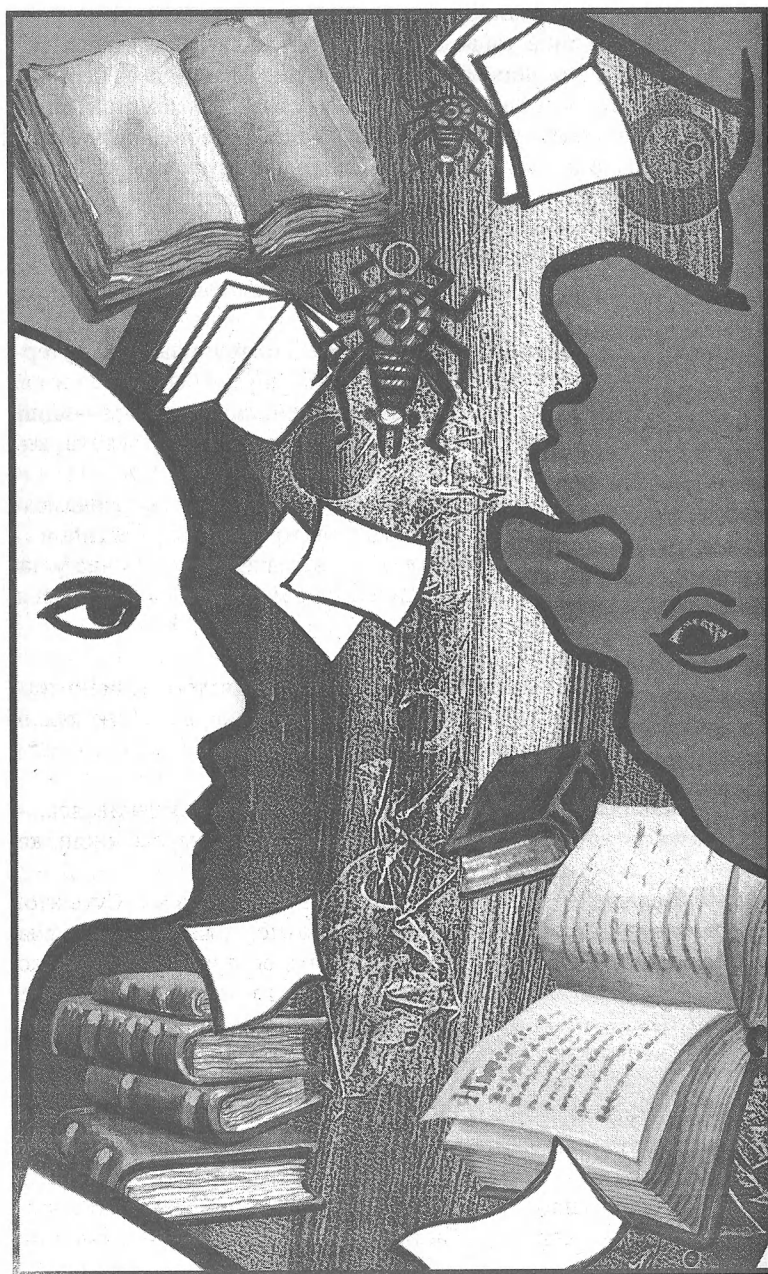
— Это все уже было... сюжеты Борхеса, — сказал я.

— Знаю, дорогой, знаю. — Пельдман, поставив брови домиком, допил свой бокал. Посмотрел на дно, повертел, поставил на стол. — Абсолютно все было, нечего и спорить. Вот поэтому, Леонид, моя цель — молодая кровь. Полная замена застоявшегося киселя, борьба с холестериновыми бляшками, которые убили литературу.

Он откинулся в кресле и сжал губы. Тонкие, жестокие губы Великого Инквизитора.

— Вы умный человек, — сказал я, пожав плечами. — Поэтому даже странно от вас такое слышать. Язык изменяется. Исторические реалии изменяются. Я разлил бутылку и отправил ее под стол, заменив новой.

Штопор. Никак не привыкну, что к этим старым винам нужен штопор.

Я отправился на кухню, слыша в спину:

— Язык не изменился, простите, с 20-го века! Меняются конструкции, жаргон... Закон Старджона даже изменяется. И тот — в сторону дерьма!

Взял не электрическую открывашку, а старый, купленный в антикварном штопор и пошел назад, слыша возвращающееся крещендо труб Страшного суда:

— ...изобретаете интонации, каких в природе нет по причине их уродливости и никчемности! А исторические реалии... не вижу, чем они принципиально отличаются от реалий прошлого. Та же диктатура, тот же железный занавес, охота на ведьм...

— При любой системе рождались замечательные вещи. А иногда благодаря ей. — Пробка вышла с приятным хлопком. — Да и моя премия — чем не признак хотя бы относительно замечательной вещи? Пейте.

— О том, как присуждается премия, попозже... — Пельдман неприятно улыбнулся. — Сначала вот что: согласен, платиновый век для творчества — эпоха любой диктатуры! Но сейчас у нас есть Библиотекарь. А это в корне меняет дело. Вы имеете представление о Библиотекаре?

За окном прогудело какое-то чудовище. Эти окна давно пора менять, совсем утратили герметичность. Сразу же после кухонного комплекса и займусь.

— Как и все, самое общее, — сказал я, удобно усаживаясь. — Машина определения таланта. Что-то вроде мензуры зоили, кажется.

— Таланта? Нет, до такого еще не додумались... Суть этой программы — просто выявление всевозможных текстовых аналогий. В принципе. Она разбивает каждое предложение, находит аналогии с классиками, писателями прошлого. Исследует семантику, семиотику, тему, рему... И видит, что это предложение, например, повторяет Бабеля в четвертой главе «Конармии». Это — Кафку в «Процессе». А вот эту связку использовал еще великий Набоков! Понимаете? Вот вы, Леонид, на три процента Пруст, на пять Стриндберг, дальше не помню, всего сорок с чем-то имен...

Известие о процентном содержании в моем бесценном, уникальном мозге сорока зубастых, вполне самостоятельных существ подействовало неприятно.

— Раньше Библиотекарь был просто помощником, подспорьем, я лично вычитывал каждый присланный текст, вносил дополнительные надстройки... Поэтому знаю, что Библиотекаря невозможно разрушить. Хотя можно разрушить то, с чем он работает. Весь фонд литературы прошлого, с которым он работает.

Пельдман в несколько чудовищных глотков уничтожил бокал раритетного вина. У меня даже засвистело в ушах от такой профессиональной работы. Может быть, с опытом, к семидесяти я смогу приблизиться к такому... особенно когда буду пить за чужой счет.

— Но ведь этот фонд — это тысячи авторов, сотни тысяч работ... Не может же быть, что фонд — единственное хранилище?

— Абсолютно единственное. — Голова-одуванчик на тонкой шее дернулась вниз. — До переворота у Михо была идея фикс — понятия «образованность» и «народ» не должны соседствовать. Отсюда крестовые походы на книги... даже на читателей в отдельно взятой... взятом... но это уже гос. тайны... И поэтому в макросети он оставил только один огромный закрытый каталог. А после переворота у Михо, конечно, уже не осталось никаких идей.

— Но проект сто лет в обед как заморожен.

— Именно, что заморожен. Ни туда-а... ни сюда-а! До сих пор — один единственный каталог в макросети... И то доступный далеко не всем. Даже мне, бывшему... тоже нет, а! Подумать... Но ты-то доступ получил, верно? — он подмигнул.

У каждого высоко воспарившего писателя — обязательно Лауреата премии — появляется специальный код доступа к некоторым засекреченным фондам литературы. Потому что только признанный Конгрессом автор имеет право узнать, что же такое собственно литературные памятники. И теперь, когда у меня появилась такая возможность, — взять и уничтожить ее?

И — заново(!) — написать «Гамлета», «Над пропастью», «Каренину»?..

Н-да-с. Только вот... Только — вот.

— Но не может же быть, что ни у кого не осталось бумажных книг, — задипломатничал я, переплетая пальцы. — Или библиотеки Мошкова на дисках... на старых компьютерах, которые не поддерживает макросеть...

Пельдман пьяно улыбнулся.

— Дорого-ой мой! Капля в море... Это все частности и мелочи... Я тебе не о том... Ты согласен?

— Это все спорно, но... Ну, допустим, — осторожно сказал я. — И... способ уничтожения?

— Способ уничтожения... А есть еще шипучее?

— Конечно, конечно.

Пельдман следил за наполняемым бокалом со сложным выражением. В нем было много всего, и бутылка «Бури». Теперь он не может позволить себе такие вот старые напитки, в бутылках, которые забиваются пробкой, а сверху накручивается проволока, для прочности... А я могу. У меня в холодильнике еще пара таких, тоже очень старых, там проволока почти вся проржавела... Кто бы узнал, что у бывшего писаки-неудачника такое есть, не поверил бы.

Нет, ну — «Гамлета» — заново! Каково? Одуреть.

— Помнится, лет пять назад мы с Григорием Максимовичем и Вале́й Шкипой... или с Паборенком? пили шипучее, года, наверное, пятидесятого... Мы и маленькая Жаннет... Никогда не имей дела со шлюхами!

Я обещал.

— Думаешь, я пьяный?

Я заверил, что и в мыслях не было.

— Это пра-аильно. — Пельдман отпил из бокала и улыбнулся почти беззубым ртом. — Моше Пельдман никогда не набирался до беспамятства, до словесного недержания... Хотя, годы, конечно... — Знаешь, мне уже шестьдесят пять. Но только недавно я почувствовал себя стариком. Развалиной, списанным материалом, етсетера, все, как в жизни, в книгах... И знаешь, о чем я жалею сейчас? Что не сделал это сам — еще пять лет назад. А теперь-то уже нет возможности — тью-тью возможности... Что пришлось тащиться к тебе, рассказывать, выслушивать ржание в лицо, да... А разве то, что я сказал, глупо? Ничего нового вы не изобретете. Можно, конечно, уничтожить язык или его носителей... Но как? А современный язык — это тебе не бесконечная вселенная, которая к тому же расширяется...

— Если верить некоторым, уже сжимается. — Я отхлебнул из своего бокала. — Так что за способ-то?

— Тем более! Даже вселенная сжимается, а язык — чего там? Тридцать три буквы. Помню, в детстве мой товарищ Костя Брандо на спор записывал их на ноготь... Потом он был замнач какой-то корпорации. «Паинстайн»? «Паинстрол»? Что-то такое... «Паинст»... Ну неважно. И вся моя жизнь свелась к доказыванию вторичности, третичности и десятичности небеста-

ланных, в общем-то, авторов. Думаешь, мне это нравилось? Да поми-илуй, дорогой мой! Я не родился злым критиком.

Я убавил кондиционер, становилось прохладно.

— Моше Исмаилович...

— ...И никакого, ни-ка-ко-го удовлетворения за все двадцать лет. Ни друга, ни семьи, — сказал он бокалу, — но это ладно... Я бы хотел открывать новые звезды, сверхновые, гениев, титанов. И мог бы! Сейчас-то у меня сил... кого там. А вы... Ну, будет еще сто, двести вас таких, предельно талантливых, которые вычерпают до дна язык, сюжеты и начнут рыть и жрать землю. А сожрут ее — начнут жрать друг друга, потом самих себя... Потому что... это поганая сущность творцов — бежать от повторений. И ничего с ней не сделать...

Он снова замолчал, впадая в старческую прострацию.

— Ну так? Моше Исмаилович! Способ-то? — почти выкрикнул я.

— Способ? А, способ...

Чудовище пробудилось снова, и уже этажом выше. Даже чувствовалась вибрация пола.

— ...Вирус. Ма-аленький такой... хитрый ублюдок, проникающий в святая святых, по твоему персональному коду в центральные каталоги... Айн, цвай — и несколько тысяч лучших, обладателей высочайшей языковой энтропии... исчезают бесследно. Можно, конечно, оставить для внутреннего пользования... пару экземпляров... но стоит ли, вот в чем вопрос...

Я скрестил руки на груди.

— Но это слишком очевидно. Совет Безопасности развеет меня в прах, прежде чем уничтожится собрание сочинений Бальзака.

— Вирус замедленного... замедленного действия. Я же все рассчитал, вот смотри...

Он начал объяснять, путаясь, про какие-то точки ввода и вывода, которые обеспечат мою безопасность, про энтропию, но я его не слушал. Я думал. Конечно, я давно решил — что скажу. Был вопрос — как.

Думаю, он тоже особо не обманывался.

— Моше Исмаилович, — сказал я. — Понимаете... если бы вы пришли хотя бы на месяц раньше... понимаете, сейчас не самое подходящее время для таких крайностей... Я... Думаю, месяц, год назад это было совсем не так сложно... Видите ли, ко мне

вернулись жена, дети... — Я словоблудил и вспоминал телефон. Такие телефоны, их очень легко запомнить: обычно они из оди-наковых цифр.

Он слушал меня, понимающе кивая, презрительно улыбаясь... До раздражения похожий на какого-то общественного деятеля из далекого прошлого. Бродского? Ростроповича? Все значительные евреи в старости похожи.

...Пельдман встал, сделал пару шагов и въехал плечом в стену. Я медленно пошел за ним, через пять комнат, к коридору. Начинало шуметь в голове — нет, эти старые вина лучше не сме-шивать... И не слушать бредовые идеи стариков. Интересно, где застряла Ира с близнецами? А номер... номер...

На пороге Пельдман повернулся.

— Ну что, дорогой мой... Спасибо за гостеприимство. У тебя есть потенциал, пиши... Читай великих... Морщись от бессиль-ной зависти. Как мы говорили в детстве: «аффар, пеши исчо»... Был, в общем-то, рад... рад встрече, это я тебе... совершенно се-рьезно. Привет семье.

Я усиленно кивал, даже прижал руки к груди. Да как его? Все шестерки? Или семерки? Можно конечно, просто набрать все пя-терки, а там переведут.

— Вы еще упомянули о Премии Конгресса, помните? — поче-му-то заискивающе сказала я.

— Премия Конгресса... Как же, помню.

Он пошатывался. Вперед, назад, влево, вправо.

— Три понятия. Теория вероятности, матстатистика, теория игр... Три кита, на которых сейчас держится Библиотекарь. Те-перь ему не нужен Верховный Критик...

— То есть... победителя выбирает машина? — тупо спросил я. И вспомнилось. Действительно, очень просто — все шестерки, в конце семерка.

— Выбирает самая что ни есть далекая от литературы... хо-лодная... математическая машина. Среди работ отбираются са-мые сумбурные. С высокой энтропией, с элементом жополизства власти... Потом запускается программа. Секунда — и вот тебе великий писатель.

— Вы... не может быть.

Сунув руки в карманы, он пожал плечами. Мятые штанины приподнялись и опустились на штiblеты.

— Время показало, что все может быть... Но, к сожалению... уже не для нас.

Пельдман повернулся и пошел по петляющей дорожке сада.

Я выпил ледяной воды и уперся лбом в прохладное стекло. Щеки горели. За окном отличная погода, но радости — ноль целых, ноль ноль ноль...

Похоже, я заболел. Мне плохо, гадко, даже хуже — мне бесцветно, никак.

Вот отрада очей моих, музыка ушей и так далее — статуэтка Конгресса — кривым бесполезным бананом стоит на столе. И? Я вытер пот. Исполнились сроки твои!..

Деньги мертвой массой лежат в банке. Заработанные трудом, талантом, а точнее... Я потрянул головой — нет, пронеси мимо меня!..

Мысль знакомиться с творениями великих вызывает тошноту. Авва, отче!.. Я поднял глаза к потолку, за которым через восемь этажей круглосуточно работает благое небо.

А ведь завтра я должен выступать перед студентами в университете. Спаси и сохрани!.. Я не хочу, я не пойду!

Застучало в висках. Но я знаю, что это не вино, не «Буря» с «шипучкой». Это Стриндберг, Пруст и остальные сорок паразитов отбивают победную пляску в голове.

Во мне поселился новый, до сих пор не изученный и неизлечимый вирус.

Знаю, что рано или поздно он заставит меня разыскивать Пельдмана.

Идеальная страховка

Рассказ

Мой пропуск на космодром недействителен уже двенадцать лет. Теперь каждый год летом, в первый день своего отпуска я приезжаю к сетчатому забору, стоящему посреди степи. Степь перед забором и степь за забором совсем не отличаются друг от друга. Только там, за забором, у самого горизонта, видны силуэты зданий, размываемые жарким маревом.

Я знаю, что там. Сначала гостиница, склады и ангары. Потом — ВПП. Потом — три стартовых комплекса. Стартовых комплексов от забора совсем не видно, хотя они огромны. А лет триста назад — я читал — они были еще больше. Впрочем, тогда и ракеты были больше.

В прошлом году мне повезло. Едва только я вышел из машины и подошел вплотную к забору, сухая земля под ногами задрожала. И я задрожал вместе с ней. Давно, ах, как давно не ощущал я этой дрожи, почти забыл ее. Но тогда разом вспомнил и чуть не заплакал. Хотя зачем я вру? Заплакал. Потому что рядом не было ни души, и никто не увидел бы моих слез. Поэтому и заплакал.

А земля дрожала все сильнее, и далекий грохот наполнил воздух. Из-за горизонта всплыла в выгоревшее небо ракета и, медленно ускоряясь, стала подниматься к зениту.

Я долго смотрел, как она уходит вверх по плавной дуге. Когда заныла шея, я лег на голую землю и продолжал смотреть. Нако-

нец крохотная звездочка погасла, и серо-голубой небосвод снова стал пустынным.

В этом году так не повезет. Конечно, можно было заранее узнать день ближайшего старта и приехать именно тогда. Но ведь я приезжаю сюда не за этим.

Я отпустил проволоочные ячейки забора и вернулся в машину. Руки пахли металлом. Я медленно поехал вдоль забора, и вскоре впереди показалась дорога и КПП. Оставив машину на обочине, я зашел в будку дежурного.

Чуть слышно пискнул сканер, считавший мой паспорт-чип. Дежурный — молодой парень в линялой форме цвета сегодняшнего неба — оторвался от экранчика своего КПК, мельком взглянул на монитор сканера и только потом вопросительно посмотрел на меня. В его глазах не было ни настороженности, ни даже любопытства. Я хорошо его понимал — сам когда-то так дежурил. Скука смертная. Я поздоровался и спросил:

— Позвонить можно?

— Пожалуйста.

На территориях космодромов во избежание помех разрешалось пользоваться только местными частотами связи. Впрочем, эта инструкция давно устарела — современная космогационная аппаратура надежно защищена от любых помех. Поэтому инструкция нарушалась всеми, в том числе и сотрудниками космодрома. Но я все-таки взял трубку местного телефона. Ответили после первого же гудка.

— Куманин слушает.

— Здравствуйте, Петр Сергеевич.

— А, это ты, — голос начальника космодрома сразу потеплел. — Приехал уже? Впрочем, глупый вопрос, ты ж по местному звонишь.

— Так точно, Петр Сергеевич.

— Ладно, располагайся, сейчас предупрежу охрану. Ты на каком КПП?

— На пятом.

— Там и будешь?

— Да нет, отъеду километра на полтора на север вдоль забора.

— О'кей. Надолго?

— Как обычно, дня на три.

— Ну, ладно. Если что понадобится — звони.

— Спасибо.

— Дежурному трубочку передай.

Я протянул парню трубку и вышел из будки.

До самой темноты было шумно. Через КПП то и дело проезжали грузовики. Возможно, завтра или послезавтра будет очередной старт. Но когда небо потемнело и стали видны звезды, суета на дороге прекратилась. Теперь только цикады звенели в редких островках полусухой травы.

Я выбрался из палатки, вытащил матрас и лег — лицом к небу. Богатая россыпь южных звезд была знакома мне до мелочей — как лицо матери. Я заложил руки за голову и стал думать.

Мне вспомнилось недавнее сообщение на каком-то из инфопорталов. Там было рассказано о том, как один садовод-любитель, вскапывая свои грядки, нашел в земле стеклянную бутылку едва ли не трехсотлетней давности. Пробка была залита какой-то смолой. В бутылке оказалась записка примерно следующего содержания: «Мы, люди двадцатого века, посылаем это письмо в будущее. Тот, кто откопает эту бутылку, пусть отвезет наше письмо в Главное Космическое Министерство и передаст для отправки на Альфу Центавра. Мы верим, что вы, наши потомки, туда обязательно долетите». Записка была написана детским почерком, с большим количеством ошибок и без единой запятой. Подпись — что-то вроде Ваня Иванов и Саша Александров, ученики 2-го «в» класса такой-то школы. Даты не было. Кроме записки, в бутылке оказалась смазанная картинка на очень плохой то ли бумаге, то ли ткани. Точно такое же изображение — только гораздо лучшего качества — есть в любом учебнике истории. Юрий Гагарин, первый человек в Космосе.

Бутылку передали в какой-то музей. А куда еще ее девать? Хотя, наверное, надо было закопать обратно в землю. Это было бы честно. Ведь на Альфу Центавра мы не ходим. И Бог знает, пойдет ли туда кто-нибудь когда-нибудь вообще.

Жаль, что нельзя отправить письмо в прошлое. Я бы написал этим ребятам о том, как недалеко продвинулись мы за три столетия в области космонавтики. Сейчас, правда, все больше говорят на американский манер — «астронавтики». Но это, по-моему, еще больший самообман. Если в Космос, в смысле внеземного пространства, мы действительно ходим, то к звездам еще никто не отправлял даже искусственных аппаратов. Астрофизики, конечно, уже давно продавливают такие проекты, но пока безуспешно. И я, честно говоря, полностью согласен с руководством Всемирного Космического Агентства — бесполезные это проек-

ты. Все, что нужно, уже выяснили с помощью телескопов. В более детальных сведениях нет необходимости. А космогонические теории можно строить и на том, что уже известно. Заказывай себе часы на квазикомпьютере и моделируй, насколько фантазии хватает.

А если быть до конца честным, то мы вообще не ходим в Космос. Несколько сотен человек работают на орбитальных заводах — условия невесомости очень удобны для производства некоторых материалов. Время от времени уходят чартерные рейсы к двум орбитальным отелям. Но этот бизнес, насколько я знаю, идет все хуже и хуже.

Такой профессии — космонавт — давно уже нет. Все старты и посадки идут в автоматических режимах. Доказано — это надежнее.

Лет двести пятьдесят назад была провозглашена вполне разумная доктрина: космонавтика должна быть беспилотной. Действительно, после НТР-2, нанотехнической революции, посылать людей в Космос стало экономически невыгодно. Автоматические аппараты решали все задачи не только дешевле, но и гораздо лучше.

Да и что человеку делать в Космосе? Все что нам нужно от просторов Вселенной — это околоземные орбиты. Приусадебное, так сказать, хозяйство. Космос давно стал словом с маленькой буквы. Связь, мониторинг, кое-какие производства да туризм — больше там делать нечего. Освоение других планет и тем более других планетных систем нецелесообразно.

Правда, время от времени люди отправляются на Марс. Отправляются примерно с той же целью, с какой раньше покоряли Северный и Южный полюса и самые высокие горы. На этих людей смотрят, как на... Выразусь мягко — как на чудаков. Они тратят собственные деньги — немалые, кстати! — на снаряжение, но при этом умышленно отказываются от лучших достижений техники. Сгонять до Марса и обратно на автоматике может даже обезьяна! Вся суть экспедиций — в ручном пилотировании.

Последняя гибель трех таких чудаков на Марсе произошла более полувека назад. Теперь никто не гибнет. Все возвращаются. Вернулся и я.

Где-то в верхних слоях атмосферы надо мной сторела пылинка — «упала звезда». Надо желание загадать, машинально подумал я. Но зачем? Единственное, чего я желаю, невозможно. Совершенно невозможно. Абсолютно... Или все же?.. И я загадал.

Космодром, который начинается за забором, — 502-й. Это не потому, что их на Земле более полутысячи. На самом деле, всего тридцать два. Первая цифра — это номер меридиональной зоны.

На этот космодром я пришел работать сразу после инженерного колледжа. Здесь же познакомился с ребятами из клуба спортивной космонавтики. Здесь же в заброшенном ангаре мы собрали наш аппарат. Потом разобрали и по частям отправили в «Хилтон-Орбита» — там находится единственная площадка, откуда разрешены спортивные старты. Потом в течение года по очереди брали отпуска за свой счет и ездили собирать наш «Марс-502».

Спортивный космоход — вещь бесхитростная. Минимальных размеров биомодуль с солнечной батареей, одним маршевым и четырьмя маневровыми двигателями и кабиной управления.

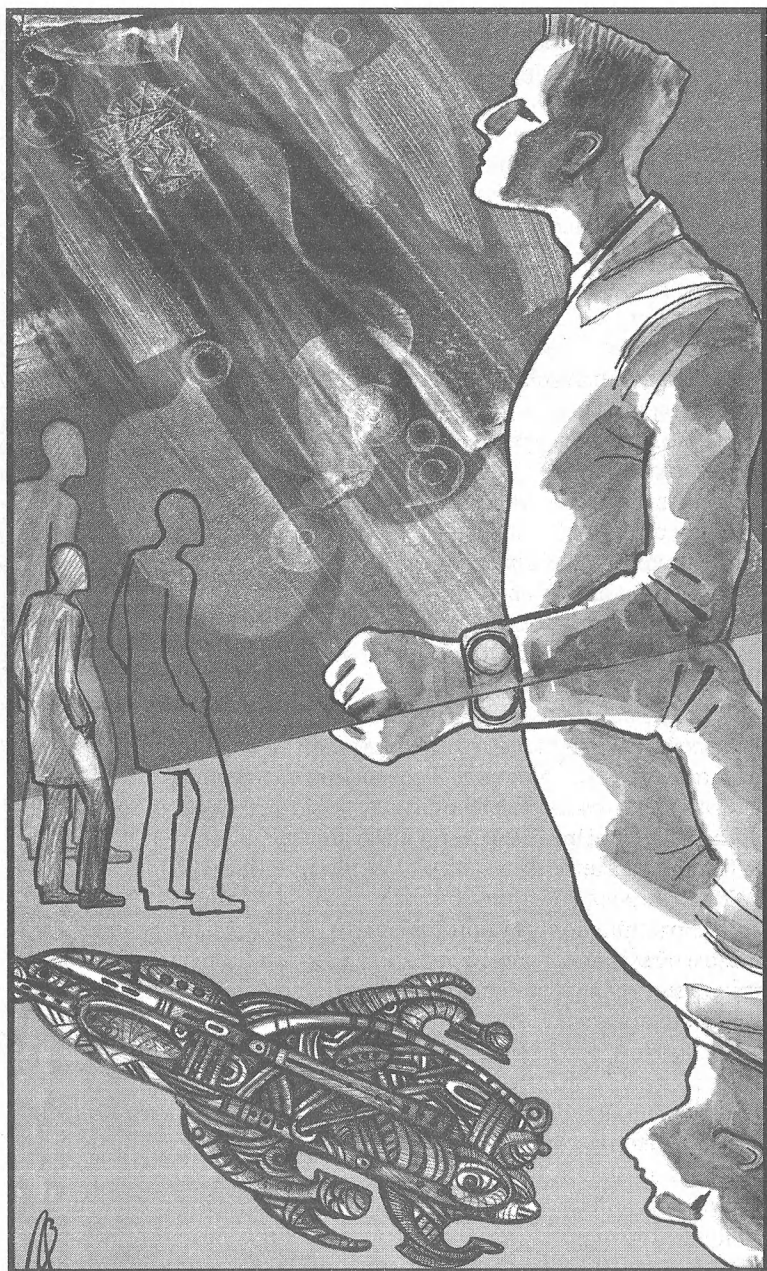
Биомодуль — изобретение еще эпохи пилотируемой космонавтики, которое, однако, не было реализовано из-за некоторых технических проблем. Это что-то вроде аквариума в запаянном шаре — крохотная самодостаточная биосфера. Почти все свободное место занято грядками с суперпродуктивными генетически модифицированными растениями. Впрочем, это не значит, что космонавты становятся на время полета вегетарианцами. Во-первых, есть некоторый запас консервов. А во-вторых, кроме растений, в биомодуле обязательно есть несколько видов насекомых. Хорошо откормленные опарыши — великолепный белковый продукт. В сыром виде — особенно вкусный.

Хорошо отлаженный биомодуль может самостоятельно существовать до двадцати лет и даже дольше...

Отсюда же, с 502-го, на одном из грузо-пассажирских кораблей я с Ником Субботиным начал свой путь к Марсу. 28 марта мы стартовали с околоземной орбиты. У нас была задумана рискованная программа — впервые мы должны были пройти в десяти километрах от поверхности Красной планеты. Так низко еще никто не проходил...

Впрочем, это неважно.

В нашем клубе был один немного странный парень. Конечно, с точки зрения нормальных людей, мы все были странными. Но он отличался от других. Он был специалистом в какой-то труднопроизносимой сфере биологии, а в клубе выполнял обязанности медицинского консультанта. Его родители были весьма известными учеными, владельцами крупной научно-промышленной

корпорации, и было не совсем ясно, почему он с такими предками прозябает лаборантом отдела биоконтроля на 502-м.

Поздно вечером того дня, когда на общем собрании клуба были окончательно утверждены наши с Ником кандидатуры, этот парень пришел в мою комнату. Принес пиво и вареных креветок. Мы поговорили о том о сем, а потом он вдруг сказал как бы между прочим:

— Слушай, помоги мне с одним экспериментом, а?

— Что за эксперимент? — спросил я.

— Копиклонирование.

— Чего-чего?

— Копиклонирование, — повторил он и начал объяснять. Сначала я ничего не понял, потом удивился, потом усомнился, потом рассмеялся:

— Брось, да разве такое возможно?!

Он обиделся:

— Не веришь?

— Не-а!

— А если своими глазами увидишь — поверишь?

— Своим глазам я всегда верю, — усмехнулся я.

— Заметано.

В ближайшие выходные мы поехали в его лабораторию.

То, что я там увидел, потрясло меня. Во-первых, было ясней ясного, что оснащали ее не на оклад лаборанта-биоконтролера. А во-вторых...

Копиклонирование было по сути технологией копирования живых существ. Причем весьма высокоразвитых живых существ. Например, мышей.

Многих деталей я не понял — у меня другое образование. Но в целом процесс был приблизительно таким. Парень особым образом объединил хорошо известные технологии выращивания органов из стволовых клеток и относительно новую технологию восстановления нейронных связей. В результате всего за пару недель из нескольких клеток, взятых из организма животного, воспроизводилось это самое животное. Точнее, биоголем — так называл его наследник техномагнатов. Жить самостоятельно это существо не могло — у него не было мозга. То есть мозг как орган был, но он не действовал.

Но на моих глазах парень извлек из биораствора плававшую там копию мыши и воткнул ей в загривок провод. Оказалось, в мышином загривке имелся для этого специальный разъем. Дру-

гой конец провода был подключен к компьютеру. Парень бросил мышь обратно в биораствор и позвал меня к монитору:

— Сейчас самый ответственный момент! Смотри. Выбираем из архива файл «mouse» и закачиваем его.

— Куда закачиваем? — не понял я. Но парень меня не слышал. Он быстро настраивал какие-то параметры программы, бормотал что-то себе под нос. Потом звонко щелкнул клавишей ввода и откинулся на спинку кресла, довольно улыбаясь. На шкале загрузки стали нарастать зеленые точки.

И через минуту мышь ожила! Правда, потом пришлось откачать из ее легких биораствор и сделать зверьку искусственное дыхание и массаж сердца. Но меньше чем через час эта мышь бегала, пищала, ела и гадила!

Мне показалось, что я сплю. Но это был не сон. Молодой последователь Льва Бецалея предложил выпить за его изобретение. Мы выпили — бутылку весьма недешевого коньяка. А перед последним тостом претендент на Нобелевскую премию сказал мне заплетающимся языком:

— Ты полетишь на Марс, так?

Я кивнул.

— А мама у тебя есть?

Я опять кивнул.

— И девушка ведь есть? — допытывался он. Я кивал.

— А ты ведь можешь погибнуть в космосе, так? Как они будут без тебя?

— Ну... — протянул я и не нашелся, что ответить.

— Я п-предлагаю тебе страховку. Идеальную. Совершенно бесплатно. Я тебя заранее скопирую, а перед самым отлетом отсканирую твой мозг. Если ты погибнешь, я загружу твои мозги в готовый копиклон — и нет проблем! Гарантирую — никто не отличит! Даже ты сам. Ха-ха-ха! Идет?

— Идет! — воскликнул я, и мы ударили по рукам.

По пьяни чего не натворишь! Но почему на следующий день я подписал договор? Почему позволил взять образцы клеток? Почему за два дня до полета дал подключить себя к нейрокомпьютерному комплексу в научно-исследовательском центре его папочки? И почему никому ничего не сказал?!

Тридцатого августа во время очередного сеанса связи Ник радостно сообщил, что точка 10 000 метров от поверхности Марса успешно пройдена. Еще минут пять мы болтали всякую ерун-

ду — ждали, когда придет ответ от ребят, оставшихся на Земле. Вдруг я заорал не своим голосом: «Ник, дубина, ты что наделал?!» И связь прервалась.

Это была последняя радиограмма с борта «Марса-502».

Десятого сентября ко мне — или не ко мне? — пришли мой идеальный страховщик и еще два очень серьезных человека. Мне вшили паспорт-чип и предупредили, что теперь я «по состоянию здоровья» не имею допуска к работе в ракетно-космической отрасли. И отпустили на все четыре стороны.

Доктор Франкенштейн XXIII века выполнил свои обещания. Никто ни о чем не догадался. Даже моя мама...

С ребятами из клуба мне удалось встретиться только год спустя. Неохотно, избегая смотреть мне в глаза, они рассказали то, что я и так уже знал. Экспедиция была прервана из-за внезапной болезни Ника Субботина. «Марс-502» вернулся с полпути. Ник умер в больнице, не приходя в сознание. Где его похоронили, ребята не знали. Марсоход отправили в орбитальный мусоросборник.

Кое-как попрощались. Капитан нашего клуба единственный решился пожать мне руку.

— Надеюсь, ты все поймешь, — тихо сказал он.

В моей ладони остался тоненький кристалл — карта с записями всех переговоров с бортом марсохода.

Больше мы не встречались.

Года через четыре я вновь услышал о своем страховщике. Технология копиклонирования была обнародована. Тут же разгорелся ожесточенный спор о ее нравственной стороне, о праве человека брать на себя обязанности Господа Бога, о невозможности копировать душу, о правовом статусе копиклонов, о мерах по недопущению применения копиклонирования в антигуманных целях... И так далее, и так далее, и так далее.

Мне прозаично намекнули: не высовываться. Да я и не собирался.

Споры о копиклонировании постепенно сошли на нет. Этой технологии не нашлось применения в мире, где весь риск взяли на себя роботы и автоматы. А использовать ее для реализации бессмертия не удалось — не получалось загрузить в молодое тело память и разум пожилого человека. Впрочем, мой страховщик своего «нобеля» все-таки получил.

У меня претензий к нему нет. Он скопировал меня точно. Даже мечты остались у меня такими же. Именно поэтому каждый год я приезжаю в выжженную солнцем степь, к сетчатому забору, за которым начинается путь в недоступное теперь для меня небо.

Два года назад мне показалось, что я видел в толпе на улице Ника... Я не очень удивился и не захотел выяснять, мираж это или нет.

И все-таки применение у копиклонирования есть. Может быть, хотя бы с этой «идеальной страховкой» люди наконец отважатся на настоящее освоение Космоса. Только вот будет ли это подвигом?

А желание, которое я загадал... Оно у меня одно. Нет никаких доказательств того, что мы с Ником разбились на Марсе. Мы пропали без вести. А значит, есть шанс, что мы сейчас несемся где-то в пространстве. И есть шанс, что мы все-таки несемся к Земле. Запаса свободного хода у нашего аппарата на три таких экспедиции. На бортовом компьютере вполне можно рассчитать траекторию с применением гравитационных сил других планет. Резервов жизнеобеспечения должно хватить еще лет на восемь. И спускаемый модуль вполне мог сохраниться...

Шанс — ничтожный. Но: пока живу — надеюсь. И пока надеюсь — живу...

Ген сэра Уинстона

Рассказ

Работа у Алексеева была, можно сказать, сезонной. Он уже давно заметил, что потенциальная клиентура чаще всего заглядывала в его контору летом. Реже всего — зимой, это был вообще почти мёртвый для него сезон. Ну а весна и осень превратились в некие буферные периоды между наплывом посетителей и их полным отсутствием.

В основном, навещала молодёжь в так называемом постсопливом возрасте. Проще говоря, юнцы и девчонки. Ещё не мужчины и не женщины, но уже и не подростки. Самое для них подходящее время попытаться хоть краем глаза заглянуть в своё Будущее.

Понятно, что приходили они именно летом, а не в какой-то другой период года. Последние школьные звонки уже отзвенели, прощание с детством, школьные экзамены позади, экзамены в ВУЗы ещё не начались, и к некоторым приходят в головы шальные мысли...

Почему-то чаще приходили представители сильного пола. Или в мужчинах от природы было острее любопытство, или их больше, чем женщин, интересовали перспективы построения будущей карьеры.

Себя самого Алексеев так и не протестировал. Трудно было сказать, по какой именно причине: то ли из-за отсутствия природного любопытства, то ли из-за избытка боязливости. Есть вещи, которые некоторых людей пугают не меньше знания даты своей будущей смерти...

...Парня Алексеев почти проглядел. Обычно его клиенты надолго застревают в холле, внимательно изучая красочные стереоскопические плакаты на его необъятных стенах, рекламировавшие основную суть деятельности фирмы, и это давало персоналу в лице Алексеева какое-то время на подготовку к встрече, но этот парнишка решительно проигнорировал наглядную агитацию, сразу пройдя к главному.

Это был несомненный признак сильного характера. Слабые духом ретировались, едва заглянув в холл, люди средней силы воли передумывали или принимали решения после многоминутных походов по зрелищному залу, а этот пришёл с уже заранее принятым решением.

— Рад вас приветствовать, юноша! — Алексеев принял клиента в кабинете, как родного. — Мне приятно сознавать, что вы решили воспользоваться услугами именно моей фирмы.

— А другой такой в городе попросту нет! — усмехнулся парень.

Он был невысок ростом, но крепок телом, как входящий в силу дубок, и в его голубых глазах сверкали озорные огоньки.

— Согласен, — подыгрывая клиенту, кивнул головой Алексеев. — Мы пока почти экспериментальная фирма в этом виде сервиса. Идёт, так сказать, накопление информации и определение масштабов ожидаемого спроса на нашу продукцию.

— Меня всё это очень мало интересует! — отмахнулся парень. — Это всё ваши личные производственные проблемы! Я понимаю, что вы работаете приблизительно: плюс-минус несколько лет, — но меня в данный момент устраивает даже такая условная точность. Мои наполеоновские планы требуют фундаментальных предварительных расчётов. Зачем я стану заранее замахиваться на грандиозные проекты, если мне на это попросту не хватит собственной жизни?! Обидно будет...

— Речь не мальчика, но мужа, — с уважением сказал Алексеев. — Чтобы разворачивать большое дело, нужно сначала узнать свои природные шансы дожить до его реализации.

Он рукой показал отважному клиенту на громоздкое диагностическое кресло.

— Раздевайтесь до пояса и поудобнее присаживайтесь. Я могу узнать ваше имя, или мы с вами обойдёмся просто юношей? Меня вот зовут Павлом Ивановичем...

— Сергей... — как-то лениво сообщил парень, стаскивая через голову рубашку-хамелеон, с перепугу пытавшуюся менять свой цвет по всему спектру.

— Большого мне и не требуется, — удовлетворённо сказал Алексеев, с лёгкой усмешкой глядя, как парень умывается на

неудобном для его недозрелых форм кресле. — Всё остальное я вскорости узнаю от вашего буонапартовского организма.

— Прямо-таки и всё?.. — недоверчиво спросил Сергей. — Всю мою подноготную?

— Главное! — Алексеев важно поднял вверх указательный палец. — То, что интересует лично вас более всего! Чтобы стать Наполеоном, нужно сначала дожить до Аустерлица, Бородино и Ватерлоо!

Пока Алексеев прикреплял к его оголённому торсу, рукам и голове многочисленные датчики с присосками и иголками, Сергей отсутствующе глядел в потолок.

— Полагаю, вы только что закончили школу... — Алексеев не любил работать молча.

— Да, вчера был последний экзамен. Все ждут выпускного бала, а мне вот вздумалось проверить на прочность основной фундамент своего героического Будущего.

— Похвальное желание, — поддакнул Алексеев. — Чтобы стать мужчиной, мало родиться мальчиком...

— Итак, что мы имеем?.. — нетерпеливо спросил Сергей. — И, главное, что будем иметь?

— Терпение, прежде всего, имейте терпение... — Алексеев внимательно изучал показания приборов анализатора. — Что ж, юноша по имени Сергей, фундамент у вас, прямо скажем, весьма неплохой. По отцовской линии базовая продолжительность жизни ваших предков — в среднем семьдесят пять лет, а по материнской — даже свыше восьмидесяти пяти. Ваша генетическая программа рассчитана примерно на восемьдесят базовых лет. Если вы, разумеется, случайно не провороните какую-нибудь несерьёзную болячку со слишком серьёзными для вас последствиями. До пятидесяти лет, судя по исходным данным, вам вообще ничего не грозит, а потом попросту повнимательнее следите за собой.

Сергей согласно кивнул.

— Если вы будете умеренно, не перенапрягаясь, заниматься спортом, это добавит вам ещё семь — восемь лет активной жизни, — продолжал Алексеев. — Если переберётесь в горную область Земли, то при удачном раскладе сможете перешагнуть и столетний рубеж. Всё остальное как бы вторично: год — плюс, год — минус.

— А если я буду пить и курить?.. — вдруг спросил Сергей. — Как это отразится на моих основных показателях?..

— Пагубно... — уверенно сказал Алексеев. — Пить и курить — здоровью вредить... А плохое здоровье не гарантирует долгой жизни. Это дело проверенное.

— А всё-таки?! — упорно настаивал Сергей. — Проверьте, пожалуйста. Должен же я на всякий случай знать, как быстро смогу пропить и выкурить свою будущую жизнь...

— Хорошо, — согласился Алексеев. — Хотя, скажу я вам, вопрос весьма и весьма странный. Вы первый, кто мне его задаёт.

— А я люблю задавать странные вопросы! — с вызовом сказал Сергей. — И жизни, и людям...

Алексеев промолчал, ввёл исходные данные алкоголя и никотина, и вдруг удивлённо захлопал глазами.

— Не бойтесь меня испугать! — потребовал Сергей. — Знание подобных вещей также входит в мои наполеоновские планы!

— Странно... — сказал Алексеев. — Кажется, моя безотказная аппаратура слегка захандрила... Впервые с ней такое... Сейчас мы всё повторим... — Он пощёлкал клавишами и переключателями, и медленно опустился в своё рабочее кресло.

— Я жду! — Сергей нетерпеливо глянул на приборы, ничего не понимая в их показаниях.

— Кому рассказать, не поверят... — с унынием в голосе проговорил обескураженный Алексеев. — Если вы будете в меру курить, то проживёте до ста двадцати лет. А если ещё будете и в меру пить — то даже до ста тридцати. Быть того не может!!!

— Ваши приборы сдурели, Павел Иванович! — рассмеялся Сергей. — А как же: пить и курить — здоровью вредить?!

— Это не про вас будет сказано... — с тем же унынием продолжил Алексеев. — Вы когда-нибудь слышали о сэре Уинстоне Черчилле?

— Что-то было такое в школьной программе... — Сергей наморщил широкий лоб. — Кажется, жил такой английский политик лет сто тому назад... Я не ошибаюсь?

— Да, жил. Он отличался нешуточным кревоугодием, страдал излишним весом, курил много дорогих сигар, любил марочные виски и коньяки, но, тем не менее, умудрился прожить девяносто один год. У медиков есть такой условный термин: «Ген Черчилля». Якобы, в теле некоторых людей присутствует такой ген. Если у обычных представителей человечества никотин и алкоголь гарантированно сокращают продолжительность жизни, то у носителей «Гена Черчилля» они её даже увеличивают... Сам я был знаком с подобными вещами лишь чисто теоретически, так что вы — это мой самый первый практический пример.

— Забавно... — Сергей уже сам отдирает от своего тела липкие датчики. — Значит, то, что для других смертельно, мне полезно?..

Алексеев лишь неопределённо пожал плечами.

Хорошо забытое старое

О фантастике, фантастах и немного о себе

В начале было слово. И слово было «Референт». Так была названа книжка про писателей, фактически документальная. Потом она растолстела вдвое и была названа «Судьба референта». Не исключено, в дальнейшем появится и «Ошибка референта» и (тьфу-тьфу-тьфу) «Конец референта».

«Хорошо забытое старое» — только и лишь о фантастах и фантастике... в той или иной степени. Выжимка, если угодно. Всё-таки «Полдень. XXI век» — альманах фантастики. Чужие здесь не ходят. Что показали многочисленные и многолетние премиальные церемонии. Но это так, к слову и не без пристрастия.

Самое простое — в алфавитном порядке. Типа — энциклопедия. Или скромней — энциклотура.

Другое дело, что люди-события-факты имеют обыкновение сталкиваться, перемешиваться и размывать границы. Как Инь и Ян. Как Сансара и Нирвана. Как любовь и ненависть. Как демократия и диктатура, наконец.

Что ж, значит, не всё так просто, даже если по алфавиту.

ЭНЦИКЛОТУРА

АНЕКДОТ

Анекдот — кирпич русской литературы.

А. С. Пушкин

БНС (Борис Натанович Стругацкий)

Борис Натанович Стругацкий — воплощённая деликатность!

Кто-то из соискателей на участие в его легендарном семинаре принёс толстенную рукопись на прочтение. С трепетом ждал оценки.

БНС одолел рукопись и вернул соискателю. Сказал с доброй улыбкой:

— Прodelана большая работа.

— Как?! И всё?! — не удовлетворился соискатель. — Вы посмотрите, здесь же больше трехсот страниц! Год, не отрываясь от письменного стола!

— Я и говорю, — подтвердил БНС. — Прodelана большая работа...

* * *

Все очень уважали критика Евгения Павловича Брандиса. А у Бориса Стругацкого случился юбилей. Драбанты решили поздравить его на дому. Он через «связного», Вячеслава Рыбакова, поставил условие: не больше получаса и не больше четырех человек.

Он об этом знает, драбанты об этом знают, но дипломатически играют в непосредственность.

— О, какие люди пришли!

— Да вот, проходили мимо и решили...

Ровно через полчаса драбанты смотрят на часы, переглядываются, мнутя:

— Ну, пора!

— Да что вы! — гостеприимно лицемерит Стругацкий. — Да посидите ещё!

— Нет, Борис Натанович! Извините, но вы разрешили только четверым прийти, а Евгений Павлович тоже не мог не поздравить, но он пятый. И он сказал: «Вы идите, а я вас в подъезде подожду, покурю пока. Только не задерживайтесь, а то холодно».

Стругацкий на минуточку остоленел. Представил субтильного и старенького Брандиса — на апрельской холодрыге, в подъезде, с обмусоленной сигареткой.

Драбанты хором бросились пояснять, мол, шутка!

— Драбанты вы, и шутки у вас драбантские!

* * *

Пришёл как-то Измайлов к Стругацкому и подарил давнему чаелюбу Борису Натановичу два специальных сосуда для употребления чая, специально вывезенных из Баку.

Стругацкий руками всплеснул и воскликнул: «Андрей Нариманыч! Вы меня обогащаете!»

Пришёл Измайлов от Стругацкого домой и сразу всё записал. Потом перечитал и решил последовать совету Стругацкого: «Андрюша, будьте кратки!» И верно! Сестра таланта всё-таки... Взял и вычеркнул всё лишнее, всяческие ненужные подробности. Вот и получилось:

«Пришёл как-то Измайлов к Стругацкому. Стругацкий руками всплеснул и воскликнул: “Андрей Нариманыч! Вы меня обогащаете!”»

* * *

Насобачился Измайлов расписываться, как Стругацкий. Из уважения к мэтру. Так ловко насобачился, что сам Стругацкий посмотрел, сравнил и говорит: «Да-а, похоже! Не отличить!»

А тут, в связи с Перестройкой и новыми веяниями, наградили группу ленинградских писателей государственными блямбами — орденами и медалями. Стругацкому досталась медаль «За трудовое отличие». Но, чтоб её получить, надо предварительно прийти в секретариат и где-то там в наградных документах предварительно расписаться. А медаль — потом, в торжественной обстановке.

Домосед Стругацкий звонит в реферятник Измайлову и говорит:

— Андрюша, у меня к вам просьба. Не могли бы вы... чтоб мне не тащиться.

А то!

И заходит Измайлов в соседнюю комнату, где сидит новенькая дамочка с кипой этих самых наградных бумажек, и бодро восклицает:

— Н-ну?! Где тут Стругацкий должен расписаться?!

И расписывается. И уходит обратно в реферятник.

И через стенку слышит восторженное-дамочкино:

— Ой, девочки! Представляете, сейчас приходил целый Стругацкий! Он та-акой молодой!

Как летит время...

* * *

Чуть позже Измайлов то ли схамил, то ли польстил мэтру в разгар жаркой публичной дискуссии о чём-то судьбоносном:

— Нет, вы всё-таки меня послушайте! Мне уже почти сорок, а вам ещё и шестидесяти нет!

Как, однако, время летит...

* * *

В десятилетие великих потрясений, вместо великой России, в девяностые годы прошлого века Борис Натанович Стругацкий неявно посетовал: почему журналисты спрашивают его всё про литературу, почему не спросят про политику?!

(Потом, позже, это, конечно, у мэтра прошло. И он каждое интервью предварял: «Вот только не спрашивайте меня про политику! Надоело!» Но тогда...)

...пришёл как-то Измайлов к Стругацкому и спросил про политику:

— Как вы, Борис Натанович, относитесь к интелло Новодворской?

— Это достойный человек! — высоко оценил Стругацкий.

— Ну вот! Почему тогда не Жириновский? Да, он не интель, он хам. Но — два сапога пара. Пусть по разные стороны баррикад. но... В одинаковой мере провокаторы, сходный темперамент, словарный запас (уничтожить, осиновый кол, сволочи). *Чем новодворская редька слаще жириновского хрена?!*

В кои веки Стругацкий не нашёлся с ответом.

* * *

Пришёл как-то Рыбаков к Стругацкому. А Стругацкий сидит и с редкостной импортной электроникой балуется.

— Вот, — говорит, — Славочка, какой полезный прибор у меня появился! Составляю программу, чтобы в слове было, например, не более семи букв, чтобы не повторялось более двух согласных подряд, включаю — и внутри начинается стохастический процесс. А на выходе каждые три секунды высвечивается абсолютно инопланетное имя методом случайного выбора букв!

Рыбаков дыхание затаил и ждет — время пошло!

И действительно! Через три секунды высветилось первое абсолютно инопланетное имя: МУДАКЕЗ. Латинскими буквами, разумеется.

Переглянулись Стругацкий с Рыбаковым и не стали дальше смотреть. Бедная фантазия у редкостной импортной электроники!..

* * *

Начинающий писатель Андрей Саломатов на одном из ранних *Сидорконов* удостоился чести наконец-то лично познакомиться с мэтром Борисом Стругацким. При той давней встрече писатель Андрей Саломатов крепко пожал руку мэтру и произнёс:

— Рад! Очень много про вас слышал!

* * *

Пришёл как-то Измайлов к Стругацкому. Тот и спрашивает:

— Напомните, пожалуйста! Вы ведь мне дарили свою книгу «Покровитель»?

— А как же! — честно признается Измайлов. — Не верите?!

— Верю, — мнётся Стругацкий, — и даже помню что-то такое. Но... нигде не могу её найти. Наверно, кто-то у меня её «зачитал».

— Я вам ещё одну такую же подарю! — щедро посулил Измайлов.

На обратном пути всё приосанивался Измайлов, приосанивался. Из личной библиотеки Стругацкого «зачитывают» книгу Измайлова! Эка!

Потом, уже дома, оглядел стеллаж, смирил гордыню. Из личной библиотеки Измайлова за годы и годы неизвестными был «зачитан» с десяток томов братьев Стругацких. А книги Измайлова — вроде, всё на месте.

И это правильно...

БРАЙДЕР И ЧАДОВИЧ

Брайдер-Чадович, да, соавторы. Но на все *коны* до определённого момента ездил Чадович (количество — один).

И спросил фэн Чадовича:

— Коля, тебя я уже хорошо знаю, а вот кто такой Брайдер? Ни разу не видел!

— Достали уже вопросами! — взрывается Чадович. — Брайдер — это двадцатилитровый жбан, с которым я хожу за пивом, а потом на пару с этим жбаном пишу романы.

Фэн принял за чистую монету. У писателей свои причуды.

А на *Волгаконе* пришёл определенный момент, и представляют тому фэну солидного мужчину в галстук: Юрий Брайдер.

— Как же так?! — искренне удивляется фэн. — А Чадович мне в прошлом году сказал, что брайдер — это жбан с пивом...

В углу тихо пискнул Чадович и споро выскользнул за дверь.

— Сейчас разберемся, кто тут у нас жбан... — сказал Брайдер и уверенно-медлительной походкой профессионального следователя направился вслед за соавтором.

* * *

Сон Брайдера рождает Чадович.

* * *

На *Волгаконе* вываливается из отеля «Турист» белорусский фантаст Николай Чадович. Погулять вышел, гм, проветриться.

Его тут же ловит милицейский наряд и обоснованно хочет припаять ему «оскорбление человеческого достоинства своим видом».

— Хана вам, мужики! — блажит Чадович. — Не знаете, кого замели! У меня соавтор — полковник милиции! — (что правда) — Можете сразу погоны снимать!

Заробели правоохранители — мало ли, вдруг действительно промашка вышла? И потащили Чадовича в его с Брайдером номер.

В номере, натурально, Брайдер — в состоянии, аналогичном соавтору.

— Юра, — тормозит Чадович. — Ты гляди, Юра, чего творится, а!

Брайдер разлепляет глаза, видит Чадовича между двумя блюстителем в форме, привстает, ухмыляется:

— Что, падла, попался, да?! Наконец-то!

Падает обратно, отворачивается к стенке и умиротворенно спит дальше.

* * *

На один из конов соавторы Брайдер-Чадович снова прибыли в количестве «один» и в качестве Чадовича.

— А где же Брайдер? — поинтересовались фэны у празднующегося Чадовича.

— Ему некогда, — ответил флегма-Чадович. — Ему к первому июня *мой* роман надо закончить.

* * *

Пьяный, но тихий, интеллигентный компьютерщик Александр Пирс на *Сидорконе* обижался на Николая Чадовича за то, что тот не хочет подарить книгу.

А у Николая Чадовича не было с собой. Нет — и всё. Тут он увидел на подоконнике случайный кусок доски, толщиной сантиметра три и размерами с книжку. И подарил. Другой, дескать, нет.

Пирс очень гордится этим подарком, только вот прочитать никак...

* * *

(В досыл!)

Пьяный, но тихий, интеллигентный компьютерщик Александр Пирс, ознакомившись с первой редакцией вышеприведенного текста, горячо и убедительно заверял, что упомянутый подарок Чадовича, то бишь книгу, он, Пирс, прочёл от корки до корки. Говорит, получил громадное эстетическое наслаждение!

ВИТМАН-ЛОГИНОВ

Прозаик Витман-Логинов после президентской победы Владимира Владимировича Путина внезапно вспомнил, что они, оба-два, учились в одной школе. Только Путин на год (соответственно, на класс) младше.

Вот его (Витмана-Логинова) рассказ:

В школе № 281, где я учился, развлечением номер один было обливать друг друга водой. Ну, в сортире открываешь кран, пальцем прижимаешь, направляя струю на входящего... И вот однажды я, уже десятиклассник, призер всесоюзной олимпиады... в общем, знаменитый на всю школу человек... захожу в «Для мальчиков» и — в физиономию струя! Воды.

Там, оказалось, дюжина девятиклашек кого-то ждали. Но явно не меня. Засмутились. Но и только.

А я бросился наружу. Взял в химическом кабинете шланг вакуумный. В коридоре подсоединил его к крану с питьевой водой. Приоткрыл узенькую щелочку — и шланг туда... Так что замочил всех, кто был в том сортире!

Сразу скажу: Володю Путина Я НЕ ПОМНЮ... Потому что он был всего лишь девятиклассником. Но он как бы должен помнить.

По старине Фрейду, случайных оговорок не бывает. И ныне президентское-знаменитое «мочить в сортире»... Ну, мочил я его, наверное, мочил... в сортире...

* * *

О реализме.

Сидит фантаст Витман-Логинов, пишет сельскохозяйственную фантастику. И вот есть у него в рассказе механизатор, который по пьяной лавочке тракторы топит в реке.

Сидит Витман-Логинов и думает: сколько же разрешить персонажу тракторов утопить — два или три? Два вроде маловато, три — не поверит никто...

Волгоградский Евгений Лукин сочувственно смотрит на его мучения и спрашивает:

— Слава, а сколько этот мужик на самом деле тракторов утопил?

Логинов тяжело вздыхает и говорит:

— Одиннадцать...

* * *

Как известно, Измайлов никогда не завтракает. А на очередном *Сидорконе* (см.) в столовке ему досталось место за столиком

с Витманом-Логиновым, который весьма прожорлив. Измайлов и сказал коллеге: «Повезло тебе, Слава! Можешь мой завтрак тоже съесть, я всё равно не приду». Сказал, но пришёл — просто так, просто заглянул на исходе завтрака. Смотрит — обширный и уже пустой зал, полсотни столиков с ещё не убранными обедами. И — Витман-Логинов, доедающий вторую порцию.

— Слава!!! — страшным голосом возопил Измайлов. — Как ты мог?!!

— Но ты же сам разрешил твой завтрак съесть... — виновато лепечет Витман-Логинов.

— Я тебе разрешил только мой завтрак съесть! — гремит Измайлов и обвиняюще поводит дланью по всему залу с обедами: — А ты что сделал?!!

ЗАРУБЕЖ

На *Росконе-2001* в подмосковном Боровом был пан Анджей Сапковский. Польский фантаст, славный серией романов о ведьмаке Геральте. Но славный ещё и неимоверной стойкостью к воздействию горячительного. Во всяком случае, каждый участник *Роскона* горячо убеждал, что лично пил с паном Анджеем на брудершафт.

Почетная грамота пану Анджею от оргкомитета *Роскона*: «Самому русскому из нерусских писателей».

Крылатая фраза Сапковского на *Росконе*: «Польская водка лучше, но там людей таких нет!»

На третий день конвента он заявил, что не настаивает на первой половине своего утверждения. И даже дезавуирует оное.

* * *

Американский классик-фантаст Гарри Гаррисон по приглашению поклонников приехал в Разлив на *Сидоркон-98*.

Измайлов спросил его:

— Как насчёт автографа?

— Легко! Что написать? На книжке-то?

— А просто имя-фамилию. Мою. По-английски. И — подпись.

Он так и сделал: «Andrey Is My Love! Да! Harrison».

Потом говорит:

— Это какую ты сделку с Богом заключил — за такую фамилию?!

— Каку-ую сделку?! — горячо возмущился Измайлов. — Он мне до сих пор так и не заплатил!!!

* * *

Один из фэнов весьма гордился тем, что в восьмидесятых годах пил пиво с Гарри Гаррисоном, когда тот приезжал в Москву. Андрей Николаев-Легостаев жутко ему завидовал.

А уже на излете девяностых приехал на один из конов Роберт Шекли, адекватный Гаррисону по легендарности.

И сидит в столовой Андрей Николаев-Легостаев сотоварищи. Пьёт сотоварищи пиво из фужеров.

Входит Роберт Шекли с женой, а свободные места (два) лишь за столом, где Андрей Николаев-Легостаев сотоварищи. Усаживается.

Андрей Николаев-Легостаев и Роберту Шекли пива бы налил, но всех заранее предупредили, что тому нельзя.

Однако пил же Андрей Николаев-Легостаев с Шекли! Рядышком ведь сидели! За одним столом!

Выходит Андрей Николаев-Легостаев из столовой и всем хвастается: пил пиво с Шекли!

Все уважительно и завистливо цокают.

Лишь отец-основатель *Сидоркона*, Саша Сидорович, педантично поинтересовался:

— А Шекли-то с тобой пил?

* * *

Был *Волгакон*. Под предводительством Бориса Завгороднего, официального «фэна номер один».

Много всяких понаехало. Зарубежных в том числе. Со всеми не перезнакомишься. Слышал Андрей Николаев-Легостаев краем уха, что с японцем хреново говорить — совсем по-английски не тянет, даже «дринк» без самурайского акцента произнести не может. Ну, кроме японца, тут куча своих-доморощенных.

Сидит Андрей Николаев-Легостаев у своих-доморощенных. По кроватям народ впритык жмется, а стаканов только два. Ждёт очереди, читает рукопись.

Из-за плеча кто-то спрашивает:

— Ну как, инт'ересно?

— Ничего, — говорит и оборачивается. Видит, сидит фэн. Может, из Казахстана, может, из Узбекистана, к их акценту Андрей Николаев-Легостаев ещё в армии привык. А на *Волгакон* к Боре Завгороднему кто только не приезжает.

Тут как раз стаканы подают.

— За Бор'иса? — провозглашает южный.

— С незнакомыми не пью! — говорит Андрей Николаев-Легостаев и представляется: — Андрей Николаев-Легостаев, Санкт-Петербург.

— Норихиро Ооно, — отвечает, — джапан.

Андрей Николаев-Легостаев только и выдавил:

— Так все же жалуются, что ты паршиво по-английски говоришь...

— Ну, п'рохо я говор'ю по-анг'рийски, п'рохо... — развёл руками японец.

Этот Ооно — профессиональный переводчик с русского...

И НЕМНОГО О СЕБЕ

В самом начале восьмидесятых Измайлов с повестью «Граждане квартирсыёмщики» навестил московский семинар молодых фантастов. С неясным, но трепетом предложил к обсуждению.

На удивление, всё прошло довольно гладко. Даже похвалили.

Когда «отстрелялась» вся м лодежь, слово взял глава семинара, замечательный писатель-фантаст Дмитрий Биленкин. Борода, курительная трубка, лукавинка, доброжелательность:

— У повести только одна беда: безнадежно устарела. Обратите внимание, ребята, всё действие происходит в коммунальной квартире. А где вы сейчас вообще найдёте коммунальную квартиру?!

Московская м лодежь закивала одобрительно. Автор понурился. Замечательный писатель-фантаст Дмитрий Биленкин!

* * *

А за пять лет до того, в 1981 году, Измайлов послал повесть «Граждане квартирсыёмщики» в популярный тогда журнал «Юность». В ответ получил бандероль. Отзыв:

«Мы ознакомились с Вашей рукописью. Повесть написана профессионально, сюжет выстроен оригинально, характеры выписаны сочно, проблематика заявлена актуально. Редкий случай, когда при чтении присланного текста мы получили большое эстетическое удовольствие! Желаем Вам дальнейших творческих успехов! Рукопись возвращаем. С уважением...»

Озадаченный Измайлов показал отзыв поднаторевшему издателю Бабенко:

— Виталик! Что бы это значило?

Поднаторевший Бабенко философски ответил:

— Что мы ещё знаем о формах отлупа?!

* * *

На очередном *Сидорконе* в Разливе (говорящее название!) вдруг случается вечер полностью халявного пива. Пей, не хочу! Главное, кружку свою не выпускай, а то — перехватят, обслынявят.

Измайлов идёт в сортир с полной кружкой в отставленной руке. Нервно теребит заевшую «молнию» над сантехникой. Потом оглядывает себя с ног до головы и философски восклицает:

— А на кой мне это промежуточное звено?!

...И медленно выливает пиво из кружки в унитаз. И таким образом удовлетворенный-облегчившийся возвращается к коллегам — продолжать застолье.

* * *

В Красноярске на встрече с читателями при большом скоплении оных дама-халда напористо спросила Измайлова:

— Вот вы вообще называете свои труды простенько: Литература (да, с большой буквы). Но это же детективы! Неужели вы всерьез полагаете, что...

Измайлов глазом не моргнул и проответствовал:

— В моём последнем романе есть, как минимум, десяток страниц непревзойденной прозы, которые безусловно признаны вершиной мировой литературы.

Переждал возмущенную публичную паузу («Каков наглец!»), пояснил:

— ...ибо я включил в свой текст отрывки из романов Достоевского «Идиот», «Братья Карамазовы», «Бесы», «Преступление и наказание», никоим образом их не закавычив.

Переждал недоуменную публичную паузу («Каков аферист!»), завершил:

— Впрочем, если читатель этого не заметил, льщу себя надеждой, что и остальной текст романа в какой-то степени соответствует уровню Федора Михайловича.

А собственно...

* * *

Глубокомысленный сын Измайлова спросил:

— Мам, а вот ты как, веришь в высший разум?

— Ну, в общем, да.

— Угу. Это папа, да?

Молодец, сынок!

ЛУКИН

Борис, ты не прав!

Игра «Что? Где? Когда?». Ныне ведущий — некто Борис Крюк. Вопрос знатокам. Вот вам четверостишие:

*Посмотри: встаёт цунами
Над скорлупками квартир.
Так, разделяваясь с нами...*

Угадайте последнюю строчку, которая в какой-то мере является известной фразой классика.

Знатоки полноценную минуту промучились версиями! Таки вырулили:

Красота спасает мир.

Но Крюк-то, Крюк! Он сказал: «Поэт-юморист Евгений Лукин написал...»

Впрочем, если Евгений Лукин — поэт-юморист, то Борюсик Крюк и впрямь ведущий интеллектуального шоу...

* * *

Волгоградский прозаик-фантаст Евгений Лукин, будучи в дурном состоянии духа, меряет шагами некий высокопоставленный писательский коридор, в котором случился ремонт и стоят заляпанные краской строительные кзлы, — туда-сюда, туда-сюда. И каждый раз, проходя мимо них (туда-сюда, туда-сюда), сладострастно шипит им: «Коз-з-злы! Коз-з-злы!» Впрочем, и не им, быть может...

* * *

Волгоградский Евгений Лукин идёт себе по улице вместе с женой и соавтором Любой Лукиной. И видят они на мостовой белесую густую лужу. Явно какой-то неудачник банку со сметаной выронил.

— Инопланетянина кончили! — комментирует прозаик.

— Инопланетянин кончил! — поправляет соавтор.

Фантасты, блин...

* * *

Прозаик Лазарчук не только в своих книжках любит всяческие стрельялки. В домашнем обиходе у него масса всяческого декоративного, а также функционального оружия. И он его довольно часто использует по назначению. В частности, уподобясь Николаю Второму Кровавому, на дух не выносит ворон. То и дело палит в них с балкона из пневматической стрельялки, точной копии закордонной снайперской винтовки. Хлебом не корми — дай пришибить вещьцу птицу, пока не накаркала!

И вот волгоградского прозаика Евгения Лукина привечают в доме Лазарчука — сам хозяин, жена хозяина, земляк хозяина

(прозаик Михаил Успенский), ну и оказавшийся тут же Измайлов. Хлебом кормятся, солью. И не только. Беседуют талантливо.

Вдруг Лазарчук, бросив прищур за окно, вскакивает. Хватает со стены снайперскую винтовку. Споро облакачивается на подоконник, выцеливая и выцеливая... м-м... цель снаружи, на улице. Жмёт на курок. С первобытным восторгом восклицает: «Есть! Попал!» И возвращается в кресла, оставив стрелялку.

— Что это было? — спрашивает Женя Лукин с обычным для него застенчивым испугом.

— Да так, — флегматично просвещает Измайлов, — Кеннеди прилетели...

* * *

Очевидно, приведённый выше эпизод и подвигнул Лукина на создание двенадцатистишья, приведённого ниже.

*Когда я вижу, что на мой балкон
опять нагадил некий Голубь Мира,
а может быть, и вовсе Дух Святой,
к чему гаданья: он или не он
сейчас воркует с нежностью эмира,
пленённого невольницей простой?
Когда он, ясно видимый отсель,
то тянет шею типа Нефертити,
то делает из бюста колесо,
я навожу пневматику на цель,
а там — летите, пёрышки, летите
и передайте Пабло Пикассо,
что он — неправ.*

Как всегда у Лукина, талантливо.

Но талант и гений — всё же разные весовые категории.

Сам Женя с обычным для него застенчивым испугом и рассказывал в кругу друзей, как решил прочитать стишок Михаилу Успенскому:

— Миша, хочешь послушать, что я про голубей написал?

— Ага! Тем более, я тоже про них написал.

— Тогда сначала давай ты своё.

Успенский озвучивает:

— Гули вы, гули!

Хули вы, хули?!

Ну, я понурился и не стал читать ему своё...

Да уж! Талант и гений — почувствуйте разницу!

* * *

Волгакон-2001. Одолеваемый фэнами-интервьюерами, Евгений Лукин на ночь скрывается с женой на покой — ложе ждет! Но появится через полчаса:

— Не могу! Кошмары! Так и чудится, что ворвутся фэны с микрофонами и деловито спросят: «Вот вы сейчас, в данный момент, выполняете супружеский долг. Что вы при этом чувствуете?»

* * *

Волгоградский Евгений Лукин пишет очередной замечательный роман, а заодно мельком увековечивает друзей, раздавая их фамилии персонажам. В частности, минского прозаика Николая Чадовича.

A Word, зараза педантичная, подчёркивает красным неизвестное ему буквосочетание *Чадович* и — предлагает варианты.

Собственно, вариант лишь один:

чадо ВИЧ

* * *

Волгоградский Евгений Лукин назвал земляка Синякина гением оговорок.

Земляк Синякин сказал:

— Пишу и не верю своим словам!

А ещё сказал:

— Издай меня, боже!

* * *

На очередном каком-то Конвенте фантастов писатель-мент Синякин идёт по коридору.

Из-за угла навстречу — женщина в состоянии «графиня изменившимся лицом бежит пруду». Проносится мимо, исчезает в перспективе.

Писатель-мент Сергей Синякин профессионально мобилизуется. За тот угол, откуда выметнулась женщина, заворачивает уже настороженно.

А там, за углом, у распахнутой двери своего номера — интеллигентный и смущенный земляк-волгоградец Евгений Лукин.

— Ты её видел? — спрашивает Лукин.

— Видел.

— М-м... Я был не очень бестактен?

* * *

Роскон-2002 происходил в роскошном подмосковном пансионате — мраморный холл, декорный бассейн, пальмы, бар с зеркалами.

Критик Шмалько на первых же минутах Роскона выбрал высокий табурет у стойки бара, уселся и, такое впечатление, пробыл на нём до последних минут Роскона. Уверял коллег, что нашёл некую мистическую точку, где пересекаются астральные поля, потому в этой точке наливают и преподносят на халяву.

И действительно! Критику Шмалько то и дело наливали и преподносили — на халяву. Уже к исходу первых суток он сидел абсолютно недвижим и спящ. Вскидывался только для принятия очередной халявной дозы. И снова — недвижим и спящ.

Волгоградский Женя Лукин, бывший в компании за дальним столиком, посматривал на Шмалько, посматривал, а потом задумчиво изрёк:

— Вот так этот пансионат и построили. Сначала на табурет посадили Шмалько. Потом пристроили к нему стойку бара. Потом возвели стены и потолок, облицевали мрамором, выкопали бассейн...

* * *

Волгоградский Евгений Лукин, беседуя о том и о сём с Измайловым, уловил в его речи слово *априори*. Воздел палец и молвил:

— Красивая грузинская фамилия — Априори!

Измайлов тут же воздел палец и молвил:

— Да, Женя. Априори — красивая грузинская фамилия. Но самая красивая грузинская фамилия, это фамилия — Фамилия.

Евгений Лукин испытал острый приступ белой зависти, но согласился.

* * *

Волгоградскому Евгению Лукину исполнилось пятьдесят лет.

Измайлов тут же спросил:

— И как теперь тебя называть? Этот могучий старик? Или — этот старый пердун?

Юбиляр тут же ответил:

— Этот могучий пердун!

Что, впрочем, напрашивалось...

ПЕРЕПИТИИ-ПЕРИПЕТИИ

Всю жизнь (литературную) Измайлов кичился абсолютной грамотностью.

И только обретя последний Word, который подчеркивает красной линией ошибки, с удивлением обнаружил Измайлов,

что всю жизнь (литературную) писал одно слово с ошибкой. Сначала даже не поверил компьютеру, несколько раз перезагружал. И лишь забравшись в кои веки в орфографический словарь, убедился, что такое ёмкое и значащее (чисто писательское!) слово, как перепитии, пишется **перипетии** — от греческого *внезапная перемена в жизни*.

И всё-таки древние греки не правы, менее правы, чем Измайлов. Для внезапной перемены в жизни более подходит — **перепитии**. Полагаю, коллеги по всей жизни (литературной) Измайлова поймут и поддержат.

* * *

Шли как-то семинаристы Стругацкого очень поздним вечером от Дома Каралиса после заседания. Запнулись у станции метро «Василеостровская» — мол, ещё по пиву? И стоят, посасывают пивко, говорят интеллигентно про судьбы отечественной литературы.

Тут, откуда ни возьмись, как по команде «Плюс!» из киношного «ТАСС уполномочен заявить», обрушиваются блюстители порядка в полной омовской экипировке, окружают:

— Пр-ройдёмте!

— Позвольте, — качает права Измайлов, будучи относительно прямоходящим, — а в чём, собственно?..

— Вы оскорбляете своим видом человеческое достоинство. Статья такая-то, пункт такой-то, подпункт такой-то.

— Ай, бросьте, парни! — миротворствует Измайлов. — Бандитов ловили бы, что ли! Нас-то зачем?

— А вы-то можете быть свободны, — тушуются блюстители, почуяв юридическую подкованность оппонента. — Мы их (то бишь всех) забираем, а вы идти, вы трезвый!

— Это я-а-а трезвый?! — оскорбился Измайлов. — А ну пройдем! Куда тут у вас, где?! В смысле, пройти. А н-ну пошли! Пошли-пошли!

Ну, пошли...

Потом всех отпустили, обязав завтра принести и подарить по своей книжке с автографом.

Назавтра обязательный Измайлов обзванивает семинаристов:

— С вас по книжке! С автографом.

— Почему это?!

— Потому что! Ментам. Помните?

— Нич-чего, — отвечают, — не помним! Ни бум-бум. А что было-то?

На нет и суда нет. Так и остались блюстители без книжек с автографами....

* * *

Шли как-то семинаристы Стругацкого очень поздним вечером от Дома Каралиса после заседания. Задержались у ларька попить пивка, чтобы подольше не расставаться. Проговорили часа полтора о фантастике и о жизни. Кому-то приспичило по нужде — он свернул в ближайшую подворотню. За ним, естественно, потянулись остальные. А там длинный туннель, облицованный мелкой коричневой плиткой, ведет в укромный двор.

Оправившись, возвращаются на проспект. Кроме одного из них, который застыл посреди туннеля и недоумевает: ‘

— Что за станция метро? Никак не узнать!

* * *

Наутро писатель Коля Романецкий деликатно обзванивает вчерашних героев *party* в Доме Каралиса: живы? дома? нет? И попадает на жену одного из героев! Которая уличает:

— Так и ты с ними вчера нарезался?!

— Нет! — отрещивается Романецкий. — Я был за рулем!

— Ах, ты их ещё и развозил?! — по-женски логично обвиняет жена героя.

— Нет! — пуще прежнего отрестился Романецкий. — Их развезло без меня!!!

* * *

Бывший красноярский, а ныне питерский фантаст Сергей Федотов позвонил бывшему менту, а ныне питерскому прозаику Андрею Кивинову. Как коллега коллеге:

— Вы мне должны помочь!

— Чем?

— У меня менты удостоверение писательское отняли. Надо его как-то вернуть. А то какой я без удостоверения писатель!

— Гм!

— Никакой! Удостоверение нужно! Вы, как бывший мент, должны помочь, по своим бывшим связям...

— Гм! А при каких обстоятельствах?..

— А мы с другом сидели у него дома, *отдыхали*. Тут ведьма из стены прыгнула, другу в шею впиалась и жизнь из него высасывает. Я сразу в ментовку звоню: так и так, ведьма, дру-

ган... Они меня послали. Я тогда снова звоню, говорю: у неё мешок с гексогеном! Ну, они сразу приехали. А ведьма та сразу прыг сквозь стенку, в соседнюю квартиру. Менты мне: где гексоген?! А я: при чём тут?! ломайте дверь в соседнюю квартиру! там ведьма!.. Они мне — по морде. Нет, ну я не в обиде, я на зоне вырос, это дело для меня привычное. Но удостоверение пусть отдадут!

— Гм! А вы уверены, что они, то есть менты, его забрали?

— Да хрен его знает! Может, и ведьма...

...Не помог бывший мент Кивинов бывшему красноярскому фантасту Федотову. При всём желании...

* * *

Член номинационной комиссии Андрей Чертков на *Сидорконе-97* в первый же день основательно *отдохнул*. В итоге проспал голосование. Вечером приходит в бар и громогласно заявляет:

— Всё, водки больше ни глотка! Работать надо. Да и Ютанов (непосредственный начальник) запретил. Я ему поклялся: водки — ни капли! — Подумал и с пафосом добавил: — Но пиво — не водка. Его я не пить не обещал, да и не напьюсь я с пива.

Ошибся он — про «не напьюсь».

На следующий день в баре Андрей Чертков громогласно заявляет:

— Пива — ни капли! Дайте мне джин-тоник.

На четвёртый день непосредственный начальник Ютанов представил Черткову всеобъемлющий список напитков, которых тому не рекомендуется пить на *Сидорконе*. В список, на всякий случай, были включены кумыс, чача, сакэ и дорогой коньяк «Курвуазье».

* * *

Андрей Чертков:

— А можно, я налью себе ещё... чаю?

— «Не чай он там пьет»...

— Ну, кофе. Ну, с коньяком. Ну, забыл я кофе налить, ну и что?!

* * *

— Ты тоже хороший п-писатель! Давай с тобой вып-пьем на эшафот!

ПРЕМИАЛЬНОЕ. СУЕТА СУЕТ

Фантаст Вячеслав Рыбаков получил Государственную премию за сценарий фильма «Письма мертвого человека». Приехал из Москвы с триумфом и блямбой на лацкане.

— А сколько денег-то дали?!

— Триста двадцать рублей! — гордо сказал лауреат.

— Это что же за государство такое, у которого такая государственная премия?! — приуضاхнулся московский прозаик Борис Руденко, бывший тут же, в Питере.

* * *

В Красноярске на конгрессе фантастов торжественная обстановка — полный зал и вручение призов за успехи на творческой ниве: «Меч в камне», «Меч в зеркале», «Меч в жопе»...

На сцене важно сидят писатели — предполагаемые лауреаты и те, кому ничего не светит, но всё равно писатели. А Измайлов скромненько в зале сел — он не фантаст, он как бы детективщик, он вообще называет свои труды простенько: Литература (да, с большой буквы).

Объявили всех лауреатов, раздали всем сестрам по мечам. Как бы всё.

И тут вдруг главный спонсор говорит:

— И ещё мы хотим вручить премию «Самому читаемому писателю» — по итогам беспристрастного опроса населения всей Западной и Восточной Сибири... Мечей у нас уже нет, все розданы. Потому премия — денежная, в конверте. Премия! Вручается! Измайлову!

Не думал, не гадал он, никак не ожидал он такого вот конца, такого вот конца.

И никто из коллег-недоброжелателей не думал, судя по шипению за спиной, когда новоиспеченный лауреат на сцену из зала поднялся, чтоб конверт получить.

И даже никто из коллег-доброжелателей не думал, судя по радостным вопросам: «Что ж ты с такими деньгами теперь делать будешь?»

Что-что!

— А скока все эти *ножики* стоят? — с нарочитой новорусской гнусавостью осведомляется лауреат о «Мече в камне», «Мече в зеркале», «Мече в жопе». И купюры из конверта отслюнивает.

Впрочем, на кой ему мечи (тем более в жопе)?!

— Пропьём, разумеется! Всем конгрессом!

— Ур-р-ра!

Никакое не «ур-р-ра!». Не удалось окончательно пропить премию. Даже всем конгрессом.

Пришлось лауреату некоторую часть (правда, малую) домой привезти.

На первое время хватило. На три месяца.

* * *

А таки самой пользительной читательской хвалы удостоились Измайлов с Витманом-Логиновым, будучи приглашены в Великий Новгород на «Книжкину неделю». Даже не как прозаики удостоились, а как мастера разговорного жанра.

За неполный световой день — пять выступлений в разных местах. Одно из мест — кинотеатр, битком набитый тинейджерами. Им, тинейджерам, сказано: шас вам за бесплатно покажут новейший блокбастер (то ли «Гарри Поттер», то ли «Человек-паук-3»), но перед сеансом полчаса придётся выслушать писателей, гостей из Питера.

Предстали Измайлов с Витманом-Логиновым.

Публика. Два микрофона. Позади белый экран.

Чтоб они потом вспомнили, на какие вопросы и как отвечали! Но полчаса пролетели... Миледи-распорядительница с первого ряда мимикой и жестами сигнализирует: вы, конечно, очаровательны, но будете просто бесподобны, если уйдете... а то на следующую лекцию уже опаздываем.

Говорун-Измайлов витиевато закруждает тинейджерам: вам и нам вместе было дико интересно, однако не хотелось бы вас всех лишать удовольствия от просмотра новейшего блокбастера, который вот-вот начнется, да и нам пора.

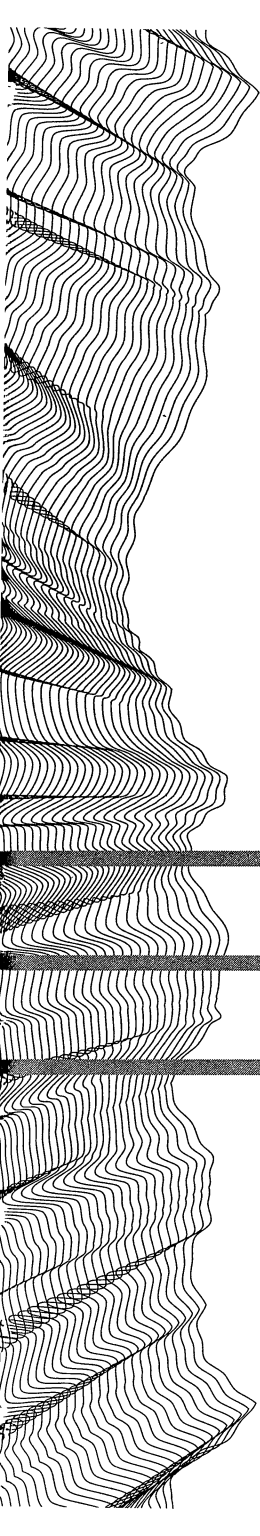
И девулька-тинейджер тянет руку так, что ей просто невозможно отказать.

— Ладно! Последний вопрос! Вот вы!

И девулька-тинейджер заливчато:

— А может, забьём на фильм?!

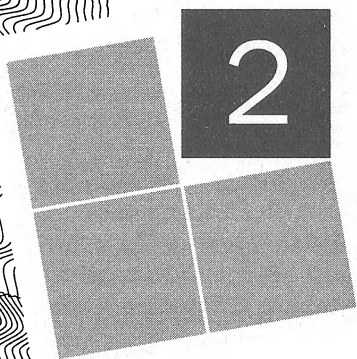
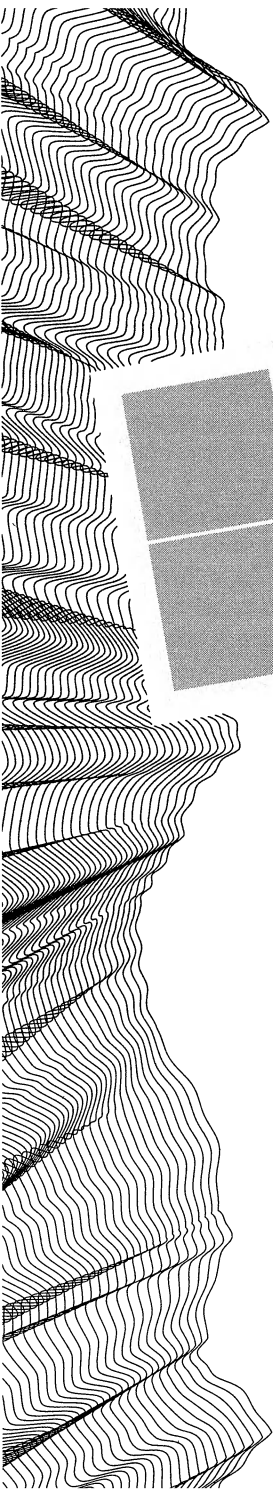
Искупались в овациях...

Личности

Идеи

Мысли

ВАЛЕРИЙ ОКУЛОВ

Доказательство аксиомы

(Пять «фантастических идей» из старого рассказа)

*Охотников так и застрял, топчась
на тесной свалке автоматических
тракторов, угольных комбайнов и
подземходов*

Из очерка Яна Разливинского

Советскую научную фантастику конца 40—начала 50-х годов ругать легко и приятно — есть за что! Гораздо труднее (но еще приятнее) обнаружить хоть что-то стоящее внимания и сейчас. Вот, например, «Автоматы писателя» (1947), десятистраничный рассказ Вадима Охотникова шестидесятилетней выдержки ...

Центральный персонаж его — изобретатель — чувствует «призвание стать писателем». Друзья-литераторы отговаривают его: «Вы думаете, это легко? Это вам не машины изобретать... В литературной деятельности столько неясностей...» И точно: очутившись перед листом чистой бумаги, изобретатель приуныл — «тянуло написать отчет “К вопросу о псевдо-параметрическом резонансе в четырехплюсниках при неустановившемся режиме контуров”...»

«О чем, собственно, я буду писать? Вот говорят, что существуют в литературе художественные образы. Что это за образы такие?...» А тут еще (не забудьте — 1947 год) с пера «сползла капля чернил, и на рукописи образовалась клякса»... Изобретатель решает: «Нужна автоматическая ручка, очень совершенная!» Вот и идея № 1: «специальная ручка».

Цитата: «Мне удалось добиться, чтобы ручка содержала в себе такое количество чернил, которого хватило бы по крайней мере для написания “Войны и мира”».

Развитие идеи: с позиций сегодняшнего дня и «фантастики» — то нет никакой, подумаешь... Да только вот советские школьники

даже в начале 60-х писали перьевыми ручками, макая их в чернильницы-непроливайки... А вспомните «Ручечника» из фильма «Место встречи изменить нельзя», сколько стоил тогда хороший «паркер»? (Кстати, сегодня хороший «Parker» или «Waterman» стоят не дешевле.) Выпускали одно время шариковые ручки большой емкости, но даже ее бы не хватило на «Войну и мир»... Да и зачем? Другие уж давно технологии и приемы!

Довольный изобретатель «снова уселся за письменный стол», но дело все равно не пошло: «мысли обогнали перо, запутались и превратились в невероятную кашу». «Рука не успевает за мыслями...» — отсюда идея № 2: «специальная машина (писательский диктограф)».

Цитата: «...Очень усовершенствованный звукозаписывающий аппарат. Вот я рассказываю по комнате и излагаю свои воспоминания вслух. Чувствительный микрофон улавливает мою непринужденную речь, а аппарат записывает ее на пленку...»

Развитие идеи: даже тогда особой «фантастики» в этом не было, хотя до появления в СССР бытовых магнитофонов оставалось немало лет... Несомненно, самые известные «магнитофонные воспоминания» оставил «наш дорогой Никита Сергеевич», но гораздо популярнее была «магнитофонная поэзия» Владимира Высоцкого!

Проходит испытание прибора: «Говорил я, как мне казалось, чрезвычайно красиво. Рассказывая по комнате, я ударял себя в грудь кулаком, а в конце своей речи даже слегка прослезился. Мне показалось, что я... создал гениальное произведение!» О, каково было разочарование «спикера», увидевшего продиктованное перепечатанным на машинке! «Диктограф» остается только подарить писателю С., известному выступлениями на тему, как надо писать, но самому почти ничего не написавшему...

Воображение изобретателя рисует более совершенную машину — без капризной машинистки! Вот и идея № 3: «анализатор речи».

Цитата: «В огромных шкафах были расположены громоздкие звуковые анализаторы. Каждой букве соответствовал свой звуковой фильтр. Стоило произнести перед микрофоном букву [звук! — В. О.], как аппаратура приводила в действие соответствующую клавишу пишущей машинки».

Развитие идеи: все так и осталось фантастикой, сначала из-за сложности анализа, а потом наука и техника пошли другим путем... Анализаторы речи (и совсем не громоздкие) японцы явили миру в конце прошлого века, но не для печатания текста на слух... Может, вскоре появятся компактные трансляторы-переводчики...

Опять «но» — «машина писала совершенно безграмотно»; ведь и люди пишут не так, как выговаривают слова! Даже усовершенствование не помогло, пришлось подарить ее писателю Г., создателю огромного количества произведений, которые почему-то никто не хотел читать...

Полгода изобретатель работает над идеей № 4: «мыслеснимателем».

Цитата: «Это подлинное чудо. Здесь соединены новейшие достижения радиотехники, телемеханики, автоматики и электрофизиологии... В специальном кресле располагается писатель... На голове — металлический колпак, от которого тянутся завитушки проводников. Такие же провода прикреплены к рукам и ногам творящего автора... Четырнадцать шкафов, наполненных электронными лампами, прекрасно справляются с этой задачей. Мои мысли легко превращаются в четко напечатанный на машинке текст».

Развитие идеи: хотя это еще не самая фантастическая из пяти идей, но многократно обыгранный в фантастике «мыслесниматель», похоже, так в ней и останется! Уж очень много проблем возникает при разработке даже отдаленного подобия. Пусть все они будут решены, но зачем «мыслесниматель» нужен? Контрразведка обходится пентоталом натрия...

А у изобретателя очередная неудача: «Мои воспоминания... Не село бы напряжение в сети... О каких таких воспоминаниях я, собственно, собираюсь написать? Начну так: «Взирая на тихое Черное море...» Нехорошо... Как же написать? Жмет этот дурацкий колпак на голове!..»

«Мыслепечатающий аппарат» приходится подарить драматургу Н. Восхищенные врачи («Какие огромные достижения! Весь мир потрясен!») находят у изобретателя «страшное переутомление» — подкосила здоровье жестокая писательская неудача... А вот изобретения даром не пропали: писатель Г. увеличил свою производительность настолько, что ему самому стало противно, и он неожиданно бросил писать; на сцене появилась замечательная пьеса, задуманная во сне драматургом Н.

Неудавшийся писатель, найдя на прогулке птичье перо, размышляет: Пушкин, Лермонтов, Гоголь писали гусиным пером, и получалось у них неплохо... «Не в механизмах все-таки, видно, здесь дело, а в способностях и в упорном труде. А что, если попробовать этим пером?» — так «и появилось это краткое повествование, написанное и переписанное 36 раз...» Не гусиным, самым обыкновенным пером.

Вот и идея № 5: важнее всего для писателя талант и труд! Когда-то она была совсем реалистичной (аксиомой), сейчас же стала самой «фантастичной» из всех! Талант — он только мешает! Труд? Ну да, чем больше текстов набьешь, тем больше получишь! Переписывать 36 раз? Лучше 36 текстов выдать! Сочинителей текстов, авторов, беллетристов в наше время не счесть, а вот писателей совсем мало...

Кем был автор анализируемого рассказа Вадим Дмитриевич Охотников — вопрос, конечно, интересный... В Союзе писателей он состоял, удостоился двадцати строк в советской «Краткой литературной энциклопедии» (1968), но вот в российско-белорусской «Энциклопедии фантастики» (1995) «выведен на чистую воду»! «НФ книги О. представляют собой слабо беллетризованную популяризацию собственных инженерно-тех. идей автора» — таков приговор потомков!

Основания для такого заключения есть — если сравнивать книги Охотникова с книгами Стругацких или Ефремова. Но правомерно ли это?

Рассматривая творчество Охотникова в контексте послевоенного времени, резюме «КЛЭ» гораздо ближе к истине: «Науч. фантастика О. своеобразно реалистична, ее технические идеи обычно ненамного опережают действительность». А что это к тому же и литература, подтверждали рецензии небезызвестных (хотя бы тогда) В. Шкловского и Г. Ленобля в «Новом мире»...

Один из мэтров советской фантастики Г. И. Гуревич не раз приводил в своих воспоминаниях примечательные слова офицера-артиллериста, услышанные на одной из встреч с читателями: «У нас в армии есть артиллерия ближнего боя, есть артиллерия дальнего действия. Мы применяем ту и другую, в зависимости от цели. Они выполняют разные задачи, но обе нужны». К сожалению, в начале 50-х директивно поощрялась только фантастика «ближнего боя», и не случайно Гуревич, обожающий все систематизировать, периоду советской НФ 1946—1953 годов дал название по сборнику Охотникова — «На грани возможного». Несомненно, это был звездный час для автора многих запатентованных изобретений в области радиотехники и звукозаписи, попытавшегося стать писателем: «профессиональный изобретатель, он и писал о том, как интересно изобретать».

«Больной сердцем», прожил заслуженный деятель науки и техники БССР В. Д. Охотников (1905—1964) немного, был похоронен неподалеку от могилы Александра Грина в Старом Крыму. Что время его ушло, он понял сам... После 1957 года новых произведений Охотникова не появлялось...

Советская поэзия как особое мифологическое пространство

Предлагаю в данной статье рассмотреть феномен советской поэзии с точки зрения наличия в ней фантастических и мифологических образов. А далее, исходя из материала, доказать, что стиль, преобладающий в советской поэзии, претендует на то, чтобы называться не «социалистический реализм», а «социалистический (пролетарский) мистицизм». А по сути — еще одно ответвление столь разнопланового и своеобразного явления, как фантастическая литература.

Советская идеология представляла собой самодостаточную замкнутую тотальность: страна — осажденная крепость, всюду враги, капиталистическое окружение. Борьба ведется не на жизнь, а на смерть: две политические системы не могут быть объединены, а значит, представляют собой типичную антиномию, дихотомию; одна из сторон — «свет», вторая — «тьма». Помимо этого, была сильно развита «агиографическая» традиция, описание жития вождей. Соответствие биографий вождей законам этого древнего жанра, где принято, чтобы святые совершали различные чудеса, в условиях господства марксизма, материалистического мировоззрения, следует признать парадоксальным, но это соответствие действительно существовало. И особенно сильно оно проявилось в поэзии.

Элементы мистики в советской идеологии были обусловлены древней приверженностью России к мистическому стилю мышления. — Религия, «опиум для народа», была отброшена, но массовый менталитет всегда изменяется медленнее, чем происходят социальные

перевороты. Стратегическая цель была поставлена — построение коммунизма в отдельно взятой стране, потом во всем мире. Строгое научное мировоззрение описало и объяснило окружающую действительность. Но для традиционного стиля мышления всегда необходим конкретный идеал, зримый, чувственный образ, настоящая Личность, которой хотелось бы подражать, поклоняться. Ленин, умерший уже через шесть с небольшим лет после Октябрьской революции, идеально подошел на эту роль. Именно он был помещен в мавзолей, в соответствии с архаическими представлениями о бессмертии души. Советская пропаганда неоднократно подчеркивала, что «Ленин всегда живой»; даже партбилет за номером 001 всегда выписывался на его имя. Следовавшие после Ленина вожди, не претендуя, конечно, сравняться с ним, все же пытались представить себя как его инкарнации, воплощения («Сталин — это Ленин сегодня»). Естественно, никто не воспринимал подобных поэтических утверждений буквально, но на символическом уровне это была истина, не допускавшая сомнений.

Огромное влияние на формирование образов вождей в СССР оказал типовой мифологический персонаж — культурный герой. Это законодатель, основатель, преобразователь культуры, который учит людей новым ремеслам, культурным благам, одомашниванию животных, земледелию, строит города, приносит огонь, знания о новых богах, новом мироустройстве, новых обрядах и обычаях. Подобный тип героя есть практически в любой мифологии мира, он является своеобразным «архетипом», который принимается людьми и на сознательном, и на бессознательном уровне. Образы советских вождей, если их рассматривать в контексте пропаганды, в контексте традиций соцреализма, безусловно имели основные черты культурных героев.

В основном, конечно, литература о Ленине представляла собой обычные славословия. Наиболее же интересных результатов достигли те из писателей и поэтов, кто вышел из среды народов, еще не забывших шаманство, язычество, мифы своих предков. Используя наработанные приемы культа языческих богов, эти литераторы разом вознесли Ленина на небеса, сделав главным божеством пролетарского пантеона. Постепенно, с ростом влияния в партии Сталина, соцказак несколько расширился. Ко второй же половине 30-х годов образ «стального вождя» едва ли не затмил собою самого Ильича.

Художественная литература в советское время была одним из важнейших видов пропаганды. Поэзия же представляет особый интерес для нашего анализа, поскольку функция ее в том, чтобы создавать в сознании читателя специфическую, полную символических образов, картину мира. Поэзия формирует некоторую отрешенность от бытового восприятия вещей; не только содержание, но и

форма имеет значение: ритм стиха, рифмованные строки, повторы оказывают воздействие подобно магическим формулам, заклинаниям. Кроме того, данный вид творчества сильно влияет на детей, на развитие их мировоззрения — поэтому существовало очень много стихов о вождах, написанных специально для детей. Таким образом, цели, которые преследовались властью при поощрении подобного вида искусства, очевидны — воспитание народа в духе поклонения и подчинения.

Предлагаем выборочный анализ поэзии советского периода, посвященной двум вождям — Ленину и Сталину. Были использованы, кроме произведений русскоязычных авторов, переводы с украинского, мордовского, сербского, казахского, армянского, грузинского, черкесского, лезгинского, ногайского, узбекского, киргизского, крымско-татарского, кабардинского, ненецкого. По мере анализа образуется некий целостный фантастический гипертекст, виртуальная литературная реальность, мифологическое пространство со своими законами и особенностями.

«Мне отец недаром в детстве говорил:
— Лето юкагирам Ленин подарил». [1, с. 66]
«Ой, горит, играет солнце в светлых каплях рос!
Этот свет, тепло и солнце Сталин нам принес». [5, с. 31]

Вожди предстают здесь перед нами как своеобразные демиурги, сверхъестественные существа, повелевающие природными стихиями, почти как благосклонные языческие боги, приносящие людям в дар хорошие климатические условия. Вожди, таким образом, представляют собой явление глобального, вселенского масштаба. Они встают в один ряд с Брахмой, Яхве, Ахура-Маздой и прочими богами-творцами. Заказ на подобные произведения не мог не появиться в советском обществе: был необходим заменитель религии, необходимо было удовлетворить людскую потребность хоть во что-нибудь верить, потребность в верховном защитнике, в Сыне Неба.

«По-иному светит нам солнце на Земле:
Знать, оно у Сталина побывало в Кремле». [5, с. 29]

Солнце — традиционный языческий мифологический атрибут — является лучшим другом и соратником вождей, исполняющим их волю. Налицо благотворное мистическое перерождение светила: оно уже никогда не будет прежним, познакомившись с самим Сталиным. Отменяются солярные боги наподобие славянского Ярила или египетского Амона-Ра — теперь они подчиняются отцу народов.

Или вот еще вариант.

«Пришел он, горы раздвигая,
Подобный солнечным лучам...
Но солнце только днем сияет,
А Ленин вечно светит нам!» [1, с. 73]

Вожди как явления космического масштаба могут быть не только распорядителями погоды, но и самостоятельно заменять светила на небосклоне. Скорее всего, виртуальный Ленин мог бы, как молодой Кришна, поднимать горы, повергая всех в религиозный трепет.

«...Или впрямь не стынет солнце белою зимой?
Это светит наше солнце — Сталин наш родной». [5, с. 31]

Отождествление правителя с Солнцем известно человечеству с древнейших времен: например, в Египте фараон считался в разное время или сыном бога Ра, или даже самим Ра. А Эхнатон даже пытался ввести монотеистический вариант религии, где единственный бог — Атон — был олицетворением Солнца. Король Франции Людовик XIV имел почетный неофициальный титул — Король-Солнце. Пролетарская культура, социалистический реализм претендовали, как мы знаем, на оригинальность и самобытность, но в ходе подробного разбора вполне стандартных (с точки зрения культуры советского периода) поэтических текстов легко увидеть, что в них сплошь и рядом встречаются заимствования архетипических образов.

Вожди предстают перед нами как самые настоящие мифологические культурные герои, избавляющие от трудностей, дающие новые знания, устанавливающие новые порядки в обществе.

«Карандаш и книгу дал нам Ленин,
Он свои заветы нам оставил.
Вот когда мы стали жить светлее,
Словно горы к солнцу вырастая!» [1, с. 155]

Стоит обратить внимание на использование вполне христианского слова «завет» в данном тексте; а также на использование стандартной, позаимствованной из русской народной пословицы оппозиции «свет — тьма» в значении «ученье — неученье».

«Но Ленин и Сталин — батыры земли
Пришли и Октябрьские зори зажгли». [5, с. 76]

Здесь налицо параллель с одним из любимых мифологических героев советских времен — Прометеем, добывшим для людей огонь.

Вожди выглядят как отцы, учителя жизни; все остальные — просто неразумные дети рядом с ними. Образ отца большого семейства, патриарха также издревле сопутствует представлению масс о правителе государства, точнее, о том, каким он должен быть. Советские люди также программировались на отношения в духе патернализма, на подчинение мудрому отцу.

«Как вокруг дуба молодежи не видать конца,
Так и мы вокруг Сталина — дети вокруг отца». [5, с. 29]

«Он видел на десятки лет вперед,
Он твердо знал: свет правды загорится...
Великий, он исполнен был забот
О тех, кто через много лет родится». [1, с. 55]

«Чтоб людям радостно жилось,
Всегда он занят делом.
Он хочет, чтобы каждый рос
Красивым, умным, смелым». [3, с. 12]

Согласитесь, общая картина складывается совершенно фантастическая. И это даже с учетом понимания того, что поэзия — искусство символическое и образное.

Вожди предстают и в виде богов плодородия. Конечно, мы нигде не найдем прямого указания на подобную особенность, не найдем и намеков на божественное происхождение вождей. Если в случае с солнцем параллели вполне явственные, то здесь можно довольствоваться лишь косвенными данными.

«Где Иосиф-свет пройдет — там ведь ключ пробьет,
Ключ пробьет, трава растет, трава растет, цветы цветут». [5, с. 105]

Впрочем, Сталин в роли создателя, покровителя природы смотрится все-таки несколько натянуто. Ленин же в этой ипостаси совершенно аутентичен, и это легко объяснимо.

«Смотри, как ликуют сады и поля:
Рождение Ленина славит земля!» [1, с. 84]

Сравнение Ленина с богами плодородия и земледелия выглядит особенно ярко: греческие Дионис и Деметра (Персефона), египетский Осирис символизировали весеннее возрождение природы после осеннего умирания. В рассматриваемом нами отрывке возникает похожая картина: каждый год, в день рождения Ленина, 22 апреля, тоже происходит пробуждение мира флоры и фауны от зимней спячки. Если даже это и совпадение, случайно ли оно? Кроме того, Осирис всегда считался царем загробного мира — а Ленин, всегда живой и в то же время мертвый в своем мавзолее, отлично соответствовал еще и этой древней мифологии.

Идем дальше. Вожди представляют собой могучих мифологических героев, победителей всех врагов.

«Стара вселенная, и много в ней
Рождалось мудрецов, богатырей.
Но Ленин всех великих превзошел.
Всю книгу жизни мира он прочел...
Будь жив сейчас великий Прометей,
Огонь небес добывший для людей,
Увидев Ленина, он на вершинах гор
Порвал бы цепи, вышел на простор!» [1, с. 83]

Снова мы видим упоминание великих героев древних мифов; более того, здесь Ленин прямо ассоциируется с тем, кто освободил титана Прометея — с Гераклом. Греческие мифы в Советском Союзе, впрочем, никто и не отменял, поэтому ассоциативный ряд можно было выстроить четко и ясно. Кстати, Сталина мы тоже можем лицезреть в этой эпохальной роли.

«Имя его гремит по Придонью,
Ладонь Геракла — ладонь ребенка
Перед его могучей ладонью». [5, с. 56]

Образ врага также играет не последнюю роль в мифе: герой обязан победить какого-нибудь монстра, чтобы стать героем, — пусть даже эта победа воображаемая. Вождь, одержавший викторию над врагом, пользуется гораздо большим почтением в массах; поэтому

создание образа вождя-супергероя было совершенно необходимо и всячески властью приветствовалось.

«Не ясный сокол тут полетывал —
Славный Сталин-свет поразъезживал,
Со своими друзьями со храбрыми.
Со Красною Армией верною
Он рубил и рубил силу белую...» [5, с. 105]

Понятная любому человеку бинарная оппозиция «хорошо—плохо» трансформирована здесь в противопоставление «красных» и «белых», а Сталин предстает как вождь «наших», главнокомандующий Красной Армией в Гражданской войне: перед нами, таким образом, классический идеологический фантом, симулякр.

Враги вождей — это традиционные хтонические чудовища, драконы и змеи.

«Совершенным Ленин рожден!
Обездоленных бедняков
От драконов избавил он,
От терзавших народ оков». [1, с. 435]

Одним из наиболее популярных в России образов врага всегда был змей. Святой Георгий Победоносец, поражающий змея, — символ государства. Христианский аналог драконоборца Георгия — воин-мученик Егорий Храбрый, утверждающий веру. Фольклорные враги Руси (например, различные кочевники) чаще всего представлены в виде змей и драконов. Былинные богатыри имеют соответствующих змеевидных противников: Добрыня — Змея Горыныча, Илья — Идолище Поганое, Алеша Попович — Тутарина Змеевича. Ивану-дураку не избежать битвы на Калиновом мосту. Герой в сказках часто выступает как воин, поражающий змея — воплощение зла, и, как результат, женится на царской дочери — то есть получает власть. На архаические языческие представления здесь накладывается христианская змееборческая символическая образность, а также политические реалии. В итоге налицо политический «архетип», который вкратце описывается так: «царь—воин, победивший змея—зло» [6, с.34, 44, 49]. В мифологическом пространстве советской поэзии этот «архетип» играет существенную роль.

«Но мы в счастливую семью
Впустили злобную змею.

Нас Троцкий предавал в бою,
Он грелся в трудовом краю,
Трусливо притаивши жало...» [5, с. 201]

«Иуда» Троцкий представляется нам ветхозаветным змеем, втершимся в доверие и коварно обманувшим жителей социалистического Эдема. И, конечно, как универсальный предатель Сына Человеческого. Образ змея-врага был созвучен древней культуре Руси, и советская пропаганда охотно его использовала для создания героического антуража и для возвеличивания вождей.

Но и это еще не всё. Духовное величие и физическая мощь вождей сопоставимы лишь с природными стихиями — например, с антиничными Нептуном и Посейдоном.

«Нашего Ленина сила —
Морю подобная сила!» [1, с. 344]

«Сталин, чье мужество непоколебимо,
Чью силу сравним мы лишь с мощью морей...» [5, с. 227]

Универсальный архетипический образ Мирового Древа, наподобие скандинавского Йггдрасиль, тоже прослеживается без труда в описаниях вождей.

«...Словно дуб, что непокорной
К солнцу поднялся главой,
Корнем же пробил упорным
Толщу скал и грунт морской...» [5, с. 83]

Повторим, что для подрастающих поколений необходимо было создать (хотя бы в творчестве) образ вождей как мистических и могущественных сущностей, с опорой на вполне доступные аналогии. Этой цели и служат подобные пассажи — подавлять человека, заставлять чувствовать свою ничтожность по сравнению с супергероями.

Мудрость вождей имеет сверхчеловеческий характер, они — обладатели универсальных, вселенских истин.

«Если всю мудрость мудрейших соединить
И на число звезд это умножить,
То и все же не получится мудрости
Великого Ленина!» [1, с. 39]

«Не вмещает стольких вод ширь Днепра сама,
Сколько есть у Сталина светлого ума.
В небе столько звездочек нету в синеве,
Сколько дум у Сталина в светлой голове!» [5, с. 29]

Цель стихов на данную тематику — та же. И аналогии схожие: природные стихии, звездное небо — все то, что способно произвести впечатление на рядового «потребителя» поэзии.

Вожди порой имеют предков-тотемов, что вполне характерно для архаического сознания. Поэту показалось, что орел, как благородная горная птица, хорошо подойдет на роль сталинского тотема. Действительно, почему бы и нет.

«Ждет того, чей спутник — ворон,
Вечной ночи злая мгла;
Солнцем светит тот, который
Род ведет свой от орла». [5, с. 83]

В контексте мифологического пространства, формирующегося в данной статье, орел, скорее, является мучителем идеологически положительного пролетарского титана Прометея, а потому вряд ли может возвеличить образ Сталина; впрочем, нет сомнений, что автор стихотворения такого толкования не имел в виду. Мифы, как мы знаем, многозначны.

Также мы здесь снова видим бинарную оппозицию «тьма—свет», на сей раз в значении «добро—зло». В очередной раз проглядывает и сравнение вождя с солнцем.

Вожди наследуют друг друга, передают бразды правления от «старшего» к «младшему». Родство великих — скорее духовное, нежели физическое.

«Нет, господа! Маркс не бездетен. Голос
Грядущего не будет заглушен.
Недаром человечество боролось!
Спор о грядущем — Лениным решен...» [1, с. 299]

Все советские лидеры неизменно преподносились как верные ленинцы, самого же Ленина называли учеником Маркса. Мистическая наследственная цепочка лидеров и властителей дум, получавших власть друг от друга (поскольку народ их не избирал), тянулась от Маркса через Ленина к Сталину и далее.

«Да несчастье вдруг случилось —
Подкосила смерть вождя-Ленина.
При кончине своей он призвал к себе
Друга верного, славна Сталина:
Ты примамай, примамай все дела мои,
Ты води народ к счастью светлому...» [5, с. 106]

Вожди, как настоящие боги, бессмертны; они могут умереть телесно, но непременно возродятся на высшем, духовном уровне.

«Нет! Он жив, не болен он, не умер!
Он в городе, он в селе!
В миллионах людей, в их порыве, их думе
Идет Ильич по земле». [1, с. 97]

Данный отрывок интерпретируется как типичное религиозное воззрение, стихийный пантеизм. «Пролетарский мистицизм» проявляется здесь в полной мере. Научный коммунизм был лишь ширмой для истинного советского мироощущения.

«Неслышно входит в комнату Ильич
И опускает руку на плечо мне...
Ильич со мной. В крови моей. В груди...» [1, с. 497]

«Ленин! Все видит он — звезды полярной мглы,
Мчащийся эшелон, кедров таежных стволы...» [1, с. 383]

Мы видим, что Ленин в советское время выполнял функцию универсального, вечного вождя, ибо именно он был помещен в мавзолей, в соответствии с архаическими представлениями о бессмертии души. Каким образом это могло сочетаться с диалектическим материализмом, остается только догадываться. Еще раз упомянем египетского Осириса, который, будучи убит и расчленен злобным братом Сетом, был затем «восстановлен» женой Исидой, в результате чего вернулся к жизни на символическом уровне: стал правителем и судьей Царства Мертвых. Вообще, архетип возрождающегося бога (вождя, тотемного предка) является отражением извечного стремления человека к бессмертию, физическому и духовному, отражением основного стимула к творчеству во все времена.

Роль партии тоже нельзя преуменьшать. Партия, возглавляемая всемогущими вождями, также обладает магическими способностями

ми; одно от другого неотделимо («Мы говорим ЛЕНИН, подразумеваем ПАРТИЯ»).

«Партия нас оградит от беды,
Для партии невозможного нет:
Партия скажет — и тают льды,
Партия взглянет — и всюду свет...» [1, с. 84]

Вновь возникают библейские мотивы, призванные облегчить восприятие символов («...и сказал Бог: “Да будет свет”. И стал свет»).

«Вы — знаменосцы правды лучистой,
Развеяли черной вражды облака.
Спасибо партии коммунистов,
Спасибо ленинскому ЦК!» [1, с. 424]

И в то же время вожди необыкновенно близки к народу, просты и человечны; в этом — мистическое соединение противоположностей. Они даже способны работать, как обычные люди; исходя из выстроенной нами картины мира, эта простая на первый взгляд особенность предстает совершенно невероятной. Впрочем, природа мифа всегда была противоречивой.

«Пошел в Кремле с разрухой бой,
И Ленин, как мастеровой,
Смешавшись с массою людской,
Бревно вдруг ухватил рукой —
Той самой, ленинской, какой
Писал декреты нам о мире
И о земле. И — ой! —
Все глянули, дивясь, и шире
Царь-колокол разинул рот...» [1, с. 235]

Степень близости вождя к народу максимальна — подобно многоликому Протею, он способен стать представителем любой национальности (например, ненцем) и примчать на оленях в тундру. Или даже как Дед Мороз, если угодно.

«Легко упряжкой управляет Ленин —
Он как ездок умелый, житель тундры...
И все, что есть — живое, неживое —
На Ленина глядит с холмов окрестных:

Еще такого не бывало чуда —
Сюда приехал Ленин! На оленях!» [1, с. 275]

Итак, мы видим, что в гипертексте советской поэзии наличествуют следующие образы: вожди — творцы, демиурги, управляющие природными стихиями; герои-победители злобных врагов, их мощь и мудрость подавляет, они всеведущи, вездесущи, всесильны, практически бессмертны; для всех людей они как отцы.

Соединение всех этих образов есть не что иное, как фантом, симулякр. Симулякром в культурологии принято называть копию без оригинала, которая существует сама по себе, без всякого отношения к реальности. Но это, тем не менее, даже не обман, а некое правдоподобие, исключающее разграничение правды и лжи. Создаваемый образ не отражает реальность, и даже не извращает ее; это есть «гиперреализм: искусство, которое продуцирует действительность» [2, с. 100]. В синкретизме реальности и иллюзии поэтический соцреализм смыкается с мифологическим мировоззрением.

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод, что общепринятый термин «социалистический реализм» порой просто не подходит; скорее, это следовало бы назвать «социалистическим (пролетарским) мистицизмом». Поэзия — искусство образное: без метафор, гипербол и прочих необходимых стилистических приемов не обойтись. Понятно, что разумный, взрослый человек не воспринимал их буквально; тем не менее, они так или иначе на него воздействовали, оказывали магическое влияние.

«Социалистический мистицизм» как разновидность фантастики работает здесь на совершенно конкретную цель — мифологизацию вождей, их возвеличивание и обожествление. Человек, загипнотизированный, запрограммированный с детства на беспрекословное подчинение и поклонение, должен был стать фундаментом коммунистического общества. Утопия близилась к своему осуществлению.

Список использованной литературы

1. В. И. Ленин в поэзии народов СССР. М., 1980.
2. Генис А. Лук и капуста // Вавилонская башня. М., 1997.
3. Забила Н. Наша Родина. М.-Л., 1950.
4. Рак И. В. Мифы Древнего Египта. СПб., 1993.
5. Сталин: стихи и песни к 60-летию. М., 1939.
6. Щербинина Н. Г. Герой и антигерой в политике России. М., 2002.

Омонимы и чечевица

*Два разных родника, похожие на вид,
Струятся на горах прекрасных
Пирейд*

П РОНСАР

Ну что ж, друзья мои. Пришла пора потолковать о вещах серьёзных: о кораблях, сургучных печатях, о старых башмаках, об омонимах и чечевице.

Вот, кстати, омонимы. Штука забавная и где-то даже загадочная. Слова, которые звучат обманчиво-одинаково, а на самом деле обозначают совершенно разные вещи. Не стоит путать женскую прическу с сельскохозяйственным инструментом только потому, что и то, и другое называется косой. А уж о последствиях неразделения цветочного горшка с ночным и говорить не приходится. Дело, как нетрудно догадаться, исключительно в контексте. В словах, стоящих рядом. В конце концов, всякому, имеющему некоторый пейзажный опыт, понятно, что рвать цветы на луку — совсем не то же самое, что рвать их у себя в огороде. Там они, безо всяких недомолвок и омонимов, называются попросту сорняками.

Что ж. Об омонимах мы, кажется, поговорили. Можно и о фантастике.

Забавно. Рассуждения о фантастике как «низком жанре», «массовой литературе» и «жвачке для мозгов» — в коих рассуждениях фантастика наряду с детективом и любовным романом образует некий триумvirат отщепенцев, пасынков литературы — по степени своей монотонности могут быть сравнимы разве что с однообразными контраргументами с той стороны колючей проволоки. Заметьте: сам факт наличия в тексте любого из патентованных фантастических атрибутов, будь то инопланетяне, маги, бластеры и вариации на

тому грядущего, отнюдь не априори свидетельствует о принадлежности такого текста к фантастике. Примеров в современной российской словесности тьма, от Крусанова и Быкова до Толстой, Сорокина и Проханова.

Бессмысленность подобного рода «апелляций из гетто», похоже, всё больше становится понятной и внутри фантастического анклава. Всё чаще раздаются призывы «пойти своим путём», «создавать альтернативную параллельную иерархию», «жить своей жизнью». Собственно говоря, именно это нынче и имеет место быть: существует ряд собственно литературных сообществ, претендующих на некую «элитарность», со своими «толстыми» журналами и премиями навроде «Букера» или «НацБеста» — и соответствующее сообщество фантастов, именуемое Фэндомом, где присутствуют точно те же институты. Замечу здесь, что ни детективисты, ни авторы сентиментальной прозы ничем подобным похвастаться не могут, что уже заставляет усомниться в легитимности «уравниловки» между ними и фантастами.

Напротив, из нашего лагеря регулярно раздаются крайне скептические реплики в адрес того, что отчего-то называется у нас мейн-стримом. Однако все попытки скопом поименовать оппонентов коп-рофагами, погрязшими в описании всевозможнейших извращений и психических расстройств, также едва ли основательны — хотя и не беспочвенны.

Однако сомнительная прелесть ситуации состоит в том, что «клеветники фантастики» во многом правы. Ой, как правы! Стоит наугад снять с полки книжного магазина расписанный драконами или звездолетами пухлый том, произвольно раскрыть его, чтобы со значительной долей вероятности убедиться в, мягко говоря, удаленности предлагаемой последовательности слов от собственно литературы. Немалую роль в подобном, далеко не умозрительном, эксперименте сыграет и то, что под руку со значительной долей вероятности попадется «Opus Magnus» кого-нибудь из корифеев продаж.

Давайте оговоримся сразу: тираж и продажи мерилom литературного качества не являются ни в какой мере. Давайте оговоримся ещё: в разговоре о собственно литературных достоинствах мнением «неквалифицированного читательского большинства» можно пренебречь, как фактором из другой линейки ценностей. И разность литературных направлений здесь не имеет никакого значения. Шекспир, по мнению современных ему литературо- и театроведов, был кичмен. Помните? Все эти призраки, эльфы и прочие Калибаны с Ариэлями. А Мольер? Автор для «галёрки». До сих пор ставится с немалым успехом и немалыми же сборами. А тогдашние кумиры

тогдашних снобов? Строчка в литературной энциклопедии, предмет диссертационных студий. Постановка? Только по гранту, все равно не окупится. С другой стороны, в незабвенные девяностые все неоднократно потуги господ издателей «дать народу» Ната Пинкертон или Ваньку Каина заканчивались оглушительным чпоком. А ведь как гремели, какие тиражи делали! И далее: если известный «в узких кругах» автор решается «слабать нетленку» — результаты тоже далеко не всегда будут равнозначны. У кого-то выйдет «Лолита» или «Хазарский словарь», у кого-то — «Приключения Эраста Фандорина» или «Код да Винчи».

Вернемся, однако, к Пресветлой Госпоже нашей Фантастике. К замечательному конвенту «Роскон», на котором, помимо прочего, вручается и премия «Фантаст Года». Вручается исключительно за уровни продаж, сиречь — к чему душой кривить? — за любовь народную. Кто там, среди титанов книготорговли, покорителей рынка и читательских душ? Перечислим прошлогодних номинантов: Лукьяненко, Перумов, Головачев, Никитин, Белянин, Семенова, Фрай, Бушков... А теперь попытаемся вспомнить, кто из них может похвастаться корпоративными наградами, присуждаемыми всеобщим и демократическим голосованием? Правильно, Лукьяненко. Но Сергей Васильевич — отдельный феномен, сам по себе достойный вдумчивого анализа. А остальные? Прочие-всякие-разные-популярные? Отчего, собирая внушительную аудиторию на книжном рынке, они не в состоянии собрать потребное количество голосов на наших конвентах?

И наоборот: наши корифеи, звезды Фэндом, как сие не печально, никогда, очевидно, не смогут похвастать ни соответствующими тиражами, ни сравнимым признанием читательских масс.

Что поделать — совершенство и справедливость этому миру присущи разве что в совершенно умозрительном аспекте.

Вариантов ответа на вопрос, отчего мнение участников конвентов столь разительно расходится с мнением широкой аудитории, существует как минимум два.

Первый из них, весьма любый вне нашего сообщества, гласит: Фэндом — не более чем сборище по интересам, участники которого заняты исключительно «раздачей слонов» самим себе. Этакое сектантское торжище, или, если угодно, игры в песочнице — со своими куличиками и совочками.

Другой же состоит в том, что Фэндом есть сообщество профессионалов, включая сюда и профессиональных читателей, расставляющее приоритеты без оглядки на тотальное большинство.

Кто прав?

Беда в том, что те самые «критики от боллитры», как правило, знакомы с типовыми — а отнюдь не лучшими — образчиками фантастической литературы. Исключение составляет разве что Сергей Чупринин, который всё же озаботился местом фантастики в нынешнем литературном процессе. Что ж — именам Александра Зорича, Олега Дивова, Марины и Сергея Дяченко, Евгения Лукина и многих других действительно талантливых авторов, вполне нашлось место среди лучших, с его точки зрения, современных словесников. Да и политика редактируемого Сергеем Ивановичем «Знамени» подтверждает, что сугубо фантастические произведения вполне вписываются в «толстожурнальный» формат. А вот любопытно, кстати: какова будет номинационная судьба чупрининского двухтомника «Русская литература сегодня»? Посчитают ли автора «достойным» соревноваться с нашими статейками и обзорами*?

Здесь уместно, очевидно, провести параллель с «прокатным» и «фестивальным» кинематографом. Полагаю, получить пресловутого «Оскара» едва ли сложнее, чем каннскую «Пальмовую ветвь». Бывает, что сугубо фестивальная лента делает неожиданно высокие сборы. Но редко, редко, редко, редко.

Так вот. Фэндом — в идеале, по крайней мере, — объединяет не просто абстрактных «любителей фантастики», а людей, которые, при всей разнице вкусов и взглядов, объединены некой общей системой координат, некой внутренней иерархией и критериями успеха, отличными от массовых. Заметьте: я нарочно избегаю качественных оценок. Однако сам факт отличия, полагаю, очевиден.

Попробуем теперь не ограничиться констатацией этого факта, а, в меру сил и способностей, попытаться его проанализировать.

О чем я? А вы вспомните эпиграф. «Два разных родника, похожие на вид». Похожие, не спорю. Буковок, как ни крути, всего-то тридцать три. Вот только складываться они могут ох как по-разному.

Пора бы назвать вещи своими именами: говоря о фантастике и фантастике, мы отчего-то не отдаем себе отчета в том, что говорим об омонимах, понятиях разных и несравнимых по сути своей. Похожи? В первом приближении, да. Родственны? Разве что в самом обобщенном смысле.

Между прочим, нечто подобное существовало еще в советские времена. Были целые плеяды авторов, что и нынче остаются признанными классиками, — и были искатели конъюнктуры, выдающие на-гора по одному лекалу скроенные романы о торжестве коммунизма, происках Запада и тому подобной ахинее. Поймите меня

* Увы. Ни на одном из прошедших в 2007 году конвентов работы Чупринина номинированы не были.

правильно: те же Стругацкие, к примеру, тоже отдали дань романтике коммунизма. Но сравнивать их с Немцовым или Казанцевым...

Идеология исчезла, писать о космических стройках коммунизма больше не целесообразно. Однако конъюнктура осталась, она просто сменила формат. Заметьте, опять же: я никоим образом не пытаюсь принизить то или иное направление в фантастике. Бесконечные «опупеи про ельфов» и мыльные космооперы вовсе не означают, что любой автор фэнтези или космической оперы — априори графоман. Всякий, более-менее сведущий в вопросе, мигом приведет не один десяток примеров. В чем отличие? Где тот пробный камень, та грань, тот «шиболет народный», с помощью которого можно отличить настоящую литературу, какой под грифом «фантастика» пишется немало, от низкопробной ерунды, какой — что греха таить! — куда больше?

А почему бы и в самом деле не воспользоваться тем коллективным разумом, имя которому — Фэндом? Ведь, как уже было сказано, состоит он именно из профессионалов — а кому, как не им, определять, что из бесконечного потока новых и новых изданий достойно сиюминутного успеха, а что — Вечности?

Всё ведь до банальности просто: используя фантастические приемы как самоцель, авторы, как правило, настолько сужают сферу своих возможностей, что просто вынуждены сбиваться на давно исхоженные тропы. В то же время применение фантастического именно как метода позволяет порою создавать тексты куда как незаурядные — с любой точки зрения. Именно такие книги, каждая из которых привносит что-то новое в уже сложившийся контент, и двигает вперед не только фантастику, но и литературу вообще. Потом, после заслуженного признания и успеха, следом приходят эпигоны, выдающие распробовавшей новое лакомство толпе новые и новые копии. Что делать, законы массового производства. Но равнять художника и маляра всё же не стоит. Профессии, как ни крути, разные.

Однако нынче происходят вещи воистину странные, если не сказать — страшные. Коммерческий диктат на проверку оказывается не слаще идеологического. Твой тираж — четыре, пять, семь тысяч? И это — после четырех, пяти, семи авторских книг? Добро пожаловать в неудачники. Лузеры, как теперь модно говорить. Написал ты очередной «проходняк», уже изначально, на стадии издательских планов определённый в «слив», создал ли бессмертное творение, понятное немногим, — рынку всё едино. Интеллектуальная, «высоколобая» фантастика, как правило, не прибыльна: высоколобые интеллектуалы предпочитают иные издательские форматы и серии — не в

последнюю очередь оттого, что само понятие «фантастика» изрядно скомпрометировано общим невысоким уровнем.

Тут предвидится возмущенный гул. Как же так? Вот же они, наши маяки и кумиры, инженеры душ и властители дум. Мы знаем их и любим. Мы ждем их новые книги, при встречах ловим каждое слово... А много ли нас, дорогие друзья? Иными словами, говоря с почтительным придыханием о Пресветлой Госпоже нашей Фантастике, имеем ли мы в виду то же самое, что и те десятки тысяч читателей, что отдают предпочтение именно фантастической литературе? Увы. Иначе рейтинги продаж и наши внутрикорпоративные рейтинги не находились бы в столь вопиющем противоречии.

Но и это еще не всё. Даже наши конвенты, эти цитадели вкуса и оплоты традиций, всё больше превращаются в чисто коммерческие мероприятия, становятся из места встречи единомышленников в сборище любителей потусоваться. Новые люди, свежая кровь Фэндома? Ах, если бы! Среди новичков всё больше желающих не столько мир посмотреть, сколько себя показать. И если бы это было то старое доброе «фэньё», так ужаснувшее в своё время милейшего Андрея Валентинова! Если бы речь шла об очередной «объединенной писательской группировке», желающей «до основания, а затем»! Беда в том, что на конвенты всё чаще попадают люди, понимающие под «хорошей фантастикой» совсем не то же самое, что мы. Люди со вполне сформировавшимися вкусами, твердо знающие, кто сегодня самый главный гений — с их точки зрения, разумеется. И если раньше начинающие фэны приезжали на конвент учиться, учиться читать, учиться понимать литературу — нынешние неофиты с заслуживающим лучшего применения упорством предпочитают не коррелировать собственный зачаточный вкус, а предъявлять его окружающим в качестве эталона. Не все. Разумеется, далеко не все еще. Пока. Однако — тенденция.

Я ни в коем случае не хотел бы ненароком кого-то обидеть напрасно. Однако факт остается фактом: приток новых участников всевозможных конвентов осуществляется в основном за счёт того самого «неквалифицированного большинства», о котором говорилось выше. Тех, чьими усилиями сегодня формируется шорт-лист премии «Фантаст Года» — а скоро, при сохранении складывающейся тенденции, шорт-листы всех открытых премий. Что произойдет тогда? В худшем случае — Фэндом расколется на большую, «коммерческую» часть, щедро спонсируемую издательствами, со многими сотнями участников — и значительно меньшую, построенную вокруг «старых идеалов», с конвентами, где для голосования составляется скрупулезно отобранный номинационный список из десятка «проверенных» авторов. Качественная, умная и стильная фантастика вновь

вернется в глухой андеграунд — на сей раз не под идеологическим, а под вполне рыночным прессом.

Нет-нет, я вовсе не призываю к такому расколу! Хуже этого, пожалуй, может быть только искусственное ограничение доступа на конвенты. В таком случае пресловутое гетто будет не просто огорожено от остального мира, а еще и добровольно пустит по колючей проволоке ток. А оно нам надо?

Не лучше ли вместо того, чтобы прогибаться под внешним давлением или городить непреодолимые преграды, в лучших традициях жанра нанести ответный удар?

Можно сколько угодно ужасаться общим невысоким уровнем читательской аудитории. Можно сетовать на засилье низкопробных романчиков и их любителей. А можно задаться простым, но от того не менее важным вопросом: а что делается для изменения этой ситуации? Почему вся энергия Фэндомы направлена исключительно вовнутрь? Почему, к примеру, награждение каким-нибудь «Букером» или «НацБестом» — вполне информационный повод, способный привлечь и прессу, и телевидение, а вручение того же Большого Роскона или Интерпресскона непрофильные СМИ отнюдь не жалуют? При том, что интерес к фантастике, как ни крути, уж никак не меньший, чем к пресловутому мейнстриму? А ведь любая информация о получении книгой или автором звучной награды — достаточно весомый для многих и многих наших сограждан стимул для проявления любопытства. Здесь вполне уместно, например, вспомнить украинский опыт: обилие информационных материалов и о «Звёздном Мосте», и о «Портале» впечатляет. Отсюда и поддержка на самом высоком государственном уровне, и повышенный интерес читателей.

Слово «пиар», пожалуй, уже давно набило всем оскомину. Однако без пиара не обойтись никак. Нам срочно — срочно, понимаете? — необходимо популяризировать то лучшее, что есть в отечественной фантастике. Однако кто будет этим заниматься? Писатели, увы, люди инертные. Для большинства из них все ограничивается блогом в «Живом Журнале». И сколько народа читает эти блоги? В лучшем случае, пара-тройка тысяч. Как правило — две-три сотни, а то и меньше. Сколько среди них старых добрых знакомых? Две трети, по самым мягким оценкам. Вот и получается этакий «виртуальный конвент», замкнутый на самое себя. Способны ли такие журналы принести их обладателям новых «бумажных» читателей? Едва ли.

Но Господь с ними, с писателями. Они люди творческие, им о суетном думать недосуг. На издателей, пожалуй, тоже рассчитывать не приходится: им гораздо выгоднее продолжать раскручивать уже проверенных авторов, делать из стотысячного тиража двухсоттысячный,

чем прилагать усилия к увеличению продаж с пяти до каких-то там семи-восьми тысяч. Овчинка — выделки, нешто ж мы без понятия?

Может быть, критики? Им-то, казалось бы, профессиональный долг велит продвигать всё самое-самое-самое навстречу ждущему читателю. Однако критики отчего-то предпочитают толкаться у кормушек специализированных изданий, не спеша вторгаться в терра инкогнита. Да и убедить редактора «общечеловеческого» издания опубликовать интервью или рецензию на книгу не известного ему лично автора не на правах рекламы — дело, как правило, безнадежное. Поверьте, проверено.

У нас сегодня есть практически всё, потребное для успеха — не камерного, «для своих», а настоящего. Звонкого. Всеобщего. Не хватает только одного: толкового пиар-менеджера, готового по пять дней в неделю, одиннадцать месяцев в году продвигать ту качественную фантастику, которую мы так любим. И усилиями отдельных энтузиастов-бессеребренников тут не обойтись. А что, может быть, сбросимся по маленькой — всем миром, то есть, всем Фэндомом?

К сожалению, в последнее время в силе другие тенденции. И вот уже наша перспективная молодежь, жаждущая не только профессиональной состоятельности, но и вполне конкретного успеха, обречена делать выбор между признанием уважаемых коллег, красивыми статуэтками премий — и тиражами, гонорарами, материальным благополучием. Правильно говорят умные Олди: «если слушать наши советы, может упасть тираж». И многие ли после этого станут эти советы слушать? Многие ли из услышавших не пожалеют об этом впоследствии?

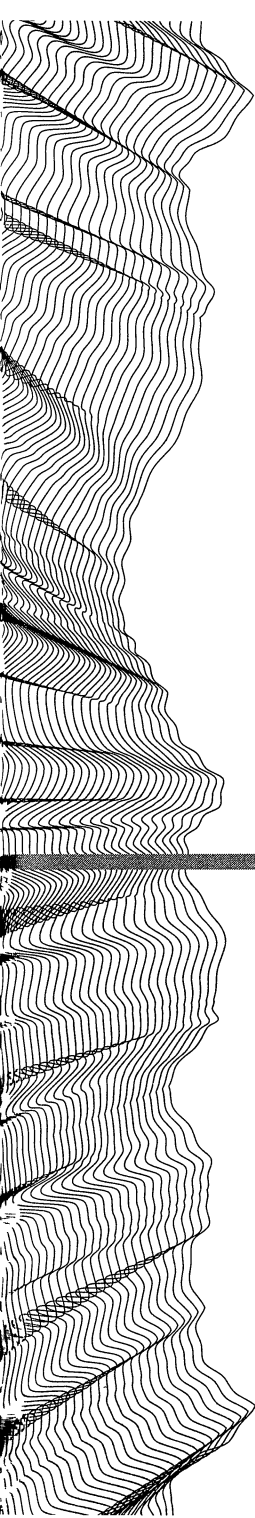
Хотелось бы верить, что многие. Хотелось бы верить, что и впредь кроме уловивших конъюнктуру деловаров от литературы будут оставаться и те, для кого писательство в первую очередь есть творчество, а не рутинная работа, приносящая стабильный доход. Что первый, главный родник, струящийся на Пирейских горах, не зарастет тиной, не пересохнет и по-прежнему утолит жажду всех желающих. И что число желающих пить именно из этого родника будет лишь увеличиваться.

И очень хотелось бы, чтобы помимо веры была еще и уверенность.

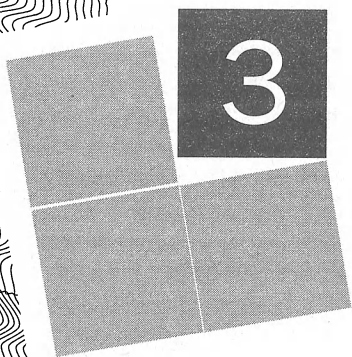
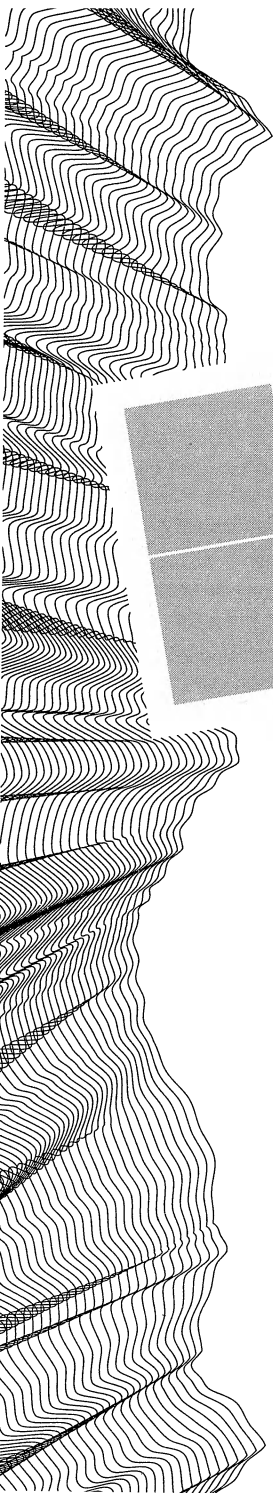
Что ж. Свободу воли не могут отнять ни рыночная конъюнктура, ни масонский заговор. У каждого есть выбор. Что читать, что писать, за что голосовать. Что считать фантастикой, а что — дешёвой поделкой, эксплуатирующей жанровые шаблоны.

Хотите — сохраняйте первородство.

Не хотите — жрите вашу чечевицу!

ИНФОРМАТОРИЙ

ФанТОР-2008

Какая весна в Санкт-Петербурге обходится без конвента?

Обычно эту роль играет «Интерпресскон», традиционно проводящийся в начале мая на протяжении вот уже восемнадцати лет, однако в 2008 году его оргкомитет под началом Александра Сидоровича будет плотно занят подготовкой московского «Еврокона». Впрочем, питерским любителям фантастики не стоит отчаиваться: с 1 по 4 мая 2008 года в городе Сосновый Бор Ленинградской области пройдет фестиваль фантастики «ФанТОР-2008».

История конвента уходит глубоко в прошлое.

Первоначально «ФанТОРом» (сокращение от «Фантастика-Общество-Реальность») назывался сосновоборский клуб любителей фантастики, созданный в 1985 году известным фэном и литературным критиком Владимиром Ларионовым. Конференция с аналогичным названием, проведенная в 1989 году, по сути дела стала первым конвентом в северо-западном регионе.

Задачей нового фестиваля является, наряду с сохранением лучших традиций предшествующих конвентов, поиск новых форм организации, способствующих расширению привычной аудитории.

Мероприятия фестиваля распределены на три тематических дня: литературы, кино, музыки.

Помимо привычных семинаров и докладов главный инициатор «ФанТОРа» Дмитрий Фенченко (Москва) собирается пригласить представителей музыкальных групп, которым не чужды

фантастические мотивы, но которые до сих пор не принимали участие в крупных съездах фантастов. Конвент планируется как разовое мероприятие, ни в коем случае не претендующее на роль конкурента «Еврокона» и «Интерпресскона».

Размер оргвзноса и подробная программа в данный момент уточняются.

Пожелания и предложения можно присылать по адресу fantor2008@mail.ru или оставить в ЖЖ-сообществе <http://community.livejournal.com/fantor/>

Василий Владимировский, 19.01.2008

От редакции: Поскольку редакция альманаха «Полдень, XXI век» географически расположена в Санкт-Петербурге, мы всегда уделяем пристальное внимание фантастическим конвентам, проходящим в Северной Столице и ее окрестностях.

Вот и в «ФантОРе-2008» мы непременно примем участие и подготовим информационный материал о новом конвенте, его программе и результатах.

Еврокон-2008

РосКон-2008 / Интерпресскон-2008

Москва, 15-18 мая

Дорогие любители фантастики!

Оргкомитет ежегодного фестиваля фантастики «Роскон» приглашает вас принять участие в «Росконе-2008», который пройдет 15—18 мая 2008 года в подмосковном пансионате «Лесные дали».

Фестиваль будущего года получил статус «Еврокона-2008», а это значит, что в 2008 году «Роскон» официально будет считаться главным европейским фестивалем фантастики.

В программе «Роскона-2008» — встречи с известными писателями и кинематографистами, премьеры фильмов, концерты, семинары, мастер-классы для молодых фантастов и, конечно же, вручение традиционных наград «Алиса» (за лучшую фантастику для детей) и «Фантаст года» (за самые высокие тиражи в фантастике). В 2008 году на «Росконе/Евроконе» будут также вручены награды Европейского общества научной фантастики, присужденные голосованием участников национальных делегаций, а еще Премия Премий — из числа лауреатов «Роскона», «Интерпресскона», «Звездного моста» участники выберут лучшие фантастические произведения начала XXI века. Кроме того, свой приз «Бронзовая Улитка» посредством интернет-моста вручит Борис СТРУГАЦКИЙ.

Почетными гостями «Роскона/Еврокона-2008» будут лауреаты предыдущих «Евроконов» Сергей ЛУКЬЯНЕНКО, Ник ПЕРУМОВ, Марина и Сергей ДЯЧЕНКО, Генри Лайон ОЛДИ. Почётным

событием Еврокона также станет приезд Гарри ГАРРИСОНА и других западных авторов. Принять участие в фестивале приглашены и знаменитые российские космонавты!

История «Росконов» началась в 2001 году — первый «Роскон» стал первым российским фестивалем фантастики, состоявшимся в 3-м тысячелетии. За минувшие семь лет «Роскон» стал постоянным местом встречи самых известных писателей, переводчиков, критиков, издателей, работающих в жанре фантастики в России и других странах бывшего СССР. Назовем Сергея Лукьяненко, Ника Перумова, Марину и Сергея Дяченко, Василия Головачева, Олега Дивова, Александра Громова, Евгения Лукина, Генри Лайона Олди, Владимира Михайлова, Андрея Лазарчука, Владимира Васильева, Алексея Пехова...

До последних дней с нами был знаменитый российский фантаст Кир Булычев.

Именно «Роскон» первым после долгого перерыва возобновил в России такую форму общения писателей-фантастов, как мастер-класс. Именно «Роскон» стал заново налаживать мосты между писателями и кинематографистами — и именно на «Росконе» состоялся премьерный показ такого международного блокбастера, как «Ночной Дозор».

Сегодня «Роскон» — это самый массовый литературный фестиваль на территории Восточной Европы. В нем принимает участие более 600 человек ежегодно. Происходящее на «Росконе» освещают ведущие масс-медиа Российской Федерации, включая Первый канал телевидения и центральные газеты.

Стоимость участия в конвенте:

Следите за объявлениями на сайте.

Частичная аккредитация:

Вы получаете материалы конференции и можете участвовать в голосовании.

Аккредитация включает: сувениры; ежедневные концерты; дискотеку; пивную вечеринку; просмотр НФ-кинопоказов (плюс премьеры); транспорт к пансионату и обратно до станции метро.

Полное участие:

Проживание - четыре дня и три ночи (стоимость варьируется в зависимости от двух-трех-одноместных номеров, условия-люкс за дополнительную оплату), трёхразовое питание, материалы конференции, участие во всех мероприятиях.

Внутренний телевизионный канал конвента с трансляции специальных киноматериалов и происходящих событий: «RosC TV».

Если возникли вопросы, свяжитесь с нами:

Олег Колесников, член ESFS,
председатель оргкомитета Роскона и Еврокона-2008:
тел. +7-495-1707231

e-mail: eurocon2008@gmail.com

Александр Ройфе, член оргкомитета:

тел. +7-903-7795161

e-mail: alexander.royfe@gmail.com

Не забудьте посетить следующие сайты:

www.esfs.info

www.convent.ru

www.eurocon2008.ru

(Информация взята с сайта

<http://www.eurocon2008.ru/index-rus.html>)

Юбиляры

декабря 2007 – января 2008 гг.

20 декабря:

40 лет назад родился **Дмитрий Львович БЫКОВ** (р. 1967), поэт, писатель, критик и публицист, автор романов «Оправдание», «Орфография», «Эвакуатор», «ЖД», учебника альтернативной зоологии «В мире животиков» (с И. Лукьяновой), стихов из «Черной тетради» Н. Гумилёва в романе А. Лазарчука и М. Успенского «Посмотри в глаза чудовищ».

24 декабря:

50 лет назад родился **Алексей Анатольевич ЕВТУШЕНКО** (р. 1957), писатель и художник-карикатурист, основатель газеты «Массаракш» (Ростов-на-Дону), автор романов «Избавление», «Древнее заклатье», «Под колесами - звезды», «Человек-Т, или Приключения экипажа “Пахаря”», сериала «Отряд».

9 января:

55 лет назад родился **Александр Васильевич ЕТОЕВ** (р. 1953), писатель, автор сборника «Бегство в Египет», работы «Душегубство и живодёрство в детской литературе», повести «Спикосрак капитана Немова».

16 января:

45 лет назад родился **Максим Владимирович НЕМЦОВ** (р. 1963), редактор и переводчик произведений Д. Бартелми, У. Берроуза, Б. Дилана, М. Милла, К. Мура, О. Хаксли.

23 января:

40 лет назад родилась **Марина Юрьевна ДЯЧЕНКО** (р. 1968), актриса и писательница, автор романов «Привратник», «Ритуал», «Шрам», «Преемник», «Скрут», «Ведьмин век», «Пещера», «Казнь», «Армагед-дом», «Долина Совести», «Пандем», «Варан», «Vita Nostra» (все - с мужем Сергеем Дяченко), «Рубеж», «Пентакль» (с С. Дяченко, А. Валентиновым, Г. Л. Олди).

Редакция альманаха «Полдень, XXI век» поздравляет юбиляров и желает им дальнейших творческих успехов.

Выражаем благодарность Владимиру Борисову (Абакан) за предоставленную информацию.

Наши авторы

Валерий Брусков (род. в 1947 г. в Брянской обл.). Писатель, поэт, философ, художник, автор двух книг стихов, двух книг фантастики, двух книг афоризмов. Иллюстрации к своим и чужим книгам, многочисленные публикации в сборниках и периодике. Живет в Екатеринбурге. В альманахе «Полдень, XXI век» публиковался неоднократно.

Андрей Измайлов (род. в 1953 г. в Баку). Закончил факультет журналистики ЛГУ. Мастер отечественного триллера (трилогия «Русский транзит», диалогия «Час тref», «Белый ферзь», «Трюкач», «Считаю до трех!» и др.). Живет в Санкт-Петербурге.

Сергей Карлик (род. в 1972 г.). В газете «Просто фантастика» в ноябре прошлого года был опубликован рассказ «От каждого по желанию». Живет в Москве. Работает начальником отдела продаж в небольшой фирме по обслуживанию и продаже печатно-множительной техники.

Валерий Окулов (род. в 1950 г. в Иванове). Закончил ИЭИ, более тридцати лет работает инженером-электриком в различных фирмах. С детства занимался НФ-библиографией. Автор сборника «Bibliouniversum. Попытка контакта» (2005), составитель и комментатор антологии «Фантастическая провинция», вышедшей в Иванове. В нашем альманахе уже печатался (эссе «Все как в жизни», октябрь 2007 г.).

Геннадий Прашкевич (род. в 1941 г.). Прозаик, поэт, переводчик. Член Союза писателей с 1982 года; Союза журналистов с 1974 года; Нью-Йоркского клуба русских писателей с 1997 года; русского Пен-клуба с 2002 года. Лауреат нескольких литературных премий. Автор детективных, исторических, научно-фантастических, приключенческих повестей и романов и научно-популярных книг. Издавался в США, Англии, Германии и других странах. В альманахе «Полдень, XXI век» публиковался неоднократно. Живет в новосибирском Академгородке.

Дмитрий Проскуряков (родился в 1976 г. в Перми), выпускник исторического факультета местного университета. Страницка в Интернете с образцами короткой прозы находится по адресу http://zhurnal.lib.ru/p/proskurjakow_d). Работает в рекламном агентстве, живет в Перми. В нашем издании публиковался неоднократно.

Аркадий Рух (род. в 1974 г. в г. Ветка Гомельской области). Литературный редактор, критик. Дебютировал в 2003 г. статьей «Фантастические метаморфозы фантастики». Лауреат премий «Фанткритик-2005», Фестиваля фантастики «Звездный Мост-2006».

Печатался в журналах «Питербоок+», «Реальность фантастики», «Порог», «FANтастика». В нашем издании уже публиковался (статья «К вопросу об определении понятия “фантастика”», № 3 за 2005 г.). Выпускающий редактор издательства «Белситис» (Минск). Живет в Минске.

Евгений Эдин (род. в 1981 г. в г. Ачинск Красноярского края). По образованию экономист-менеджер. Публикации в лит. альманахе «День и ночь», в 2007 г. — лонг-лист всероссийской премии «Дебют». Работает корреспондентом на Радио России «Красноярск». Живет в Красноярске.

Содержание

КОЛОНКА ДЕЖУРНОГО ПО НОМЕРУ

Николай Романецкий

3

ИСТОРИИ, ОБРАЗЫ, ФАНТАЗИИ

Геннадий Прашкевич «НЕТ ПЛОХИХ ВЕСТЕЙ ИЗ СИККИМА».

Повесть, начало

7

Сергей Карлик «ПО-ВОЛЧЬИ». *Рассказ*

77

Евгений Эдин «ВИРУС ПЕЛЬДМАНА». *Рассказ*

95

Наталя Медведева «ИДЕАЛЬНАЯ СТРАХОВКА». *Рассказ*

107

Валерий Брусков «ГЕН СЭРА УИНСТОНА». *Рассказ*

117

Андрей Измайлов «ХОРОШО ЗАБЫТОЕ СТАРОЕ». *Энциклотура*

121

ЛИЧНОСТИ, ИДЕИ, МЫСЛИ

Валерий Окулов «ДОКАЗАТЕЛЬСТВО АКСИОМЫ». *Эссе*

141

Дмитрий Проскуряков

«СОВЕТСКАЯ ПОЭЗИЯ КАК ОСОБОЕ МИФОЛОГИЧЕСКОЕ
ПРОСТРАНСТВО». *Эссе*

147

Аркадий Рух «ОМОНИМЫ И ЧЕЧЕВИЦА». *Эссе*

159

ИНФОРМАТОРИЙ

«ФанТОР» - 2008

169

«Еврокон» - 2008

171

Юбиляры декабря 2007 – января 2008 гг.

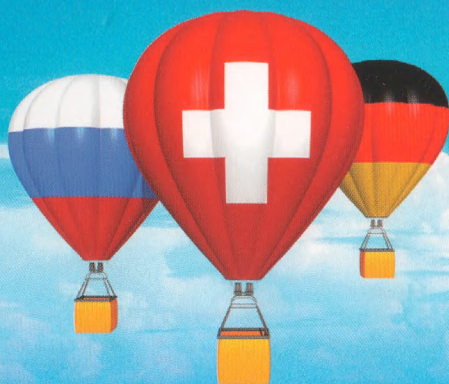
174

НАШИ АВТОРЫ

175

iGlobe.ru
online travel*

Один клик – и Вы начинаете свое
путешествие прямо сейчас!

Более 20 000 отелей и ведущие авиакомпании
для бизнес-путешествий и отдыха по всему миру

www.iglobe.ru

БЫСТРО!

НАДЕЖНО!

ВЫГОДНО!

iGlobe.ru - универсальная онлайн-система бронирования
билетов, гостиниц и машин по всему миру, на русском языке
с надежной швейцарской системой безналичной оплаты **Safer Pay**.

реклама

* Путешествия онлайн

15 апреля исполняется 75 лет
главному редактору альманаха

ПОЛДЕНЬ

XXI ВЕК

В честь юбилея Бориса Натановича
Стругацкого апрельский номер
будет толще

Читайте в апрельском номере:

Неопубликованный ранее рассказ Аркадия и Бориса Стругацких «К вопросу о циклотации»

Окончание повести Геннадия Прашкевича
«Нет плохих вестей из Сиккима»,

а также произведения
Сергея Стрелецкого, Андрея Измайлова,
Константина Фрумкина, Анта Скаландиса
и других авторов